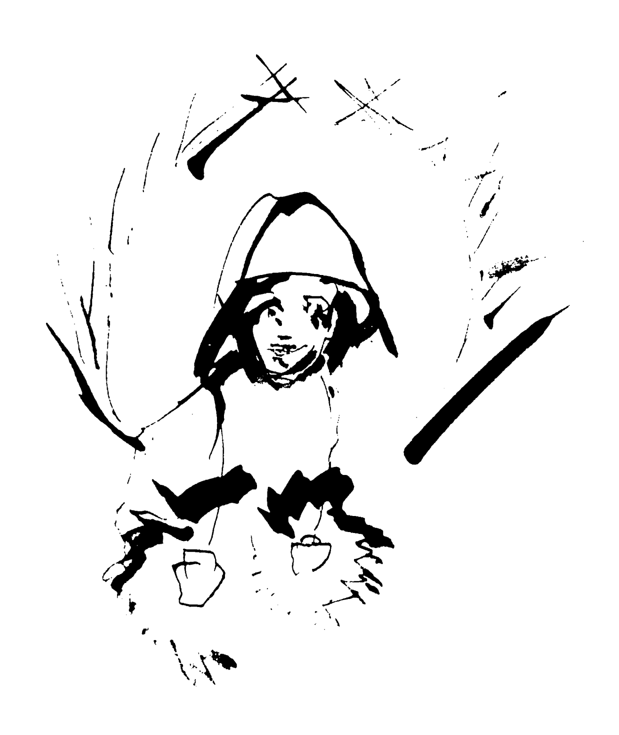
Русские в Париже. 1919 - 1939

Кстати

Елена Менегальдо

Русские в Париже
1919 - 1939

С Т Р А Н Н И К

Hélène Menegaldo

Les Russes à Paris
1919 - 1939

Editions Autrement
Paris

Елена Менегальдо

Русские в Париже
1919 - 1939

Общество друзей Алексея Ремизова

Наталья Попова
"Кстати"
Москва

УДК 944. 087
ББК 63. 3 (2) 61+63.3 (4 Фра)
М-50

Елена Менегальдо

Русские в Париже 1919 - 1939

Перевод с французского
Наталья Попова, Игорь Попов

В оформлении обложки использован рисунок **Юрия Анненкова**
Текст книги оформлен рисунками **Алексея Ремизова**

Издатели благодарят профессора-слависта Рене Герра
за безвозмездно предоставленный иллюстративный материал

*Издание осуществлено в рамках программы "Пушкин"
при поддержке Министерства Иностранных Дел Франции
и Посольства Франции в России*
*Ouvrage réalisé dans le cadre du programme d'aide à la publication
Pouchkine avec le soutien du Ministère desAffaires Etrangères
français et de L'Ambassade de France en Russie*

*При содействии Русского общественного Фонда
Александра Солженицына*

ISBN 5-88113-009-X

Я благодарю своих близких, которые помогли мне своими воспоминаниями при написании этой книги: уже ушедшего из жизни брата Георгия Пашутинского и мою мать Диану Пашутинскую.
Благодарю также за оказанную мне помощь Екатерину Гусеву, Александра Богословского, Жана и Сабин Брейар, Владимира Казана, Александру Лак, Мишеля Плескова, Жиля, Стефана и Рафаэля Менегальдо, Андре Пайе, Анну Татищеву.

Елена Менегальдо

ПРІѢХАЛИ

Русские в парижском театре жизни

Среди иностранцев, которым Франция оказывала приют в период между двумя мировыми войнами, русские занимали особое место: поначалу их именовали политическими беженцами, а затем к ним прочно и навсегда пристанет название "русские эмигранты", которое отразит драму вынужденного изгнания.

Большая часть этих изгнанников оседала в Париже и его пригородах - здесь им было легче выжить благодаря традициям и структурам, которые они унаследовали от своих соотечественников, квартировавших в этих местах в XIX столетии и в самом начале XX века. Русские эмигранты объединялись в многочисленные общества и ассоциации, возглавляемые представителями дворянства и правящего класса. В некоторых сильно русифицированных кварталах были православные церкви и рестораны с русскими названиями, и эти возникавшие в Париже "русские деревни", по

убеждению их обитателей, являли собой "русское общество в изгнании".

Присутствие русских в городском пейзаже стало очень заметным благодаря их массовому приобщению к профессии шоферов такси. И одновременно русские необыкновенно ярко заявили о себе в художественной, артистической и культурной жизни, благодаря чему возникло убеждение, что эмиграцию составлял самый цвет русского общества. Из-за этого стереотипного представления о судьбе русской эмиграции забывают, что на самом деле большинство русских эмигрантов были рабочими на заводе Рено и жили в рабочих кварталах для бедняков. Однако кто знает? Не отвечает ли получивший распространение стереотип тайному желанию самих русских, которым хочется, чтобы все помнили и признавали, кем они были в прошлом? Ведь прежде чем превратиться в миф, "русский князь-таксист" или "генерал-шофер такси" были когда-то реальностью.

Рассказывать сегодня о русских в Париже - это значит попытаться воскресить житье-бытье не только знаменитых русских эмигрантов, но и безвестных актеров, также сыгравших свою роль в жизни Парижа. Это значит - выявить тесное взаимодействие между реальностью и представлениями о ней и восстановить процесс перерождения реальности в миф, который происходил на протяжении всей истории этой специфической эмиграции. И поскольку это былое сообщество эмигрантов уже не существует, а их потомки интегрировались во французское общество, "придется обратиться к источникам, которые современная история уже сдала в архив" (как говорит Элен Каррер д'Анкос): к эмигрантской прессе, личным дневникам, мемуарам и воспоминаниям, свидетельствам тех, кто дожил до наших дней и готов поведать нам свою собственную, подлинную и неповторимую историю.

Вглядываясь в прошлое

Когда путешествие подходит к концу, неизбежно наступает пора воспоминаний, и ты начинаешь вглядываться в свое прошлое, пытаясь восстановить подзабытую траекторию жизненного пути. Взгляд становится более напряженным и обращается к оживающим в нашей памяти образам, территориям и уголкам, связанными с давнившими и уже мифологизированными событиями.

Для того, кому довелось оказаться в эмиграции и вместе с другими соотечественниками пережить там настоящую одиссею, но одновременно - и свою личную одиссею, она прежде всего означает крайне болезненный разрыв. Даже если тот мир, куда человек переселяется, должен обеспечить его работой и, быть может, сулит ему благосостояние, даже если этот мир гарантирует ему приют и спасение от возможных преследований, эмигранту не освободиться от тревожного чувства, порож-

денного расставанием с родным домом, пусть даже самым убогим, и страхом перед переменами. Мостик, который в этом случае преодолевают, шлагбаум, приподнимающийся, чтобы вас пропустить, и граница, которую вы переступаете, открывают путь в незнаемое. И дело не только в получении "права на жительство". Обретение французского гражданства не избавляет от страха, которому не всегда можно найти рациональное объяснение: ты становишься чужаком, как только попадаешь в новый мир, который ощущаешь как чужой, а значит - враждебный.

Чувство это, конечно, преходящее, потому что оно рождается в тот период, когда судьба мигранта еще не определилась. Он еще не совершил решительного шага и не знает, куда ему податься и как примет его новый для него мир, да и примет ли вообще. Если это тревожное ожидание затягивается и человек медлит с решением, он живет в подвешенном состоянии и словно бы уже на ничейной территории. Иногда это неопределенное состояние длится всего несколько часов, а бывает, что растягивается на недели, месяцы и годы. Человек знает, что ему не миновать "карантина", лагеря "для перемещенных лиц" или административного центра для задержания иностранцев, и это неизбежно порождает сомнения, а то и отвращение. Ему придется узнать, что такое временные жилища, бараки, гостиничные номера, где с надеждой ожидают нового переезда. Чаще всего это нищенские комнатушки, неотделимые от самой истории эмиграции и изгнания. И каждому хотелось бы потом навсегда забыть эти убогие пристанища. Память, как известно, избирательна. Тем более что вычеркнуть из памяти следы временного и чаще всего неустроенного пребывания совсем нетрудно. Ведь почти всегда это были кое-как обставленные

и грязноватые жилища, которые никому не придет в голову содержать в лучшем порядке.

Теперь на месте этих бараков, служивших пристанищем для первой волны эмигрантов, зачастую выросли новые строения. В Марселе сегодня уже не найдешь лагерей, где обретали приют армяне в 1923 году (например лагерь Оддо в северной части города), или общежитий, где сразу после второй мировой войны селили алжирских и вьетнамских рабочих (лагерь Лиотей и лагерь Кольгат на юге города). А те, кому довелось там пожить, стараются об этом не говорить.

Пляжи Баркареса вдоль Средиземного моря в районе Пиренеев сейчас сплошь застроены кемпингами для туристов, и бесследно исчезли старые бараки, которые спешно строили здесь в 1939 году для испанских республиканцев, селившихся в этих местах после гражданской войны. Но мода на недвижимость пока еще пощадила несколько песчаных пляжей вокруг Сент-Сиприена и Аржелес-сюр-Мер, и здесь невольно пробуждаются воспоминания. Эти голые, плоские, песчаные участки - больше, чем смешной и символический памятник прошлому, это настоящее кладбище воспоминаний. Это не Эллис-Айленд, узкий и легко преодолимый остров надежды в нью-йоркском порту, где эмигранты проходят паспортный контроль и за которым их ожидает лучшая жизнь.

Нет, это печальная граница между миром, который вас изгоняет, и миром, который вас отторгает. Спустя десятилетия жизнь, вырвавшись за пределы колючей проволоки, вошла все же в свою колею; но люди уже никогда не смогут полностью забыть все, что им довелось здесь пережить, даже если с годами эти воспоминания давно поблекли.

Само по себе пересечение государственной границы

для любого эмигранта еще не означает стабильного и гарантированного существования в новой для него стране. Временность и неопределенность во всем - вот его удел: временный паспорт, временное разрешение на жительство, временная работа по контракту, который может быть в любой момент аннулирован. Временное пристанище, которым может быть простой барак на стройке или куча толя и досок, именуемые бидонвилями, так же бесследно исчезнувшие сейчас, как и лагеря для беженцев, о которых говорилось выше. Можно ли отыскать сегодня следы бидонвилей в Нантере, на месте которых вырос придорожный комплекс для туристов?

Не стоит, однако, полагать, что стараясь оживить полузабытые или забытые образы и воспоминания, мы движимы лишь тягой к мизерабилизму. Бидонвиль - это, конечно, не только временный пункт проживания, но и само жизненное пространство, где можно спастись от одиночества и обрести человеческие и дружеские связи. Такие же памятные места - это и старая лавка, и кафе, куда все приходят, и уличный перекресток, где играют дети.

Неважно, как выглядят эти временные жилища: грубо и наспех сколоченные хибары, заново отстроенные кварталы или старые дома, покинутые бывшими владельцами. Школа, бистро, комната для собраний или молений также несут печать воспоминаний, как территории временного пристанища и неизбежные этапы эмигрантских странствий, долгого пути к новой жизни и воссозданию "родного дома". И не важно, новые это или старые кварталы, буржуазные или пусть даже самые грязные и бедняцкие, - очень многое связано с ними у людей, которые провели здесь столь важный для них жизненный период. Независимо от прожитого здесь

срока, короткого или более длительного, люди так или иначе осваивали местную почву и идентифицировались в пространстве. Население определяет обживаемую им территорию, а она, в свою очередь, определяет своих обитателей...

Когда все это уходит в прошлое и "странствия" эмигранта завершаются, тогда и только тогда возникает коллективная память со своими истинами, которая отодвигает в тень или ярко высвечивает то или иное воспоминание. В некотором смысле она увековечивает былые обретения. И предлагает новую версию событий, иногда "подправленную" и даже приукрашенную. Важно учитывать и анализировать эту живую память. И не путать ее с официальной памятью -воздвижением стелы или торжественным поминовением.

Мемориальный памятник - это всегда памятник мертвым...

Пьер Мильза и Эмиль Темим

Рай и ад

Елене Менегальдо превосходно удалось оживить и воссоздать безвозвратно ушедший в прошлое мир русской эмиграции, обитавшей в Париже и его окрестностях в период между двумя мировыми войнами. Автор доносит до нас дух Пигаль и Монпарнаса, этого рая для русских интеллектуалов и художников, которые были бедны, как Иов, но не опускали руки и старались найти новые формы выражения и новые способы применения, чтобы выжить в этом городе.

Автор книги задается также вопросом: почему и каким образом разнородная эмигрантская масса обретала вполне определенные и только ей свойственные черты?

Эти русские изгнанники стали мифом нашего времени, потому что и сам Париж в те годы имел репутацию "кафе Европы"... В те славные двадцать лет, с 1919 по 1939 год, когда около 45 000 русских поселилось в столице и ее ближайших пригородах, Париж становится цент-

ром притяжения для всей русской диаспоры, пишет Елена Менегальдо. Здесь легко встретить русского художника или поэта на Монпарнасе, русского танцора или метрдотеля на Пигаль, русского рабочего в Биянкуре, не говоря уж о вездесущем русском шофере такси, который сновал между многочисленными колониями этой невидимой Зарубежной России.

Знаменитое клише "русский князь-шофер такси" живо и по сей день, но Елена Менегальдо копает гораздо глубже, чтобы разглядеть под этим клише неустанного городского "кочевника, который постоянно находится в движении и играет очень важную роль в обществе изгнанников: он не только развозит клиентов, но и служит гонцом, передающим новости, он завоевывает город и осваивает смежные территории - пригороды Парижа, где изгнанник, посадив у себя под окнами березку и сирень, воссоздает подобие русской земли.

В итоге рождается картина жизни, в которой человеческое тепло уживается с отчаянием, и перед нами предстает маленький "рай", в котором бок о бок сосуществовали самые разные русские поэты - кое-кто из них не выдержит испытаний и покончит с собой, и к концу 30-х годов "рай" начнет угасать. И как сказал Владимир Набоков, стало "на руском Парнасе темно".

Жером Шарин.

Россия и Франция: история взаимной любви

Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду как свободой...

М. Лермонтов

С чего все началось

Франция - заманчивая страна

Вслед за Петром Первым, побывавшим во Франции в 1717 году, в Париж устремляются знатные вельможи и русские студенты. Все они там страдают от безденежья, а экономный царь-плотник забывает платить зарплату даже своему послу... Не велика беда! Мода на путешествия в Париж началась! И она продлится ровно два века - до 1917 года... Одновременно французская культура проникает в Россию благодаря военным, инженерам и всевозможным авантюристам, которые едут в Россию, чтобы споспешествовать реформированию страны. Первый Франко-русский союз, заключенный в 1756 году, открывает широкую дорогу перед подданными Российской империи, которые едут теперь во Францию, чтобы получить образование или лечиться, как писатель Д.Фонвизин в Монпелье, а главное - чтобы упрочить свой авторитет в свете: "Для русского посетить Париж - все равно

что для мусульманина посетить Мекку", - писал Эмиль Оман в своей книге "Французская культура в России".

Больше всего Париж притягивает богатых бездельников, которые надеются вкусить здесь неизведанных доселе наслаждений; царящая на улицах веселая суета, модные лавки, спектакли, приемы и... "нимфы радости" Пале-Рояля, как называл их Н.Карамзин, неудержимо влекут к себе "северного варвара", который находит здесь радости жизни, отсутствующие в России: Париж - настоящее "кафе Европы", это город, где бурлит самая разнообразная и богатая общественная жизнь.

Однако Париж манит к себе не только любителей удовольствий, но и неотесанного, но жаждущего обрести знания скифа, чей портрет создал Вольтер в стихотворении "Русский в Париже", опубликованном в 1760 году.

После перерыва в тесных франко-русских контактах, который вызвала Французская революция, вместо "скифа", поклонника Просвещения, в Париж устремляются "любопытные русские" - одних привлекают обломки Франции Людовика XVI, а других, напротив, нововведения Бонапарта. Перед последними новый режим широко распахивает двери своих салонов: в ту пору ни один бал не обходится без Голицыных, Трубецких, Строгановых, Замойских и других родовитых русских.

Даже вторжение наполеоновской армии только на время прервет эту взаимную любовь. Участники этого вторжения, попавшие в русский плен, не могли пожаловаться на жестокое обращение: офицерам назначали денежное пособие и селили у помещиков, знавших французский язык, с солдатами также обходились вполне гуманно, что смягчало позор и тяготы отступления. Русские простили французам вторжение на свою территорию и разрушение Москвы. Французам, пожелавшим по истечении плена остаться в России, царь

жалует вольную, жену, землю, корову и освобождение от налогов на десять лет. А французы 30 марта 1814 года восторженно приветствуют въезжающего в Париж Александра I, любуясь его величественной осанкой: "Погода была восхитительная, бульвары заполняла нарядная публика, впечатление было такое, что все собрались по случаю праздника, а не вступления вражеской армии", - отмечает граф Нессельроде.

Оккупация Франции Россией, по условиям которой 45 000 русских расквартированы на севере страны, позволяет двум народам лучше узнать друг друга. Французы уживаются даже с казаками, которые разбивают биваки на Елисейских полях и в Булонском лесу и мародерствуют в соседних деревнях. По легенде, именно казакам Франция обязана благоприобретением словечка "бистро", которым стали называть маленькие кафе и кабачки , а родившееся в ту пору выражение "любить по-казацки" (то есть грубо, бесцеремонно) наилучшим образом характеризует их галантность. Казаки, служившие постоянной мишенью для карикатуристов, демонстрируют все качества, присущие варварам, что их невыгодно отличает от "гордых воинов-северян". Русским офицерам и солдатам чрезвычайно полюбилась приятная жизнь во Франции, и их отбытие из страны сопровождается трогательными сценами прощания.

Если в эпоху Реставрации официальные отношения между двумя странами остаются напряженными, то Париж как "подлинный духовный центр" по-прежнему влечет к себе русских культурных людей, и здесь они с удовольствием открывают для себя парижские салоны, театры, посещают лекции в Сорбонне и Французском колледже, а некоторые - даже Национальную Ассамблею. Даже такой франкофоб, как граф Ростопчин, который приезжает в Париж только для того, чтобы похулить этот "ог-

ромный Шарантон"*, не может удержаться, чтобы не признать, что Франция, как магнит, притягивает русских. Что же до либералов, то для них Франция - это страна Сен-Симона, Этьена Кабе, Шарля Фурье, Луи Блана и неотразимой Жорж Санд: Бакунин, Герцен, Белинский - все эти "рыцари революции" съезжаются сюда, в Париж.

Верность Франции русские путешественники сохраняют несмотря на все кризисы, которые происходят во взаимоотношениях между двумя странами. Подавление революции в Польше в 1831 году вызывает во Франции вспышку русофобии; поражение Французской революции 1848 года разочаровывает русскую интеллигенцию, которая клеймит сытую французскую буржуазию и готова подписаться под словами М.Салтыкова-Щедрина, иронизировавшего в книге "За рубежом" по поводу того, что для всего человечества Франция утратила свое "особливое значение светоча": "Поэтому как-то обидно делается при мысли, что этот светоч погиб. Да и зрелище неизящное выходит: все был светоч, а теперь на том месте, где он горел, сидят ожиревшие менялы и курлыкают".

Крымская война 1854-1856 гг., которая должна была сдержать продвижение России на Балканы, приводит к взаимному охлаждению в дипломатических отношениях, и Россия откажется выступить в роли посредника в переговорах после поражения Франции 1870 года во франко-прусской войне. И хотя "русский за границей" становится ходячей темой для сатириков, Всемирная выставка 1867 года привлекает в Париж 20 000 русских посетителей.

От "русского путешественника" - к политическому изгнаннику

Период 1880-1917 гг. считается "золотым веком" в отношениях двух стран: после подписания в Париже, в

*Шарантон был известен в те времена своим домом для умалишенных.

марте 1856 года, мирного договора, Союз с Россией помогает Франции забыть унижение 1870 года, а Россия надеется, что приток французских капиталов будет способствовать развитию ее экономики. Прибытие в 1896 году в Париж нового царя, Николая II, сопровождается пышными празднествами и всеобщим ликованием, и вместо осуждения царя-самодержца, потворствовавшего массовой резне армян, французы превозносят до небес и мифологизируют императорскую чету. Построенный в царскую честь вокзал Ранлаг и мост Александра III, первый камень в возведение которого заложил Николай II- лишь наиболее заметные следы в пейзаже Парижа, отразившие доброе согласие между Французской республикой и "Степным царством".

Пресса ревностно освещает это новое увлечение Россией: она с удовольствием расписывает русские народные традиции, празднование Пасхи с куличами и пасхальными яйцами, крестные ходы, русскую моду с ее нарядами, украшения, шапки, школьную форму, русскую кухню и литературу - французская публика открывает для себя русский роман и с умилением размышляет над "загадками русской души"; не меньший интерес вызывает российская экономика и 1 500 000 французов приобретают "русские займы" - словом, все идет к самой настоящей "русификации".

Той порой русские революционеры, уехавшие в Европу после революции 1905 года, гневно протестуют против оказания поддержки царскому режиму. Максим Горький пророчествует в "Юманите" 11 декабря 1906 года: "Я уверен, что русский народ никогда не вернет французским буржуа займы, которые он уже оплатил своей кровью. Нет, он их не вернет!"

Еще один голос нарушает восторженную увлеченность Россией: в 1910 году в "Ревю де Де-Монд" исто-

рик Леруа-Болье обвиняет царизм в нарушении религиозных свобод еврейского населения Империи: "С того времени, как в России появилось конституционное правительство, положение евреев оказалось крайне противоречивым... Официально они получили равные со всеми политические права, а на деле их гражданские права ограничены". Среди многих тысяч еврейских семейств, которые ежегодно покидают Россию, чтобы попытаться в других странах обрести свободу и равенство, некоторые, вместо того, чтобы ехать в Америку, оседают в Париже.

Накануне первой мировой войны на территории Франции официально зарегистрировано 35 016 подданных российской короны. Среди них и представители имущих классов, обживающие Лазурный берег и столицу, и дипломаты, и балетные труппы, и музыканты, оставшиеся после гастролей, и еврейские коммерсанты с ремесленниками, которые жили в России за чертой оседлости (эти последние составляют 75-80% от общего числа своих сограждан, которые предпочли Францию России).

Волны русской эмиграции

В своей книге о жизни русских студентов в Германии в 1900-1914 гг. Клоди Вейль, объясняя массовую экспатриацию русских студентов в Западную Европу, пишет об элитарности и малочисленности российских университетов. Кроме того, существовала еще и процентная норма для евреев, напоминает К.Вейль: " Это три процента для высших учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга, десять в черте оседлости и пять процентов в остальных районах". Бегству евреев в Европу способствовала также вспышка антисемитизма, которую вызвало

убийство Александра II в 1881 году, и волна погромов, прокатившаяся по Киеву и Одессе. Их ситуацию еще больше ухудшит принятый год спустя новый закон о статусе евреев, который лишал их права на земельную собственность и позволял жить только в маленьких городках и селениях на юго-востоке России. Получив разрешение эмигрировать после голода 1891 года, евреи покидают Россию без всякой надежды на возвращение.

В Париже, вместе со своими единоверцами из европейских стран, они обживают квартал Маре и открывают там обувные мастерские, швейные и шляпные ателье. Приток новых, послереволюционных эмигрантов, приведет к некоторым перегруппировкам: так, например, еврейские пекари и бакалейщики переселяются в Биянкур, где поставляют русским рабочим завода Рено хлеб и прочие продукты, приготовленные по домашним российским рецептам, которые с удовольствием покупают не способные сами их приготовить бывшие офицеры и солдаты Белой армии.

К этой части эмиграции добавляется все возрастающий поток студентов. В 80-е годы это были в основном "русские евреи, которые стремились получить университетский диплом в первую очередь для того, чтобы уже не возвращаться в Россию" (Э.Оман). А после заключения Союза с Францией в 1891 году русские студенты уже сотнями записываются в Сорбонну. Среди них - Максимилиан Волошин, Николай Гумилев, Марина Цветаева. Три поэта учатся в Сорбонне, где по инициативе славистов Эмиля Омана и Эрнеста Дени в 1912-1913 гг. создается франко-славянская ассоциация, которая в 1919 году станет Институтом славяноведения (существующим по сей день). А в доме 16 по улице Сорбонны с 1901 года функционирует Высшая русская школа общественных наук, которую охотно

посещает революционно настроенная молодежь и в числе ее - некий Лев Троцкий. Многочисленные художники той порой из Германии переезжают в Париж, чтобы вступить в создаваемый там "Интернационал искусств". Все они часто курсируют между Францией и Россией, куда Кандинский, Шагал и Пуни вернутся после октября 1917 года, чтобы участвовать в строительстве нового мира.

Совсем иная судьба ожидает Русский военный экспедиционный корпус с походным госпиталем и медицинским персоналом, насчитывающий 44 000 человек, который за год до этого прибыл во Францию. После Октябрьской революции 1917 года он оказывается полностью отрезанным от России. Солдаты, объединившись в лагере Куртин, поднимают бунт, но их расстреливает русская артиллерия, поддержавшая революцию. После этого "усмирения" 3 000 мятежников отправляют на каторжные работы в Северную Африку, а остальные рассеются по всей Франции, сменив военную форму на рабочую робу.

У каждого свой путь в изгнание

Вопреки распространенному мнению сразу после Октябрьской революции лишь немногие покидали Россию. Поначалу уезжает лишь часть дворян и помещиков, которые надеются "переждать бурю" в Берлине или Париже. Но тяготы гражданской войны вызывают уже массовое бегство гражданских и военных лиц. Некоторые, как, например, Иосиф Гессен (публицист и член ЦК партии кадетов), легально покидают Россию, но застревают в Финляндии из-за победы большевиков на северном фронте, однако, благодаря финским проводникам, поток беженцев не ослабевает. По контрасту с россий-

скими невзгодами спокойная и благополучная жизнь в странах Балтии кажется им такой заманчивой, что некоторые из них решают осесть в этих краях (и город Таллин станет одним из культурных центров эмиграции), но значительная часть беженцев устремится в Германию, в Берлин - главный полюс притяжения для русской диаспоры до 1924 года.

Большинство же беженцев, которых вынудила покинуть Россию гражданская война, выбирает Польшу, как это было и во время голода 1921-1922 гг. В первые месяцы гражданской войны Польша служит также страной транзита для тех, кто бежит из Москвы и Петрограда и пытается пробраться на юг, пока еще не охваченный пламенем войны.

Зимой 1918-1919 гг. немецкие оккупационные войска оставляют Украину, и вместе с ними уходят тысячи русских, гражданских и военных, а также немецкие поселенцы. В это время в самой Германии в лагерях содержится около 700 000 русских военнопленных.

Берлин оказывает приют высланным в 1922 году философам и ученым , а также эмигрантам-нэпманам и первым советским функционерам, "избравшим свободу". Эмигранты, уже устроившиеся в Париже, переезжают в Берлин, где благодаря инфляции жизнь дешевле, чем во Франции. Но стабилизация марки, подъем нацизма и экономический кризис снова гонят русских беженцев в Париж, который станет новой родиной для вечных странников земли русской. Париж, неудержимо влекущий русских начиная с XVIII века, не утратит для них свою притягательность и после войны 1914-1918 гг.

Беженцы, покидающие Крым в ноябре 1920 года после разгрома армии Врангеля, сначала плывут в Константинополь, а оттуда перебираются в Болгарию, которая уже приютила оставшихся в живых участников дени-

кинской армии, но главным образом в Югославию (в то время Королевство сербов, хорватов и словенцев). Там некоторым удается завербоваться на работу к французским предпринимателям, и они переезжают во Францию. Русские моряки и солдаты, сопровождавшие до Бизерта тридцать кораблей русского флота, которые преподносились в дар Франции в обмен на ее помощь, также стараются осесть во Франции. Из-за преобладания военных в среде русской эмиграции любого русского беженца стали причислять к "белым", и этот обобщенный термин употреблялся только в негативном значении как синоним реакционера, эксплуататора, паразита. Показательно, что французы, симпатизировавшие изгоям революции, как например журналист Шарль Ледре, называют их "русскими эмигрантами", а рабочие и их активисты используют сталинскую фразеологию и клеймят русских как "белогвардейцев" и "белую сволочь". Сами же беженцы именуют себя "русскими эмигрантами", "иностранцами", а вчерашние офицеры и солдаты подчеркивают принадлежность к своей бывшей армии - корниловцы, марковцы, деникинцы.

Как известно, армию, воевавшую против большевиков, второпях окрестили Добровольческой. И вечером, накануне очередного боя, генерал Корнилов приказал своим добровольцам пришить белую ленту на фуражку или папаху, чтобы в этой братоубийственной войне было легче отличать "своих" раненых и убитых от врагов (белый цвет означал чистоту, святость). Так родилось это название "Белая армия", которому ругательный смысл придали большевики, узурпировавшие красный цвет - цвет крови и революции, но и традиционно излюбленный цвет русских как синоним красивого (вспомним: красная девица, красный молодец, Красная площадь).

Взаимоотношения между различными группами по-

слереволюционной эмиграции не были идиллическими: Николай Бердяев, изгнанный из советской России в 1922 году в числе "ста шестидесяти самых активных буржуазных идеологов" (как характеризовал их Ленин), в своей автобиографии жалуется, как недоброжелательно встретила его белая эмиграция, подозревавшая и даже обвинявшая высланных интеллектуалов в том, что СССР намеренно заслал их на Запад, чтобы внести раздор в русское сообщество изгнанников. На чужбине русские стараются держаться той волны эмигрантов, с которой они покинули родину. Их социальные различия и идейные разногласия на чужой земле не только не сглаживаются, но в силу замкнутости эмигрантской среды еще больше обостряются.

В годы НЭПа эмигранты покидают СССР легально и чаще всего едут сначала в Берлин, а оттуда - в Париж. Там к ним вскоре присоединятся "выбравшие свободу" советские функционеры из различных посольств и работники торгпредств, которые открывались в различных странах после международного признания СССР в 1924 году. Эмигранты нэповской поры, оказавшись на Западе, неодобрительно относятся к эмигрантам первой волны, обвиняя их в том, что те бросили родину, чтобы спастись от лишений и страданий, которые пришлось вынести им, новоиспеченным беженцам. Себя они считают представителями победоносной революции и молодой республики Советов, что не мешает им полную неопределенности жизнь на чужбине предпочесть коммунистическому раю, который они еще совсем недавно восхваляли. Эта волна эмигрантов будет держаться особняком от предыдущей: первые беженцы представляли собой "дореволюционную Россию", а нынешняя волна эмигрантов познала новый режим изнутри. Эти люди уже несут на себе отпечаток советского режима, и менталитет у них тоже

совсем иной. Между этими группами, отличающимися совершенно различным опытом, неизбежно возникают разногласия.

И тем не менее из этих разрозненных групп, несхожих в социальном, политическом и этническом плане, в горниле парижской печи образуется совершенно новое микро-общество изгнанников, которое проявит чудеса выживаемости. На протяжении "славного двадцатилетия", с 1919 по 1939 год, Париж с его ближайшими пригородами, где проживало 45 000 русских, играет роль мощного магнита для всей русской диаспоры, ее политического и культурного центра. И как напоминает американский историк русского происхождения Марк Раев, этот период "отчетливо делится на два десятилетия: двадцатые и тридцатые годы, а временной промежуток с 1928 по 1931 год можно определить как переходный между ними". В первое десятилетие это общество интенсивно организуется, но благодаря НЭПу у него сохраняются тесные контакты с метрополией, и они подпитывают надежды на скорейшее возвращение в Россию. В 1924 году Франция официально признает СССР, и это событие погружает русских эмигрантов в тревогу и уныние. Однако как раз в эти годы достигает настоящего апогея мода на все русское, что выдвигает русское население на авансцену. В политическом же плане происходит следующее: провал Зарубежного съезда русской эмиграции в Париже в 1926 году подтверждает, что согласие и сотрудничество между крайне правыми и либералами невозможны.

В 1927 году французскую границу уже почти полностью закрывают для русских беженцев и им запрещают свободно перемещаться по Европе. Эмигрантское сообщество оказывается в изоляции. А интеллигенция Франции и ее общественное мнение той порой все более благосклонно взирают на "великий эксперимент", происхо-

дящий в СССР. Уныние, царящее в среде русских эмигрантов, усугубляет раскол в русской Церкви .

В эти годы возрождается "национальная идея", которую дружно проповедуют и русские интеллектуалы, и евразийцы, и воодушевленная этой идеей организация Союз младороссов, и НТС (Народно-трудовой союз) - побоевому настроенная организация, которая ищет возможности заслать своих сторонников в СССР. Смерть Врангеля в 1928 году и последующее похищение генерала Кутепова, председателя Русского общевоинского союза (РОВС), приостановят эту лихорадочную деятельность.

После 1930 года эмиграция, по которой очень больно ударит экономический кризис, настойчиво интегрируется во все сферы жизни приютившей ее страны. В 1935 году создается объединение Православное Дело для оказания социальной помощи обездоленным. Одновременно, в связи с ситуацией в Германии, возрастает угроза новой войны, и в политическом пейзаже русской эмиграции происходят заметные перемены. Самые бурные страсти пробуждает и начавшаяся война в Испании: преподаватель Свято-Сергиевского Богословского института Георгий Федотов открыто вступается за испанских республиканцев, и в эмигрантской среде это вызывает самый настоящий скандал. Бывшие русские офицеры отправляются в Испанию, чтобы воевать на той или другой стороне. В сентябре 1937 года, спустя несколько месяцев после пушкинского юбилея, осиротел Русский общевоинский союз - агенты НКВД похищают его председателя генерала Миллера (который будет вывезен в СССР и расстрелян в Москве).

Именно в эти трудные годы набирают силу и выходят на литературную сцену писатели "младшего поколения". Они печатаются в роскошно издаваемом журнале "Чис-

ла" и заявляют о своем отходе от политики, отдавая предпочтение эстетическим и метафизическим исканиям. Сближение с искусством и литературой Запада очень ярко проявляется в парижской школе русской поэзии.

Одновременно русские громко заявляют о себе в области философской и религиозной мысли: Николай Бердяев, Николай Лосский, Лев Шестов, Александр Кожев, Александр Койрэ, Георгий Гурвич вырастают в заметные фигуры и в мыслителей своего времени.

Увы! Начавшаяся вторая мировая война прерывает золотой век "русского Парижа": часть русских эмигрантов вновь обрекает себя на скитания и покидает Францию, некоторые уходят в Сопротивление, малочисленная группа соглашается работать на нацистов; а большинство русских, которых опять стали называть "грязными чужаками" и вдобавок окрестили "пятой колонной", уходят "на дно", чтобы переждать мировой пожар.

Париж, столица русской диаспоры

"Русские территории"

Еще до первой мировой войны существовало несколько "русских Парижей", которые уживались в одном городе, не пересекаясь друг с другом. Прежде всего вспомним "Париж революционный", Париж революционера Виктора Сержа (Кибальчича), и три его "очага": это обширная часть города, заселенная рабочим людом; Монмартр, где располагалась редакция "Анархии"; и "Латинский квартал, наш третий Париж, который я, по правде говоря, больше всего любил", - признается Серж в своих воспоминаниях.

Социалисты-революционеры (СР), как и большеви-

ки, обжили левый берег (авеню де Гобелен и авеню д'Орлеан), художники облюбовали для себя улицы, примыкающие к перекрестку Вавен. Париж оппозиционеров и маргиналов не имеет ничего общего с Парижем "врагов рабочего класса", которые обосновались в Сен-Жермене и на правом берегу Сены. Между этими мирами живут не прибившиеся пока ни к какому берегу студенты Сорбонны и молодые художники, стажирующиеся в мастерских знаменитых художников.

Позднее, в мемуарах, многообразие этих несхожих русских Парижей будет забыто, картина будет упрощаться и все сведется к стереотипам, которые усердно насаждал и Эренбург. Вот что писал он в своей книге "Люди, годы, жизнь":

> "Все отличало дореволюционную эмиграцию от белой. Русские беженцы, добравшиеся после революции до Парижа, поселились в буржуазных кварталах - в Пасси, в Отэй; а революционная эмиграция жила на другом конце города, в рабочих районах Гобелен, Итали, Мон-руж. Белые пооткрывали рестораны "Боярский теремок" или "Тройка"; одни были владельцами трактиров, другие подавали кушанья, третьи танцевали лезгинку или камаринскую, чтобы позабавить французов. А эмигранты-революционеры ходили на собрания французских рабочих; эсеры спорили с эсдеками, "отзовисты" - со сторонниками Ленина. Разные люди - разная и жизнь..."

На самом деле после революции больше всего эмигрантов концентрируется в юго-восточных кварталах французской столицы. Там они поначалу оседают в дешевых отелях и меблированных комнатах Латинского квартала или авеню де Гобелен, прежде чем двигаться куда-то дальше: вскоре в XV квартале собирается уже более 4 000 беженцев и они составляют примерно 10 процентов насе-

3 – 1500

ления этого квартала. Эмигранты стараются держаться поближе друг к другу, сбиваются в группы и занимают иногда целые дома и даже улицы. К примеру, сквер Марсель-Туссен, расположенный около улицы Данциг, вплоть до самого последнего времени населяли пережившие все бури эмигранты первой волны и "перемещенные лица", оказавшиеся на чужбине в результате второй мировой войны. Еще и сегодня здесь можно встретить представителей второго поколения эмигрантов, нередко женатых на "советских" русских. В XV квартале находятся три из ныне действующих семи православных церквей Парижа (не считая пригородов).

Квартиры в этом квартале, расположенном поблизости от автозаводов Рено и Ситроен, очень похожи на квартиру на улице Конвансьон, в которой жил писатель Роман Гуль: маленькая комнатка с крошечной кухонькой на шестом этаже. В 30-е годы Р.Гуль и его жена вели здесь крайне скудное существование: они месяцами не платили за жилье, питались только хлебом с капустой и передвигались по Парижу пешком, так как не было денег на трамвай.

Но все эти материальные трудности не мешали им активно участвовать в бурной культурной жизни и борьбе идей.

Об этом же в одном из своих интервью рассказывает известный историк и член Французской Академии Элен Каррер д'Анкос:

> "Эмигранты, по традиции, надеялись, что революция долго не продлится. Страдая от безденежья, они очень нуждались и снимали комнатушки в самых дешевых отелях. Тем не менее они сохраняли все свои былые привычки и терпеливо сносили обрушившиеся на них невзгоды. Мои дедушка и бабушка в тех жалких комнатках, которые они снимали, открыли салон,

где регулярно принимали гостей, и сами ходили в гости. Собираясь вместе, люди от души веселились и на всех известных им языках обсуждали всевозможные идеи, которые тогда носились в воздухе. По материнской линии мои предки были настоящие "русские европейцы", каких было немало в России до 1914 года."

Среди кварталов, где обретали приют обедневшие русские, выделялся и XVII квартал, где было много гаражей такси, и XVIII, который привлекал "новых пролетариев" низкими ценами на жилье, ну, а вокруг площади Пигаль селились артисты и люди, работавшие в кабаре.

В "шикарных кварталах", расположенных между XVI округом и пригородом Нейи, в квартирах, приобретенных еще до войны, наибольшей популярностью пользовались три литературных салона русской эмиграции: салон Винаверов, Цетлиных и Мережковских.

Максим Винавер, бывший депутат 1-ой Государственной думы, издает в Париже еженедельник "Еврейская трибуна" на трех языках. Кроме того он издает и редактирует литературное приложение газеты "Последние новости". До самой смерти М.Винавера (1926) его гостеприимный дом всегда был открыт для русских писателей.

В салоне социалиста-революционера Михаила Цетлина, поэта (публиковавшего стихи под псевдонимом Амари), литературного критика и коллекционера живописи, издававшего альманах "Окно", собираются такие писатели, как Мережковский, Ходасевич, Рильке, и политические деятели - Милюков, Керенский. Супруги Цетлины участвуют во всех идеологических и литературных дискуссиях, которые происходят в среде эмиграции.

Салон Дмитрия Мережковского и его жены Зинаиды Гиппиус (в доме 11 по улице Колонель-Бонне), притягивающий в первую очередь молодых поэтов, продолжает

традицию Религиозно-философских собраний, которые они устраивали в Санкт-Петербурге. Вскоре хозяева этого дома начнут организовывать литературные вечера под названием "Зеленая лампа", открытые широкой публике. По соседству с ними в этом же квартале живут писатель Борис Зайцев и прозаик, поэт и художник Алексей Ремизов.

Издатель Зиновий Гржебин в своей обширной квартире, выходившей на Марсово поле, принимает и подкармливает целые толпы новых беженцев, прибывающих в Париж из Берлина и прочих мест, помогая им подняться на ноги.

В пригороде Отей, в доме 130 по авеню Версай, еще одним центром общественной и культурной жизни русской эмиграции становится квартира Ильи Фондаминского. Эсер Фондаминский - один из инициаторов издания журнала "Современные записки" (1920-1940), важнейшего печатного органа эмиграции. Одновременно он создает литературное объединение и альманах под общим названием "Круг" и вместе с философом и богословом Георгием Федотовым выступает соредактором журнала "Новый град". Общеизвестны не только кипучая деятельность Фондаминского, но и его необыкновенная душевность и редкостное человеколюбие. В 1935 году он и мать Мария (в миру, до пострижения в монахини, Елизавета Скобцова, по первому браку Кузьмина-Караваева) создают объединение "Православное дело". Когда начинается вторая мировая война, Фондаминский не эмигрирует из Франции. В 1941 году его, как и мать Марию, арестовывают нацисты. Она будет казнена в концлагере Равенсбрюк, а он погибнет в Освенциме.

Православная церковь, расположенная на улице Дарю, идущей к парку Монсо, - место притяжения для всех верующих русских: сюда они сходятся в дни религиоз-

ных празднеств, а также на церемонии венчания или отпевания известных людей.

Мне хочется рассказать еще об одном "русском Париже", облюбованном нашими эмигрантами. Как правило, его редко упоминают, а между тем это было сердце художественной, культурной и общественной жизни русской эмиграции. Я говорю о Монпарнасе. Здесь, на небольшом пространстве, сконцентрировались мастерские художников, литературные кружки и объединения, русские столовые и приют для безработных, который открыло Русское Студенческое Христианское движение. Всем, кому довелось пожить на "русском Монпарнасе", вспоминают о нем с ностальгией. Вот что рассказывает русский художник и писатель Сергей Шаршун:

> "На Монпарнас меня привело желание работать и заниматься живописью. Здесь к этому располагала сама атмосфера. На Монпарнасе мне было хорошо... По правде говоря, у меня было чувство, что я снова очутился в русской столице. Я встретил здесь интеллектуалов, русских писателей, я был просто счастлив, словно жил не в русской колонии, а как бы в самой России. Прямо здесь, на Монпарнасе, мы устраивали собрания. Впрочем, и свою писательскую карьеру я начал тоже здесь, на Монпарнасе."*

Воздух Парижа

Именно в Париже выражение "русское общество в изгнании" обретает свой подлинный смысл. Потому что

*Приводится высказывание С.Шаршуна, записанное Ж.-М.Дро, который очень много сделал для изучения истории русской эмиграции, так как сохранил фотоснимки и записал живые свидетельства всех "монпарнасцев" (или "монпарно", как их называли), которых ему удалось разыскать в 60-е годы. Ж.-М.Дро - автор фильма "Горячие часы Монпарнаса" и одноименной книги.

здесь, во французской столице, собираются представители самых разных социальных слоев и политических направлений, съехавшиеся со всех концов царской империи.

Нина Берберова в книге "Курсив мой", сравнивая атмосферу, царившую в среде русских эмигрантов в Париже, а позже - в США, куда она переехала в 50-е годы, писала: "В Париже был раздел поколений, затем был раздел политический: правый и левый, то есть монархический (с которым общения не было) и так называемый социалистический (довольно, впрочем, приблизительно). Там можно было почувствовать москвича и петербуржца или бывшего столичного жителя и провинциала, человека, прошедшего гражданскую войну, и человека, прошедшего университет. Здесь эти категории не существовали..," - как, впрочем, и ни в одном другом центре русской диаспоры, за исключением Берлина 1920-1924 гг.

Более того, в Париже элита русского общества была достаточно многочисленна для того, чтобы играть роль его духовного предводителя. Ее двуязычие, знание французской культуры, хорошие манеры и учтивость помогают ей устанавливать контакты с французскими властями.

Кому довелось вкусить парижского воздуха, уже не может жить без него: даже поначалу недолюбливший этот город писатель Борис Зайцев впоследствии тосковал по особому парижскому воздуху, стоило ему расстаться с Парижем.

Покинуть Париж означало покинуть рай. Прозаик Василий Яновский, из-за нашествия нацизма вынужденный уехать в 1940 году в США, вспоминает, как все его поколение страшилось навсегда потерять Париж, город, где оно познало нищету и лишения, но привыкло к

воздуху свободы. Вот как пишет об этом В.Яновский в своих мемуарах "Поля Елисейские. Книга Памяти":

> "Этот особый воздух зарубежного, или классического, Парижа я определяю словом "свобода"! Насквозь пронизывает чувство: все можно подумать, сказать, и в духовном, и в бытовом плане... Воздух Парижа особый. Достаточно взглянуть на пейзаж второстепенного французского художника, чтобы убедиться в этом. Кроме красок, кислорода, азота и других материй в него составной частью еще входит сложная молекула первозданной СВОБОДЫ...
>
> Во Франции чувствуются еще потоки прасвободы (из которой мир спонтанно возник), чудесным образом преображающих жизнь в целом, будничную и праздничную, личную и общественную, временную и вечную.
>
> Магический воздух, которым мы вдруг незаслуженно начали дышать, пожалуй, возмещал многие потери, порой даже с лихвой. Отсюда присущее нам чувство непрочности обретенного счастья и страха, страха перед грядущим..."

Парижская почва, гостеприимная и плодородная, вскармливает побеги, которые зачахли бы на земле русской. Так, богослов Георгий Федотов в своих работах сопрягает здесь идею демократии с православием. Мать Мария, основательница "Православного дела", также признает свободу, которую православная Церковь впервые обрела здесь, на земле французской: "Церковь в эмиграции живет совершенно свободно и подчиняется только собственным законам. [...] Это впервые за всю историю существования Церкви сложилась такая нормальная ситуация для духовной жизни. Мы свободны, что означает, что мы ответственны за наши ошибки, то есть нашу инертность. Мы не можем ни в чем обвинять правительство, которое нас не преследует и не докучает

нам своей заботой. Если что-то у нас не получается, это значит, мы сами бессильны."*

Зарубежная Россия - миф или реальность?

Франция, единственная страна, признавшая правительство генерала Врангеля, испытывает моральный долг перед русскими беженцами. Кроме того, внутренняя ситуация в советской России поначалу внушает надежды на скорое падение большевистского режима, которое позволит "белым" тут же вернуться на родину. Поэтому создание Зарубежной России на территории Франции желательно для обеих сторон - русской и французской. Посольство прежней России в Париже утрачивает свои дипломатические полномочия, но становится сердцем этого нового государства, не имеющего ни своей территории, ни официального статуса, а бывший посол - кадет Василий Маклаков играет неизменно важную роль в общественной, культурной и политической жизни русского сообщества. С 1921 года он возглавит Конференцию послов, которая была создана в Париже в 1918 году, для защиты русских интересов в Версале. Однако эта организация расширит сферу своей деятельности и за пределами Франции: так, она пошлет своего делегата в Германию, чтобы установить отношения с германскими властями и отстаивать интересы русской колонии.

В противовес узурпаторам, которые захватили Россию, "белые русские" по-прежнему выступают как истинные и законные представители дореволюционной России. Еще во время гражданской войны корреспондент газеты "Иллюстрасьон" в статье, озаглавленной

* Цитируется по книге: Никита Струве. Семьдесят лет русской эмиграции. 1919-1989. Париж, Файар, 1996.

"Две России", писал: "Итак, России Ленина продолжает противостоять другая Россия.., сегодня это Россия Врангеля". Год спустя, 15 января 1921 года, эта же газета противопоставляет "красного московского царя" Учредительному собранию, которое пытается возродиться в Париже: фото Ленина, читающего "Правду" в своем кремлевском кабинете, опубликовано здесь рядом с фотографией съехавшихся в Париж членов Учредительного собрания, которые "находятся в такой же непримиримой оппозиции по отношению к красному царю, как прежде - по отношению к другому царю. История повторяется самым неожиданным образом".

Эта ассамблея пытается создать орган, который заменит правительство для всех русских экспатриантов и, за отсутствием былых консульств, займется урегулированием проблемы паспортов и т.д. Таким органом станет Русский эмигрантский комитет, который родится в 1924 году, в год признания СССР Францией. Этот факт ознаменует новый поворот во французской политике, а русских эмигрантов повергнет в беспросветное отчаяние. При Русском эмигрантском комитете создается Бюро, возглавляемое бывшим послом Маклаковым. Это бюро должно официально удостоверять документы эмигрантов и помогать им получить разрешение на жительство. Помимо Парижа подобные бюро, эти своего рода консульства (хотя их так никто не называл), возникают также в Марселе и Ницце. Эмигрантский комитет занимается в равной степени русскими беженцами, которые обосновались в других странах, и выступает в роли главного посредника в переговорах с Лигой Наций. И он все делает для легализации Зарубежной России.

"Благодаря влиянию Эмигрантского комитета и хлопотам бывшего посла России, русские беженцы получили во Франции официальный статус, который позволяет

им стать легальными членами гармонично организованного общества. Им даже позволено мирно трудиться, обзаводиться семьей и соблюдать все необходимые формальности без утомительной и никчемной бумажной волокиты", - рассказывает Шарль Ледре в книге "Русские эмигранты во Франции" (1930). Это стало возможно благодаря введению с 1922 года особого паспорта Нансена, который два года спустя официально признают тридцать восемь государств, включая Францию. Этот документ дает его обладателю право на проживание, трудоустройство и защиту в приютившей его стране, подписавшей Декларацию Лиги Наций.

В реальности же экономическая ситуация такова, что при найме на работу предпочтение отдают все же соотечественникам, а не беженцам. И если в начале 20-х годов в Германии, а также во Франции, на заводы Рено еще принимают немало русских беженцев, то с 1932 года наем иностранцев во многих секторах будет уже ограничен. Однако обладание паспортом Нансена выделяет русского беженца из разряда обычных "иммигрантов", съезжающихся во Францию в поисках работы, и наделяет его статусом "эмигранта".

Помимо дипломатического представительства альтернативное российское государство или Зарубежная Россия располагает своей армией, которую составляют части Белой армии, группирующиеся по месту их нынешней работы. Владельцы капитала, адвокаты и врачи создают и поддерживают различные благотворительные и профессиональные ассоциации. Земгор (объединенный комитет Земского и Городского союзов, созданный в 1915 году под руководством князя Львова для помощи правительству в организации снабжения русской армии и упраздненный большевиками в 1918 году), реорганизуется в 1920 году уже за пределами России и на средства,

поступающие от русских посольств, занимается проблемами здоровья и образования русских беженцев. Отделение Русского Красного креста ухаживает за больными, опекает детские приюты и дома для престарелых, открывает швейные мастерские, где предоставляет работу тысяче женщин.

Русские открывают в Париже средние и высшие учебные заведения. Основанные ими Русская средняя школа, Высший технический институт, Высшая русская школа общественных наук, русские отделения в Сорбонне, а также русская культура и религиозные искания (пробуждение интереса к православию) - все это выдвигает русское население на авансцену французской общественной и культурной жизни. Вместе с тем существование этого автономного микро-общества, обладающего собственными институтами и структурами, наилучшим образом способствует интеграции русских эмигрантов во французскую жизнь. Самым ценным показателем отличного здоровья зарубежной России выступает ее пресса: сто шестьдесят семь русских периодических изданий, выходящих во Франции и отражающих самый широкий спектр мнений русского населения, резко контрастируют с ситуацией того же времени в СССР.

Все это укрепляет глубоко укоренившуюся в ту пору идею о том, что "исход из России" привел к созданию на Западе "общества в изгнании", которое будет развиваться и воспроизводить свою изначальную среду. Однако эта наивная вера воссоздать на чужой земле точную копию вчерашнего российского общества, не выдерживает серьезной критики: ведь прежде всего у "России в изгнании" нет ее базы, ее питательной почвы - одним словом, крестьянства. За исключением редких крестьян, покинувших Россию вместе с отступавшими армиями, большая часть потянувшихся к земле беженцев, которые осе-

дают на фермах в юго-восточной Франции или на земельных клочках в окрестностях Парижа, - это казаки. Из-за отсутствия народа de facto стирается и та извечная граница, которая в старой России отделяет мужиков от помещиков и европеизированной элиты. Раскол, традиционный для русского общества, во Франции сменяется разделением на правых и левых, и даже профессиональные союзы делятся, как правило, на два крыла.

Эта "настоящая Россия" существует здесь без какого-либо государственного аппарата, без полиции и цензуры, без суда и тюрем и без царя-самодержца. Ее не мучает здесь и больной для нее национальный вопрос, так как все выходцы из Российской империи, где бы они ни родились - в Москве, Киеве, Ереване или Баку - значатся в паспортах как "русские", чем некоторые из них, особенно украинцы, крайне недовольны. Вместе с тем, как пишет в своей книге о русской эмиграции Никита Струве, происходит реальное сближение между русскими и "ассимилировавшимися евреями, которых было немало среди интеллектуальной элиты и буржуазии... Парадоксально, но первые органы управления, учреждаемые эмиграцией, по своему этническому составу не отличались от тех же советов и ленинского правительства."

Очевидно, что эти противоречия, изначала присущие этому необъявленному государству, гораздо в большей степени, чем политический антагонизм, объясняют провал Зарубежного съезда (4-11 апреля 1926 года), созванного в Париже ради создания настоящих "генеральных штатов эмиграции". Начиная с этого времени политика отходит на задний план, уступая первые роли культуре. Официально учредить Русское государство в изгнании эмигрантам не удается, зато они преуспевают в другом: они создают различные структуры, необходимые для жизни сообщества, и одновременно происходит настоя-

щая экспансия самобытной русской культуры. Иногда - наперекор всем и вся. Но чаще всего она откликается на запросы принявшего ее под свой кров общества, где мода на все русское, начавшаяся в 1890 году, будет длиться по 1939 год.

Причуды моды

"Русский миф" - изобретение французов?

В конце XIX века увлечение Востоком начинает угасать. Однако вконец истощенная и выработанная "восточная жила" все еще продолжает питать эвазионистскую литературу в духе Пьера Лоти и Клода Фаррера. Успех этой литературы подтверждает, что публике пришлись по вкусу эти дешевые экзотические безделушки, этот "китч, который насаждают не только романы и иллюстрированные журнальчики, но и реклама сигарет, мазей и бальзамов. Восток во всех видах...Восток на каждом шагу."*

Вместо этого уже слишком затасканного Востока в европейском исполнении интерес, пробуждающийся к России, сулит новые, еще неизведанные земли.

"Вот идет скиф, настоящий скиф, который вдохнет новую жизнь в наш интеллектуальный опыт. Вместе с ним мы проникнем в самое сердце Москвы, в этот чудовищный Храм Василия Блаженного, который своими зубчатыми украшениями и окраской напоминает китайскую пагоду, но, возведенный татарскими архитекторами, служит поклонению христианскому Богу", - так Мельхиор де Воге представляет французским читателям

---

* Ф.А л ь б е р а. Альбатрос или русские в Париже. 1919-1929. Милан, Маззотта, 1995.

Достоевского, писателя, который для многих так и будет оставаться "варваром". Подчеркнем излюбленные характеристики, которыми все - от Жюля Мишле до Мельхиора де Воге - дружно одаривают русских: *чудовище, варвар, скиф, странный, ребенок,* видя в нем *азиата*, навечно зараженного желтой, то есть татарской кровью.

К подобным клише прибегают и журналисты, которые пишут статьи о балетах Сергея Дягилева. Музыка Бородина производит на них впечатление чего-то диковатого и почти экзотического. Эта музыка "затрагивает все самое примитивное, что в нас есть", - пишет Жак Ривьер. Этот же критик по поводу "Петрушки" Стравинского снисходительно говорит об "очаровательной неотесанности" и "тысяче восхитительно грубых движений". Однако когда эти движения сексуальны, то они ужасно шокируют "безупречный французский вкус".

А сколько негодования вызывает "Послеполуденный отдых фавна" Стравинского и его "модернизм вперемежку с варварской чувственностью"! Вот гневный приговор, который выносит "Ревю де Де-монд": "Нет ничего общего между этим искусством и нами. Невозможно расшифровать смысл, изображенный чудовищными литерами". И тот же критик будет сетовать: "Парижане, невозможно отделаться от чувства, что на два месяца нас лишили нашего города и нашего гения". Вот как "приветствовала" утонченная парижская критика русский балет Дягилева, который принес славу не только Дягилеву и его артистам, но и, как известно, упрочил славу самого Парижа как столицы мирового искусства.

Но если унылые критики с раздражением встречают ежегодные русские сезоны Дягилева, то публика приходит в восторг от русских спектаклей, которые неизменно поражают своей новизной и возбуждают сильные эмоции.

Дягилеву удается собирать для создания своих спек-

таклей лучших танцовщиков и самых талантливых художников и композиторов своего времени. А сколько неподражаемых и неповторимых звезд выпестовал он в своей труппе! Как писал впоследствии открытый и взращенный Дягилевым Сергей Лифарь, хотя дягилевской школы балета не было как таковой, все хореографы, которые начинали у Дягилева и благодаря ему обретали славу, даже покинув Дягилева, продолжали творить в заданном им стиле и ключе. Да и скольким французам он открыл до сих пор неизвестные им возможности балета и волшебную магию театра! К Дягилеву тянутся и с ним охотно сотрудничают самые яркие таланты французской культуры. Как признавался Жан Кокто, именно Дягилеву он обязан своим увлечением театром.

Жадный интерес театральной публики к русскому искусству подвигает французов на создание и различных подделок на русскую тему - например лирической драмы "Сиберия", сочиненной итальянцами и поставленной в Париже в 1911 году. Критики разнесли эту оперу в пух и прах, но публика встречает овациями каждый спектакль. Год спустя "Гранд Опера" ставит двухактный балет в русском стиле "Русалка" на музыку Даргомыжского во французской оркестровке и с французскими исполнителями.

Одновременно артисты Дягилева танцуют в спектаклях, поставленных по произведениям нерусских авторов: в балетах "Мучения святого Себастьяна" по Габриеле д'Аннунцио и "Елена из Спарты" по Эмилю Верхарну, где главные партии исполняет Ида Рубинштейн.

Русское искусство оказывает поистине животворное воздействие на театральную режиссуру и балет Франции: Жак Руше, вдохновленный балетами Дягилева, изысканиями Станиславского и Мейерхольда, увлеченно инсценирует и воплощает на сцене русские романы;

вслед за ним по этому же пути идет и пользующийся в те годы известностью актер и режиссер Андре Антуан, создавший Свободный театр. Благодаря этой увлеченности русским искусством в период с 1905 по 1912 год, парижской публике представляют шесть русских пьес, последним спектаклем в этой череде русских премьер был "Вечный муж" Достоевского в театре Антуана.

Русская мода царит до самой войны 1914-1918 гг. Но и после революции французская публика, уже приобщившаяся к "загадкам русской души", по-прежнему ждет от эмигрантов воплощения сотворенного Дягилевым мифа, который воспринимается как последний отзвук увлеченности ориентализмом.

Этот миф, помимо своего экзотизма, привлекает парижскую публику нетрадиционной свободой тела, чувственностью и "дикостью", которые великолепно демонстрируют русские танцовщики, "эти степные скифы". Этим объясняется и противоречивое отношение, которое вызывает, к примеру, Вацлав Нижинский. В то время как для Валентины Юго танцовщик - "божественный гений спектакля, прекрасный как солнце, а его прыжки превышают человеческие возможности", то для директора "Фигаро" Гастона Кальметта Нижинский - отталкивающее звероподобное существо и "непристойный фавн, а его отвратительные движения преисполнены животной эротичности". Это мнение перекликается с отзывом Жюля Мишле, который в "Лежанд дю Нор" писал, что у русских "узкие полузакрытые глаза, мало похожие на глаза человека... Эти глаза выдают зияющие пустоты, которые ощутимы в развитии этой расы. Это еще просто *недочеловеки*."

Как видим, балетам Дягилева сопутствует скандальная репутация, и в ее свете воспринимаются все русские, не ведающие о тех запретах и табу, которые традицион-

ная французская культура вынуждает соблюдать французов. По их убеждению, эти "кочевники грязного и дикого Севера" еще пребывают в первобытной, докультурной стадии развития, общаясь с примитивными земными силами, что ярко проявляется в языческой дикости "Весны священной" Стравинского, чья премьера вызвала шумный скандал.

"Весь спектакль - это черновик, а каждая из его составляющих - кусок сырого материала; русские представляют их нам, не потрудившись подготовить наше пищеварение к этой грубой пище; все здесь слишком откровенно, безыскусно, упрощенно и топорно... Это слепок первозданной природы, сохранившейся в ее нетронутом, натуральном виде, которая мистическим образом оживает на наших глазах, вместе со своими обитателями и флорой..," - этот отзыв Жака Ривьера о "Весне священной", опубликованный в "Нувель ревю франсез", наглядно показывает, как принимала определенная часть французской публики эти спектакли, в которых воплощалась теория синтеза искусств, разработанная группой новаторов, впитавших лучшее, что было в западном искусстве, и создавших свое, новое и оригинальное искусство.

"Русская душа, азиатская душа..."

Многочисленные французские путешественники, посещавшие Россию в девятнадцатом столетии, привозили множество подробнейших сведений о различных сторонах жизни Российской империи и совместными усилиями создавали противоречивый образ азиатской страны, несмотря на ее внешний западный лоск. Среди этих путешественников немало знаменитостей, как, например, Александр Дюма, Теофиль Готье или историк Анатоль Леруа-Болье, автор книги "Империя царей". В начале ново-

4 – 1500

го столетия журналист "Фигаро" Клод Ане в автомобиле изъездил весь юг России и издал книгу "Арина" с иллюстрациями мастера гравюры на дереве Ивана Лебедева.

Ну, а вдохновенный фантазер и гениальный мифоман Блез Сандрар напишет книгу о русском Апокалипсисе под названием "Мораважин". Эта книга, опубликованная в 1926 году, родилась на много лет раньше, когда состоялась непридуманная встреча на Монпарнасе между живой легендой - террористом Борисом Савинковым и молодым швейцарцем Фредериком Созером. Будущий писатель, прославившийся под псевдонимом Блеза Сандрара, находился в Санкт-Петербурге в момент убийства министра Плеве. Созер-Сандрар обучался там коммерции у соотечественника-часовщика, друга своего отца. У путешествующего ювелира Роговина писатель позаимствует имя для своего героя, а у Савинкова - его знание круга террористов.

К тому времени реальная жизнь Российской империи все больше напоминает захватывающий роман: придворные интриги, убийство Григория Распутина, этого "гнусного развратника" - мемуары князя-убийцы Феликса Юсупова будут иметь огромный успех у французских читателей, как и книга Жозефа Кесселя "Слепые короли" на эту же тему, опубликованная позднее, в 1925 году.

Затем революционные события становятся главной темой репортажей и воспоминаний: Луи де Робьен, посол Франции, возвращается из России с дневником, в котором он достоверно запечатлел конвульсии, сотрясающие страну. В 1919 году младший лейтенант Жозеф Кессель прибывает во Владивосток, чтобы выполнить межсоюзническую дипломатическую миссию - оказать техническое содействие последним частям Белой армии, которая еще продолжает бороться против большевиков. О жестокости и насилии, с которыми он здесь столкнется, он напишет сначала репортаж, а затем биографичес-

кую повесть "Сибирские ночи", впоследствии переименованную в "Нагайку".

Напомним, какие литературные персонажи были широко популярны во Франции в конце XIX века: это - генерал Дуракин, герой двух романов графини де Сегюр, и Мишель Строгов из знаменитого одноименного романа Жюль Верна. Успехом пользовался и созданный писательницей Анри Гревиль жанр "экзотического" романа на русскую тему.

Несколько десятилетий спустя "казака, питающегося сальными свечами" времен 1814 года, расхожее представление о котором приводит Флобер в своем ироническом "Лексиконе прописных истин" (изданном в 1910 г.), во Франции сменяет благородный, изысканный и поверженный русский аристократ, принявший обличие шофера такси, а любой мужик-здоровяк слывет казаком, который в эмиграции пашет землю, разгружает вагоны или работает на стройке. Вот как описывает такого казака журналист Шарль Ледре: "Его бронзовый торс едва прикрыт фланелевой рубашкой, и, держа в железных руках тяжелый молот, он дробит им булыжник".

Нынешний исследователь Изабель Репитон, проанализировав двадцать пять романов, рассказов и театральных пьес того времени, в своей работе "Французское общественное мнение и русские эмигранты 1920-1939 гг.", утверждает, что "авторы этих произведений улавливали лишь чисто внешние черты жизни русских эмигрантов, которые отличали их от всех прочих иностранцев. Наиболее типичная для русских беженцев судьба рабочего на заводе Рено их не интересовала, все они лепили совершенно искаженный образ русской эмиграции".

Мастер развлекательного романа, Пьер Бенуа, выбирает русских героинь для книги "Кенигсмарк" и новеллы "При полуночном солнце". Эпиграф ко второй новелле

он заимствует у Альфреда де Виньи, чтобы подчеркнуть деклассированность "все потерявших эмигрантов" - именно так чаще всего трактовали трагедию русских изгнанников:

Княгиня в прошлом, кто она теперь?
Любая перед ней закрыта дверь...

Русские эмигранты, против собственной воли, служат неисчерпаемым материалом для французских писателей, а их приключения пробуждают в прилежных читателях романтические грезы, которые скрашивают обыденную жизнь 30-х годов: так литература изо всех сил старается навязать свои стереотипы, которые в коллективной памяти французов живут и по сей день.

"В тени развесистой клюквы..." или Россия в зеркале французского кино

Александр Дюма в своей книге, опубликованной в 1860 году в Брюсселе и повествующей о его путешествии из Петербурга в Астрахань, рассказывает, что ему нравилось отдыхать в тени развесистой клюквы. На самом деле столь полюбившаяся Дюма клюква скорее уж напоминает растущую в наших краях чернику, чем тенистый дуб или платан... А для русских эта маленькая красная ягода, растущая на северных болотах, с той поры стала символизировать псевдофольклор, которым тешат себя иностранцы. (Похожее произошло с "русским салатом", слывущим типичным национальным блюдом, хотя его придумал французский повар по имени Оливье, работавший в одном из московских ресторанов, и в меню российских ресторанов и даже в обычном домашнем обиходе этот салат неизменно называют "оливье").

"Не скупиться на клюкву!" - таков был главный девиз некоторых русских режиссеров, и в том числе - Алексея Грановского, который в 1936 году снял фильм "Тарас Бульба". Этот фильм прославился огромными финансовыми вложениями и полным коммерческим провалом: сыгравший главную роль Гарри Бор и целая армия безработных казаков-джигитов воссоздавали грандиозную эпопею, принадлежащую перу Николая Гоголя. Грановский, щедрая душа, главным образом заботился о том, чтобы дать возможность подзаработать своим соотечественникам.

Другие режиссеры вынуждены подчиняться "русской моде", чтобы удовлетворить запросы приютившего их общества. Таким режиссерам ничего не остается, как вносить свою лепту в утверждение уже сложившихся представлений о России, подчеркивая ее экзотизм и фольклорный характер. Словом, насаждать уже ставшие привычными стереотипы. В этом плане очень любопытен и парадоксален успех всех киноверсий "Мишеля Строгова", снятых при участии эмигрантской киностудии Ермольева - в данном случае русские изгнанники обыгрывают русскую тематику французского романа прошлого века, который с большим опозданием был переведен на русский язык (1909), а затем был запрещен царем как вредное произведение.

В целом же "китч à la russe, сделанный руками самих русских" (по выражению Ф.Альбера), занимает далеко не главное место в эмигрантской кинопродукции; эту золотую жилу старательно разрабатывают французские режиссеры, которые, вслед за американцами, принимаются наперебой инсценировать русскую литературу. Приведу лишь некоторые из этих фильмов: из американских - "Любовь" с Гретой Гарбо по роману "Анна Каренина" (Вивьен Ли также сыграла эту русскую героиню), а из французских

- незавершенный фильм Марселя Л'Эрбье "Воскресение" по роману Л.Толстого, "Тайны" Пьера Бланшара по мотивам тургеневского "Месяца в деревне" (сценарий Бернара Зиммера), "Ностальгия" В. Туржанского с Гарри Бором (диалоги Анри Жансона), а еще были "Распутин", "Ничего" (с Иваном Мозжухиным), "Очи черные", "Товарищ", "Ниночка"... Но французское кино на этом не останавливается и выпускает также исторические фильмы о России, как, например, "Катя" Мориса Турнера, "живописное воплощение имперской России", увиденной глазами княгини Бибеско, с Даниель Дарье в главной роли.

В 30-е годы эти фильмы, в которых оживает "русская атмосфера", пользуются широкой популярностью, так как помимо фильмов на колониальную тему кино того времени не богато приключенческими лентами. И эта массовая кино-продукция в "русском духе" привлекает зрителя чисто внешними "русскими приметами и сценами", которые щедро использовал художник и декоратор Юрий Анненков. Как иронично рассказывал сам Анненков в книге "Одевая звезд", именно эти легко узнаваемые публикой детали "местного колорита" превращали подобные фильмы в хорошо продаваемый товар.

При сотворении "русского мифа" французского образца, чтобы гарантировать зрителю "правду жизни", постановщики прибегают к услугам самих русских эмигрантов, а тем эта работа помогает выжить на чужбине. Среди подобных режиссеров, которые, следуя моде, возлюбили русскую тему, выделяются Марсель Л'Эрбье и Жак Фейдер, всерьез озабоченные правдоподобием своих картин. Снимая в Лондоне фильм о первых шагах русской революции, Фейдер привлекает писателя Романа Гуля в качестве консультанта, а в художники приглашает Лазаря Меерсона, бывшего художника-декоратора студии "Альбатрос".

Так что этим режиссерам посчастливилось встретиться и поработать с самыми "настоящими" русскими, которых взрастила студия "Альбатрос", возглавляемая Александром Каминкой, молодым и богатым любителем искусства. А первоначальным ядром русской колонии, возникшей в Монтрее, была студия Ермольева, который работал с Эмилем Пате еще до революции, в России. Сначала эта студия переезжает в Ялту, а в 1920 году вся целиком покидает Россию: из Константинополя она перебирается в Марсель, а затем оседает в Монтрее, где Пате сдает ей заброшенное и пустующее помещение. Этот "стеклянный дом" становится местным русским фаланстером - здесь работают и живут многочисленные члены большой кино-семьи, у которых чаще всего нет иного жилья. Студия "Альбатрос" также пестует русские таланты - именно ей обязан своей стремительной и блистательной карьерой Лазарь Меерсон, который, очутившись в Париже, поначалу спит на скамейках в Булонском лесу. Это он оформляет декорации для фильмов "Злюка" и "Кармен" Фейдера и "Жертва ветра" Рене Клера. Это он вместе с другими художниками-эмигрантами привнесет во Францию русскую концепцию декорации как важной формы организации пространства, в то время как во Франции еще полагали, что стоит лишь раскрасить холст, и декорация готова.

Увлечение восточной модой, которому студия "Альбатрос" отдается в первое время своей деятельности, служит ей лишь ступенью при переходе к более современным формам и стилю, как и негритянское искусство - для кубистов.

Благодаря "русским из Монтрея" рождаются принципиально новая концепция киноафиши (заслуга Бориса Билинского) и совершенно иные требования к актерскому исполнению: многосторонне развитый актер

Иван Мозжухин превосходно иллюстрирует теорию экспрессивных возможностей тела, которой обогатили русские французское кино.

Отнюдь не стремясь к насаждению во Франции мифического "русского стиля", студия "Альбатрос" изучает традиции западного киноискусства и благодаря этому обновляет свой собственный стиль. Этим тяготением к интеграции, этой широтой взглядов и объясняется отношение к молодым французским кинорежиссерам-авангардистам: Жану Эпштейну, Жаку Фейдеру, Рене Клеру, Марселю Л'Эрбье, которые именно на этой студии получают возможность пробовать свои силы и претворять в жизнь свои смелые концепции. Самое парадоксальное - очень скоро студия в Монтрее становится надеждой французского кино в борьбе против лидирующего в ту пору американского кинематографа. Журнал "Синемагазин" пишет в 1921 году: "Чтобы снять шикарный фильм, вовсе не обязательно ехать в Лос-Анжелес - в Монтрее это делают ничуть не хуже". Семь лет спустя на экраны выходит фильм "Калиостро", в котором снялось с десяток звезд, использовано сорок видов декораций, а действие разворачивается в трех европейских странах, и критика приветствует его, как "превосходный европейский продукт, не уступающий голливудскому импорту".

Можно ли сделать лучший комплимент киностудии, способной великолепно адаптироваться в трудных условиях, учитывать переменчивый вкус публики и требования рынка? Но пришествие говорящего кино обречет на нищету Ивана Мозжухина и других актеров, которые к тому времени не успеют избавиться от русского акцента. Разразившийся экономический кризис ускорит распад студии и навсегда прервет полет "Альбатроса".

Спасти память о прошлом

Долг памяти

Покидая Россию, беженцы чаще всего не уносят с собой ничего, кроме родной земли на подошвах своих башмаков. Однако некоторым удается сохранить самое ценное, что у них есть: свои воспоминания и архивы. Донские казаки, к примеру, забирают с собой часть экспонатов своего музея и архивы и в 1925 году передают их на сохранение "Русскому историческому обществу в Праге".

Оказавшиеся на чужбине русские эмигранты с первых же дней стараются запечатлеть для Истории хронику своих скитаний и вынужденного изгнания. Уже начиная с 1920 года в Константинополе начинают издаваться многочисленные мемуары и свидетельства эмигрантов первой волны.

Год спустя И.Гессен основывает в Берлине альманах "Архив русской революции" - в противовес "Красному архиву", издаваемому большевиками. Этот альманах будет выходить до 1937 года и в нем увидят свет чрезвычайно интересные документы. Вот что писал сам Гессен о ценности непосредственных впечатлений: "Если сейчас не записывать всего, чему каждый свидетелем был.., это может безнадежно затруднить раскрытие истинного смысла переживаемого нами величайшего исторического перелома". По убеждению Гессена, лишь сопоставление возможно большего числа личных свидетельств позволяет воскресить картину событий, сотканную из великого множества отдельных штрихов и деталей.

В 1922 году в Берлин прибывает меньшевик Борис Николаевский, высланный из советской России после года, проведенного в большевистских застенках, и сразу же на-

чинает собирать архивы русских беженцев. Позже, спасаясь от нацизма, Николаевский переберется в Париж. При этом ему удастся переправить во Францию не только свои собственные архивы, но и архивы немецкой социал-демократической партии. Затем он уедет в США, где и закончит свои дни, а его личный архив хранится в Институте Гувера и уже не одно десятилетие служит бесценным источником информации для специалистов по русской эмиграции.

Литературную жизнь в начале двадцатых годов стремится как можно полнее освещать библиографический журнал "Новая русская книга" (шесть номеров которого выходят в 1922-1923 гг.), публикуя сведения о судьбе интеллигенции по обе стороны границы и развитии ситуации в советской России. Из номера в номер журнал публикует также хронику культурной жизни в Берлине в этот период "между двумя войнами".

В Париже настоящей сокровищницей архивов становится Тургеневская библиотека. Основанная в 1875 году по инициативе революционера Германа Лопатина и при поддержке Ивана Сергеевича Тургенева (именем которого она и была названа), эта библиотека непрестанно обогащает свое собрание, и в 1925 году в ее фонде насчитывается уже 30 000 тысяч томов, а к 1937 это число возрастет до 100 000. К этому времени в ней уже хранятся архивы многих русских писателей-эмигрантов и, в частности, архив Бунина.

Во Франции, где русские беженцы находят в конце концов пристанище и распаковывают свои чемоданы, их дома зачастую превращаются в "музеи былой Руси". Такие домашние музеи можно найти еще и сегодня в домах или квартирах, где обитают последние русские эмигранты первого поколения или - что реже - их дети. Жорж Кудри, автор книги "Лагеря для советских перемещен-

ных лиц во Франции" (1997), рассказывает, что приехав к Игорю Брокгаузену, чтобы взять интервью у этого русского эмигранта второго поколения, он нашел в его "доме, напоминающем одновременно русскую избу и летнюю дачу, музей старых икон и русских кукол, и ни одно застолье не обходится здесь без водки и непременного тоста за "Святую Русь", а сувениры из российского прошлого соседствуют с французскими безделушками."

Однако для некоторых этот груз воспоминаний о прошлом оказывается непосильным. Вот какое горькое признание сделала журналистка А. Л.: "Когда я была маленькой, то слышала не волшебные сказки, а истории о том, как люди убивают друг друга и режут на куски..." Эта журналистка не одинока в своих чувствах и отношении к прошлому. Родители, вынужденные бежать из России и навсегда травмированные всем, что им довелось пережить, без конца рассказывали и рассказывали об этом своим детям, а те, из спасительного чувства самосохранения, старались иногда отринуть от себя и предать забвению это прошлое, преисполненное траура и страданий.

Похитители памяти

В то время как варвары в советской России разбивают церковные колокола, иконами забивают окна, а книги Пушкина сжигают в печках и с мстительным наслаждением кромсают рояли, русская эмиграция становится хранительницей памяти. Как показал Евгений Замятин в романе "Мы" (1925), режим, который выкорчевывает прошлое страны, не может допустить, чтобы это прошлое где-то любовно сохранялось от забвения, порождая при этом сомнения в официальном мифе о происхождении этого государства.

История эмиграции - это история похищения ее памяти, ее архивов.

Когда и каким образом были переправлены в Москву архивы Горького, включающие, помимо его рукописей и записных книжек, огромнейшую переписку с видными членами партии и политическими деятелями эмиграции? Ведь еще до своего окончательного возвращения в Москву Горький как будто доверил их баронессе Будберг, которая уезжала в Лондон. Нина Берберова в своих мемуарах и в книге "Железная женщина" связывает таинственную смерть Горького и политические процессы, начавшиеся в Москве спустя два месяца, объясняя их тем, что Сталин прочел попавшие ему в руки документы из архива Горького. (Недавно опубликованные документы также наводят на мысль о сделке, заключенной между Будберг и Сталиным.) Это предположение представляется вполне правдоподобным, если вспомнить, как в Париже были похищены восемьдесят килограммов архивов Льва Троцкого, которые незадолго до этого Лев Седов, сын Троцкого, передал на хранение библиотеке Гаагского Международного института социальной истории, возглавляемого историком-меньшевиком Борисом Николаевским. В "Путеводителе русских во Франции" Р. де Понфили рассказывается, как 7 ноября 1936 года "неизвестные люди перерезали автогеном железную дверь, выходящую на служебную лестницу" и вынесли архив Троцкого. Двадцать лет спустя тайный советский агент Марк Зборовский признается, что украл эти архивы, чтобы преподнести их Сталину в качестве подарка по случаю годовщины Октябрьской революции.

Лев Седов, на которого ведется самая настоящая охота, спасается во время первого покушения на его жизнь в январе 1937 года, но в феврале следующего года погибает скорее всего от рук советских агентов, переодетых

во врачей, так как официальная версия его смерти (приступ аппендицита) оспаривается несколькими очевидцами. А его отец, как известно, будет зверски убит в Мехико.

Исчезновение архивов сопровождается истреблением "живой памяти" недавней Истории, которую сталинский тоталитарный режим намеревается собственноручно переписать по своему усмотрению и в угоду требованиям момента. В соответствии с этими требованиями момента точно так же будут похищены и уничтожены две знаковые фигуры гражданской войны: генерал Кутепов в 1930 году и генерал Миллер - в 1937. В обоих случаях это произойдет в Париже. И оба генерала - руководители Русского общевоинского союза (РОВС).

Во время второй мировой войны архивами русских эмигрантов, как лакомым куском, стремятся завладеть сначала нацисты, а затем советские коммунисты. Когда Русский исторический архив, хранившийся в Праге, попадает в руки нацистов, те используют найденные там документы в своих военных целях. По окончанию войны все эти архивы оказываются уже в советских руках - их перевозят в СССР, а там распределяют между различными организациями и крепко-накрепко запирают в спецхранах.

Драматично складывается и судьба Тургеневской библиотеки. Сначала ее фонды вывозят немцы, затем какая-то их часть переходит в руки советских властей и передается различным библиотекам России и Белоруссии, так что доступ к ним очень затруднен. Спасенным окажется лишь архив Бунина, который хранится ныне в городе Лидсе, в Англии. Уже в послевоенные годы бесследно исчезнет все досье знаменитого дела Виктора Кравченко, автора книги "Я выбрал свободу", которому в 1949 году удается выиграть в Париже судебный процесс против прокоммунистической га-

зеты "Леттр франсез", отрицавшей факты массовых репрессий в СССР. В этом похищении явно угадывается рука "друзей СССР", старавшихся угодить сталинскому режиму

Напомним лишь, что Россия так и не вернула эмиграции принадлежавшие ей архивы.

Историческая память

В Советском Союзе новая власть отменяет Историю, навязывая стране миф о ее прошлом собственного сочинения, который будет без конца переписываться заново - в зависимости от требований политического момента. Народ, лишенный духовных ориентиров и даже своей памяти, который остается один на один лишь со своим настоящим, не способен определять и свое будущее. И если большевики уничтожают память, то люди, старающиеся ее сохранить, лелеют надежду, что когда-нибудь смогут оказывать влияние на будущее страны.

В то время как в учебных заведениях СССР история уступает место общественным наукам, она занимает центральное место в школах русской диаспоры, которые стараются уберечь своих учеников от денационализации, всячески возвеличивая славное прошлое родины. Подобный подход к Истории, который грешит чрезмерным восхвалением "царей-собирателей земли русской" и величия Империи, естественно, отдает консерватизмом и парадоксальным образом предвосхищает будущую сталинскую историографию, которую примутся насаждать после "реабилитации" Александра Невского, Петра Первого и Ивана Грозного.

Однако за стенами школ, где учатся дети русских беженцев, не прекращается напряженное осмысление уроков, которые необходимо извлечь из недавней Истории, и русская эмигрантская среда делится на тех, кто остает-

ся непримиримым врагом русской революции, и тех, кто - во имя национальных интересов - готов смириться с ней: "Мы за советскую Россию не потому, что она советская, а потому что мы за Россию", - пишет в 1920 году один из сторонников "Смены вех", движения, которое ознаменует свое рождение выходом сборника под таким же названием, в Праге, в 1921 году. Юрист Николай Устрялов, который с 1920 по 1934 гг. жил в Харбине и был там профессором государственного права в Русском юридическом институте, видит в большевиках представителей "подлинно русского движения, вобравшего в себя идеи интеллигенции, преломленные в народной психике". Для сторонников этой "идеологии примирения", в большинстве своем монархистов и консерваторов, коммунизм - явление интернациональное, а стало быть чуждое России, в то время как большевизм, будучи русским явлением, должен восстановить русское могущество, защищаемое Богом, то есть выполнить задачу, с которой не справился царизм. Получалось, что во имя "русской идеи" сменовеховцы узаконивали большевиков, возводя их в подлинных наследников русской истории и оправдывали все методы новой власти.

Хочу напомнить, как печально сложилась судьба самого Устрялова. Поверив большевикам, он в 1935 году вернулся в СССР, а в 1937 был арестован и затем расстрелян..

Примирение с новым режимом сопровождается активным неприятием Запада - эти настроения выражает Евразийское движение, возникшее в Праге по инициативе лингвиста и профессора Венского университета Николая Трубецкого - в том же году, что и сменовеховское. В коллективном сборнике "Исход к Востоку", опубликованном в Софии, евразийцы реконструируют национальную историю, мифологизируя роль Востока. По евразийцам, Россия - последняя Степная империя,

сохранившаяся после исчезновения сарматов, скифов, гуннов и монголов. В свете этой теории татаро-монгольское нашествие видится не как бедствие, а как благо, поскольку способствовало формированию дотоле неорганизованного русского общества. Отсюда - один шаг до того, чтобы приветствовать в Ленине нового Чингисхана, что и произошло в 1927 году, когда движение сильно политизировалось, однако именно с этого момента и начинается его спад.

Как воспринимает большинство эмигрантов саму тенденцию к сближению с советской властью? Как измену. Но и в эмигрантской среде есть немало людей, кто разделяет подобное умонастроение: эмигранты, которых оскорбляет равнодушие Европы к страданиям России, оказываются в одном стане с теми, кто, отталкиваясь от Запада, готов признать национальную значимость Октябрьской революции.

Едва ступив на французскую землю, князь Львов пишет: "Русская кровь была отравлена Западом".

А писатель Алексей Толстой в письме К.Чуковскому пишет: "Европа не живет, а зализывает раны, рычит и скалится на старые обиды, над шелудивым телом вьются, липнут трупные мухи, - неистовая сволочь, паразиты."

В самой России им вторит Сталин, который в те годы пишет две статьи под многозначительными заголовками: "Не забывайте Востока" и "С Востока свет".

Такое единодушие во взглядах со Сталиным очень затрудняет деятельность эмигрантов, которые, как и "русский европеец" Милюков, пытаются проповедовать непримиримое отношение к советскому режиму, неприятие монархии и республиканские принципы. Их позитивизм не в состоянии противостоять жажде мифологизации национального прошлого, порожденной нарцис-

сическим стремлением залечить боль поражения и вынужденного изгнания.

Язык - "главный архив" национальной памяти

После революции Запад, куда, как на остров после кораблекрушения, оказались выброшенными эмигранты, воспринимается ими как периферия по сравнению с потерянной родиной, которая превращается в центр вселенной.

Этот новый исторический разрыв порождает у эмигрантов особое отношение к родному языку, который начинают чуть ли не культивировать, видя в нем квинтэссенцию всего русского, гарантию сохранения культуры и памяти: язык в буквальном смысле слова служит средством общения для русской диаспоры, помогает вырабатывать общие взгляды и не утратить свою идентичность.

Стремясь любой ценой сберечь родной язык, русская колония много забот отдает школьному обучению своих детей и внуков: Церковь открывает "воскресные школы", где главные предметы - это Закон Божий и русский язык, а Земгор создает сеть светских школ, чтобы передать культурное наследие юному поколению и подготовить его к будущей созидательной роли в период "восстановления" России, который грядет после неминуемого падения советского режима. Однако спустя десятилетие проблему первоначального обучения сменяет другая: наступает время позаботиться о том, чтобы дети эмигрантов получили профессию и смогли интегрироваться в стране проживания.

Для большей части русской диаспоры верность родному языку требует сохранения старой орфографии: ведь упрощенной орфографией, которую разработала русская Академия наук накануне революции, пользуются... большеви-

ки! Этого достаточно, чтобы покрыть печатью позора новую орфографию, хотя она легче усваивается, чем старая.

Спор между сторонниками новой и старой орфографии будет продолжаться бесконечно, как и полемика о чистоте самого языка. Естественно, что по обе стороны железного занавеса, который с 1927 года отделяет эмиграцию от метрополии, язык развивается совершенно по-разному. И если по одну сторону этого занавеса эмигранты упрекают своих бывших соотечественников в том, что они портят язык и уродуют его неологизмами, то советская сторона критикует писателей-эмигрантов за их устаревший, искусственный и застывший язык: лишенный питательной почвы, русский за рубежом рискует превратиться в мертвый язык. Русские литературные критики и писатели не без злорадства подмечают друг у друга "ошибки", допущенные в родном языке, или порицают тех, кто, как Владимир Набоков, в поисках новых литературных форм нарушает "традиции", а то еще хуже - отказывается от своего языка, как Артюр Адамов.

Иван Бунин и другие писатели отдаются воскрешению и поэтизации прошлого, что несколько смягчает горечь изгнания и позволяет внести ощутимую лепту в коллективные усилия по сохранению языка - этого бесценного сокровища, в котором черпал последнее утешение Тургенев, умирая во Франции. Мне хочется напомнить его знаменитое стихотворение в прозе, воспевающее русский язык и русский народ:

> "Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, - ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя - как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!"

И надо отдать должное русским эмигрантам: на протяжении многих десятилетий живя в полном отрыве от родины, они сделали все, чтобы передать русский язык детям и внукам.

Однако русские эмигранты не просто сохранили русский язык, но и создали на нем множество литературных шедевров. Назову лишь немногие имена русских талантливейших писателей, чьи произведения, написанные в изгнании, являются украшением и гордостью русской литературы - это Иван Бунин, Алексей Ремизов, Владимир Набоков, Борис Зайцев и другие талантливейшие писатели земли русской, которых только сегодня с восхищением открывают в России.

"И какой я счастливый, что родился русским", - писал Алексей Ремизов в парижской эмиграции, хотя и воспринимал ее как "каторгу". А вот какую оценку творчеству этого необыкновенного художника слова еще в 1925 году дала Марина Цветаева, отвечая на анкету журнала "Своими путями" (выходил в Праге, на русском языке): "Здесь, за границами державы Российской, не только самым живым из русских писателей, но живой сокровищницей русской души и речи считаю - за явностью и договаривать стыдно - Алексея Михайловича Ремизова... Для сохранения России, в вечном ее смысле, им сделано более, чем всеми политиками вместе".

Безграничная любовь русской диаспоры к родному языку побуждает превратить 6 июня, день рождения Пушкина, в свой национальный праздник - вопреки воле Церкви, которая настаивала на том, чтобы выбрать для этого 28 июля, день святого Владимира - в этот день в 988 году князь Владимир Святославович обратил в христианство Киевскую Русь.

Религиозная память

Муки, пережитые в изгнании, помогли русским эмигрантам заново обрести свою религиозную память, - считает глава русской экуменической Церкви митрополит Евлогий. В самом деле, Церковь, со времен Петра Первого руководимая обер-прокурором при Синоде, продемонстрировала свою неспособность защитить собственное достоинство и духовно обновляться. Понадобилось влияние таких выдающихся религиозных деятелей, как Тихон Задонский, Серафим Саровский и позже Иоанн Кронштадтский, чтобы - против воли самой Церкви - вдохнуть в нее новую жизнь. Впрочем, попытки развить религиозную мысль предпринимались и вне Церкви - вспомним Толстого, Достоевского, светских мыслителей, как Владимир Соловьев, и вчерашних марксистов, как Николай Бердяев, Петр Струве, Сергей Булгаков и Семен Франк.

Петербургские Религиозно-философские собрания, проводимые Василием Розановым и Дмитрием Мережковским, были первой попыткой завязать диалог между церковными прелатами и светскими мыслителями, но как это ни парадоксально, только Октябрьская революция освобождает Церковь, оказавшуюся в изгнании, от государственной опеки и сближает ее с народом. В изгнании Церковь становится центром притяжения для рассеянных по миру русских изгнанников: обеспечивая непрерывность традиции, она помогает сохранить чувство национальной идентичности. Приходит осознание, что православие неотделимо от самой России, где до революции традиционный ритм жизни предопределяли религиозные праздники.

В изгнании с новой силой раскрывается свойственная русским набожность, которая проявляется в активном сострадании, милосердии, самоотверженности:

мать Мария (Е.Скобцова) основывает "монашество в миру" и полностью посвящает свою жизнь служению обездоленным. В годы оккупации она примет участие в Сопротивлении, будет арестована и погибнет в концлагере. Николай Лосский подчеркивал, что именно русская эмиграция по-настоящему способствовала возрождению Церкви, начавшемуся в XIX веке (возрождению интереса к учению отцов Церкви и богословскому толкованию значения иконы). Главные вопросы русской религиозной мысли - проблема существования зла, тайна ада и восприятие Христа как "Христа сострадательного"- обсуждаются в кафе Монпарнаса, на вечерах "Зеленой лампы" у Мережковских и на публичных собраниях журнала "Числа".

С 1924 года в Париже действует Религиозно-философская академия, возглавляемая Н.Бердяевым, который возрождает издательство "YMCA-Press", начинает выпускать журнал "Путь" и стремится примирить католиков, протестантов и православных.

Огромным авторитетом пользуется и храм Преподобного Сергия (Сергиевское Подворье), открытый в 1925 году в Париже на пожертвования верующих самых разных национальностей. Вообразите себе, какое волнение у русских верующих вызвало торжественное Освящение этого храма, состоявшееся 1 марта в Прощеное Воскресенье, и "слово", произнесенное митрополитом Евлогием, который затратил столько усилий и хлопот, чтобы собрать средства для создания этого храма "святой Церкви родной". Приведу лишь фрагмент этого "слова":

> "И для всех для нас - как бы хотелось! - чтобы здесь создался светлый и теплый очаг родного Православия, чтобы и сюда притекали православные русские люди, измученные, истерзанные душой, как некогда притекали изнемогавшие под

игом татарским наши предки в обитель Преподобного Сергия и получали утешение и запас бодрости душевной, обновляя душевные силы для борьбы с житейскими невзгодами. Мало этого, - хотелось бы, чтобы и наши иностранные друзья, представители западного христианства, нашли дорогу в эту обитель... Ведь и средства на это святое дело в значительной мере нам дали иностранцы. Нужно показать им красоту и правду Православия. Да будет сей храм местом сближения и братолюбивого общения всех христиан. Пусть не укрывается этот град, вверху горы стоящий, и пусть не поставляется светильник под спудом, но да светит всем не только в храме, но пусть люди и издали видят его свет.

Вы скажете, что я мечтаю. Да, мечтаю, или, лучше, предаюсь своим молитвенным чаяниям. Далеко еще до их осуществления. Мы создали храм рукотворный, но он еще совсем не устроен: все в нем, как и в начальной обители Преподобного Сергия "убого, нищенско, сиротинско". Но положен уже крепкий фундамент этого духовного строительства, благодать Божия сегодня освятила место сие. На этом твердом фундаменте будем строить храм духовный, нерукотворенный - напечатлевать образ святого Православия в юных душах учащихся здесь и широко являть этот прекрасный образ всем притекающим сюда с молитвою...

Низкий поклон мой в этом святом месте всем, кто принес сюда свои трудовые жертвы и особенно трогательные лепты бедняков, рабочих, бедных женщин, которые жертвовали свои последние серьги, кольца, желая остаться "неизвестными". Да воздаст Господь всем добрым жертвователям сторицею..."

В первый же год открытия Сергиевского Подворья при нем учреждается и Богословский Институт - центр богословских знаний и учебное заведение, которое готовит образованных священников для русской диаспоры. В то время еще была надежда, что они понадобятся и для будущей России. Поскольку в советской России все духовные ака-

демии и семинарии были закрыты, то этот Богословский Институт длительное время был единственным в мире высшим духовным учебным заведением русской Церкви - до открытия Духовной Академии в Москве в 1949 году.

Жизнь православной Церкви невозможно представить себе без яркой личности митрополита Евлогия. Родился он в семье священника, что и предопределило для него выбор жизненного призвания - посвятить себя Богу, а испытания, пережитые в годы гражданской войны (плен, издевательства, заточение в дальний монастырь, которым его подвергли петлюровцы), еще больше сближает священнослужителя с его паствой. Стараясь удержать Церковь от вмешательства в политику, митрополит Евлогий культивирует в ней терпимость и открытость другим религиозным конфессиям и миру. Благодаря этому, как отмечает Жорж Нива, раскол, который осенью 1921 года произошел в городе Сремски Карловцы во время съезда эмигрантского духовенства, и враждебное отношение откаловшейся карловацкой группировки к митрополиту Евлогию, "в конечном счете не помешали формированию большой православной семьи. После культуры и родного языка православие становится второй опорой для эмиграции".

Ах, эта французская забывчивость!

Русские в коллективной памяти французов

14 июля 1916 года, как рассказывает Р. де Понфили, "толпа восторженно приветствует части Русского экспедиционного корпуса, участвующего в параде, который проходит на Елисейских полях. Но спустя всего три года после парада Победы Русский легион, который вместе с французской армией сражался до окончания войны, не-

смотря на капитуляцию России, уже полностью забыт".

Этот эпизод символичен для череды забвений, которыми отмечена история взаимоотношений Франции со своими русскими друзьями: точно так же забыты и русские добровольцы войны 1914 года, которые влились в Иностранный легион. Это о нем Максимилиан Волошин пишет, что он стал "местом каторги для русских эмигрантов", которые добровольцами вступали в него, чтобы воевать за Францию.

Доведенные до крайности издевательствами французских офицеров, добровольцы поднимают бунт в деревне Курландон (в 15 километрах от фронта) и избивают несколько унтер-офицеров, отличающихся особой жестокостью. Военный трибунал приговаривает к смертной казни восемь русских бунтовщиков и одного армянина. Их расстреливают 21 июня 1915 года. Все приговоренные, кроме одного, не позволяют завязать себе глаза перед расстрелом и погибают со словами: "Да здравствует Франция! Да здравствует Россия! Долой Легион!"

В 1918 году русских, которых подозревают в симпатиях к революции, интернируют в лагеря, как например лагерь Пресинье, в Сарте.

Этот же сценарий повторяется в начале второй мировой войны. И некоторые бывшие легионеры во второй раз попадают в лагеря, которые французским префектам было поручено открывать уже с января 1939 года. Такие лагеря для русских открываются в Верне (этот лагерь описал Артур Кестлер в книге "Осадок земли"), Рьекрос, Гюр, Ноэ, Ресебеду, Компьень... Всего для русских будет создано девяносто лагерей.

В сентябрьские дни 1939 года, когда русские эмигранты добровольно вступают во французскую регулярную армию, чтобы защитить Францию от фашистов, французская полиция арестовывает многочисленных "подозрительных" иностранцев, включая и русских, подозреваемых в про-

коммунистических симпатиях. Среди них арестовывают и драматурга Артюра Адамова - за неодобрительное высказывание в адрес правительства Виши. Сначала его интернируют в лагерь в Аржелесе, а затем перемещают в Ривсалт и Койур, где, как рассказывал Адамов в интервью "Фигаро" двадцать лет спустя: " ... люди дохли, как мухи. Там я познакомился с Борисом Шлецером, знатоком Иоганна Себастьяна Баха. Он тоже был русским. Да, в день, когда была объявлена война СССР, всех русских арестовали. И нам пришлось ужасно тяжело. Только в Койуре было полегче. Начальник лагеря в Койуре был милосерднее, чем другие. Он был голлистом. Мертвых было столько, что их закапывали по ночам. Люди без счету умирали каждый день. Я готовился к побегу. Но не смог убежать. Досадно. Освободился в последний момент. Благодаря квакеру из Марселя".

После Перемирия, заключенного между Францией и Германией, иностранцев, добровольно вступивших во французскую армию, чтобы защищать свою вторую родину от нацизма (среди которых немало русских и евреев из центральной Европы), также интернируют в лагеря, откуда их забирают немцы и отправляют на каторжные работы в пустыню Сахару. Оказавшийся в их числе Иосиф Рац позже, в 1945 году, в книге "Франция, которую я жаждал обрести" с горечью напишет: "Вот как отблагодарила нас Франция за то, что мы добровольцами вступили в ее армию".

В конце войны Франция, которая слывет "самой гостеприимной страной мира", вновь предает свою хваленую гостеприимность, а заодно и тысячи выходцев из Советского Союза, которые в результате отступления немецкой армии попадают на территорию уже освобожденной Франции. В соответствии с решениями, принятыми на Ялтинской конференции 1945 года, Франция выдает СССР всех гражданских лиц, которых гитлеровцы депортировали в качестве рабочей силы и как военнопленных. По офици-

альным документам, 1 октября 1945 года только Франция высылает в СССР 101 000 советских перемещенных лиц. После этого, как пишет Ж.Кудри, "опускается железный занавес забвения": западным державам, выдавшим СССР всего 2 270 000 советских военнопленных, абсолютно безразлична судьба этих людей, которых Сталин, в нарушение всех своих обещаний, сошлет в Сибирь.

К тому же Франция никогда не старалась сберечь национальное культурное богатство, которое русские эмигранты вверяли ей на сохранение. Как известно, американские университеты скупили архивы многих русских писателей (архив Алданова - приобрел Стэнфордский университет, архив Мережковского купили в Урбане, целую коллекцию архивов приобрел Колумбийский университет). Архивы историков также перекочевали за океан. Колумбийский университет, в числе прочих, хранит и Бахметевский архив. Во Франции так и не создали библиотеки-хранилища для рукописных архивов, а у нищей Тургеневской библиотеки на это нет средств.

"Политическое" недоверие, которое вызывали "белые" эмигранты, надолго затормозило изучение жизни русской диаспоры и всего, что было с ней связано. Той порой многие свидетели уходили из жизни, а их архивы и документы бесследно исчезали. О том, какой огромный вклад внесли русские в художественное оформление и постановку театральных спектаклей, можно судить только благодаря усилиям бескорыстных и самоотверженных коллекционеров. Среди них мне хочется назвать имя Никиты Лобанова-Ростовского. Лишь благодаря усилиям частных лиц удалось сберечь архивы Дягилева и киностудии "Альбатрос". И не французское государство, а благородные подвижники создали Дом-Музей Тургенева в Буживале, а также Музей русской живописи в изгнании, открытый в пригороде Парижа профессором-славистом и коллекционером Рене Герра.

Долгие годы во Франции отказывались верить свидетельствам "белых" о реальной ситуации в СССР. Но те факты, что французы открывают для себя якобы только сейчас, на самом деле были известны давным-давно благодаря источникам информации, которыми располагали журналисты и политические деятели из эмигрантской среды.

Сегодня эпоха коллективной амнезии, кажется, подошла к концу: появление многочисленных исследований, целый ряд недавних выставок, посвященных русскому искусству, творимому в изгнании, говорят о пробуждении интереса к различным аспектам русского присутствия во Франции. Настоящими культурными событиями стали выставки "Русские в Париже в XIX веке" в музее Карнавале (1996), "Пушкин в гостях у Бальзака" (1997), выставки Марка Шагала, Ивана Пуни, Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова, Ханы Орловой, целый ряд выставок русского искусства в изгнании, состоявшихся в частных галереях, а также выставки из собрания Рене Герра.*

---

*Выставки из собрания Рене Герра, состоявшиеся в последние годы во Франции:

"Николай Калмаков. Ангел бездны (1873-1955) и художники "Мира искусства". Париж, Музей-галерея Сейта, 1986. (Автор каталога Рене Герра);

"Сергей Шаршун. К 100-летию со дня рождения". Париж, Галерея Банни Гюйон-Лаффай, 1988;

"Русское искусство в изгнании в Париже. 1920-1970". Париж, Сенат, Люксембургский дворец, 1995.(Автор предисловия к каталогу выставки Анри Труайя);

"Изгнание. Русская живопись во Франции.1920-1970". Из собрания Рене Герра. Ницца, Музей современного искусства, 1995. (Авторы каталога: Анри Труайя, Дмитрий Лихачев, Дмитрий Сарабьянов, Олег Цингер, Сергей Голлербах, Рене Герра);

"Образы Пушкина в творчестве русских художников-эмигрантов.1920-1970". Из собрания Рене Герра. Париж, Медиатека, 1999. (Авторы каталога: Анри Труайя, Дмитрий Лихачев, Ольга Медведкова, Франсуа Корнильо);

"Портреты изгнанников. Искусство портрета в творчестве русских художников-эмигрантов. 1920-1970". Из собрания Рене Герра. Париж, Национальный музей игральных карт, 1999. (Авторы каталога: Анри Труайя, Глеб Поспелов, Мишель Ле Гевель).

Русские художники парижской школы, на время забытые ради абстрактного искусства, снова обретают свое законное место в музейных экспозициях, а русские сезоны, проводимые в Опере или драматических театрах, заставляют вспомнить неотразимые и навсегда вошедшие в историю спектакли Дягилева. Сегодня французы получили возможность увидеть пьесы Чехова, играемые по-русски. Православное песнопение можно услышать в церквах, и на всех фестивалях звучит русская музыка в исполнении самых лучших исполнителей.

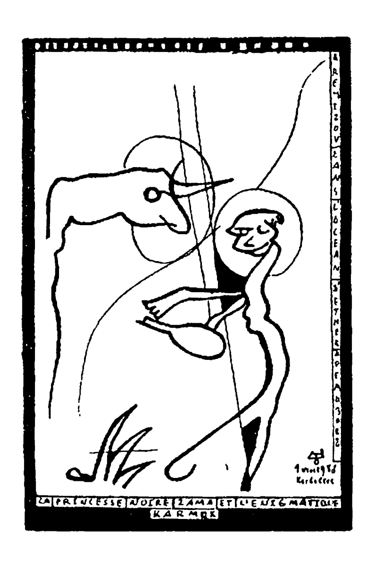
И только теперь, с большим опозданием, осознается, сколь мало Франция сделала для сохранения памяти о существовании в Париже, в период между двумя войнами, этих русских эмигрантов, о которых в коллективной памяти удержались лишь клише типа "русский белогвардеец", "бывший офицер царской армии" или "русский князь-шофер такси".

На самом же деле русский эмигрант был еще и художником и поэтом, которого можно было легко встретить на Монпарнасе, танцовщиком или хозяином отельчика на площади Пигаль, рабочим в Биянкуре или шофером такси, курсировавшим между отдельными островками этой невидимой Зарубежной России.

Монпарнас, земля обетованная...

Во Франции и на Монпарнасе я попала в настоящий рай. Жизнь была изумительная, свободная и дешевая. Мы легко переносили нашу скудную бедность.
Жили легко и где придется.

Хана Орлова

LA PRINCESSE NOIRE ZAMA ET L'ENIGMATIQUE
KARMAX

Ля Рюш и русские коммуны на перекрестке Вавена

Памятные места

Там, где бульвар Монпарнас переходит в бульвар Пор-Ройяль, в начале века находилось (и сейчас находится) скромное кафе Клозри-де-Лила. Оно прославилось благодаря еженедельным вечерам, которые с 1903 года начнет организовывать здесь поэт Поль Фор. С 1907 года завсегдатаями кафе станут критик Андре Сальмон и поэт Гийом Аполлинер, а Николай Гумилев, которого в 1921 году расстреляют большевики, в те годы встречается здесь с поэтом-символистом Жаном Мореа. Несколько лет спустя это кафе облюбует молодой политический эмигрант Илья Эренбург - он будет здесь проводить целые дни напролет и писать свои статьи и памфлеты, в том числе и высмеивающие Ленина, которого он называет "главным дворником". Свои сочинения он публику-

ет в журналах, которые сам же и редактирует. В ту пору Эренбург еще очень далек от той легенды о пламенном ленинце, которую он сам сочинит о себе в своих мемуарах, где можно прочитать, будто он приехал в Париж лишь в надежде встретиться здесь с Лениным.

Облюбовав кафе Клозри, Эренбург как бы располагается в пограничной полосе, отделяющей два совершенно чуждых друг другу мира - мир художников перекрестка Вавена и мир революционеров, который начинается за бульваром Монпарнас и охватывает XIV округ. Все слышали об улице Мари-Роз, на которой жил Ленин, любивший парк Монсури, где часто собирались эмигранты. На авеню д'Орлеан, в маленьком зданьице под номером 110, располагалась типография РСДРП, перевезенная сюда из Женевы. Под высокими деревьями во дворе "стояли три большие скамьи со спинками, на которых Ленин, Каменев и Зиновьев любили отдыхать и беседовать". Партийные собрания и съезды проходили на улице д'Алезиа или в кафе "О Манийер", рядом с Данфер-Рошро. Тургеневская библиотека располагалась несколько в стороне от центра, на Гобеленах, но студенты и политические эмигранты, пешком колесившие по всему Парижу, любили приходить туда, чтобы позаниматься и послушать лекции.

Шагал и другие

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, в Париж прибывает целая волна художников - выходцев из еврейских поселений восточной Европы - из Польши, Литвы, Украины, иногда не имевших никакого художественного образования.

В 1910 году настоящим событием становится оформленный Львом Бакстом балет "Шехеразада" (на музыку

Римского-Корсакова), поставленный в Парижской Опере. И вскоре он оформляет "Жар-птицу" на музыку Игоря Стравинского.

В том же году в Париж приезжает бывший ученик Бакста - Марк Шагал и поселяется на авеню дю Мэн, в пустующей квартире одного из своих соотечественников. Молодой художник покорен свободой и необыкновенным освещением, которыми он наслаждается в этом городе, и он никогда не устанет воспевать этот, воплощающий для него свободу Париж: он, еврей из царской России, получает здесь право стать художником! В конце того же года он снимает мастерскую в Ля Рюш, что по-французски означает "Улей". И это место вполне оправдывает свое название - здесь, как ячейки в сотах, теснятся недорогие студии, где находит приют художественная богема, съезжающаяся сюда со всего мира. Вот где искусство Шагала под влиянием французской живописи освободится от всех оков и обретет свою волшебную силу!

Ближайшие соседи Шагала по "Улью" - это поэт Мазен, чей портрет он пишет (сегодня об этом поэте ничего неизвестно), и Анатолий Луначарский, будущий народный комиссар просвещения. Молодой художник ходит в гости к поэту Максу Жакобу, издателю Канудо, художнику Фернану Леже, становится другом супружеской пары Робера и Сони Делоне (Соня была русской по происхождению), а с 1913 года начинается его дружба с Аполлинером, который посвятит множество газетных статей работам русских художников, живших в Париже. Автор "Алкоголей" еще в 1912 году в одной из статей писал о Шагале: "Шагал из России выставил золотого осла, который курит опиум... Это полотно шокировало полицию. Запретную лампочку слегка позолотили, и все было улажено". Три года спустя, отмечая, что до сего време-

6 – 1500

ни "еврейская раса еще не блистала в пластических искусствах", поэт старается привлечь внимание читателей к "работам молодого еврейского художника из России, Марка Шагала.., колориста с безграничной фантазией, которая неизменно богаче своеобычного славянского воображения, также вдохновляющего его талант". Вскоре французская публика будет воспринимать картины Шагала уже как живописное воплощение украинских повестей Гоголя и "русской души", с ее поэтичностью и безудержной фантазией.

Фернан Леже, который в 1908-1909 гг. также обитает в Ля Рюш, рассказывает в своих воспоминаниях: "Ля Рюш! Какое необыкновенное место! Помню, что там среди прочих жили четверо русских нигилистов. Я не мог понять, как они размещаются вчетвером в трехметровой конуре и каким образом всегда ухитряются держать про запас бутылку водки".

Шагал, чаще всего работающий по ночам при свете керосиновой лампы, слышит мычание коров, которых забивают по соседству - на бойнях на улице Вожирар. Два, три часа утра. Небо голубеет. Начинает светать. И тут начинают громко мычать коровы, а художнику их очень жалко.

Вспоминается картина Шагала "Я и местечко": на ней крупным планом нарисована голова коровы - прозрачная, как магический кристалл, и сквозь нее просвечивает крестьянка, которая доит корову. "Это была корова с нашего двора, у которой молоко было белое, как снег, корова, которая разговаривала с нами", - рассказывал Шагал. Сердечная и окрашенная богатым хасидским фольклором атмосфера, которая взрастила Шагала, всю жизнь будет питать творчество художника и в мифологизированных образах оживать на его полотнах.

Вскоре в Париж, в эту прославленную Мекку для ху-

дожников, друг за другом прибудут еще три соотечественника Шагала, которые пересекут всю Европу, чтобы поселиться в Ля Рюш. Это Пинхус Кремень, Михаил Кикоин и Хаим Сутин. Все трое учились в Виленской художественной школе (Вильно - нынешний Вильнюс), где и подружились. Царское правительство не давало паспортов евреям, и Кремень в 1912 году нелегально перешел русско-германскую границу. И только потому, что Кремень не попал на пароход с другими еврейскими эмигрантами, который увозил их в Америку, он в конце концов очутился на Восточном вокзале, в Париже, куда прибыл, имея при себе лишь клочок бумажки со своим будущим парижским адресом, как вспоминал позже художник: "Каким огромным кажется Париж, когда до этого видел только маленькие города и деревни! После стольких приключений, поездов и метро я наконец-то добрался до своей новой родины - Ля Рюш, этого огромного русского муравейника в пассаже Данциг".

Интернационал художников

С первых же дней парижской жизни у Кремня, этого "маленького русского бедняка", завязывается дружба с Фернаном Леже и Шагалом, его соседом по Ля Рюш, и в первую очередь - с Модильяни, который вместе с другими скульпторами работает в сите Фальгиер. Сутин, которого Кремень подбивает последовать за ним в Париж, поддается на эти уговоры и приезжает в 1913 году. Вскоре к друзьям присоединяется и Кикоин, который также станет одним из самых ярких членов парижской школы русских художников. Все три друга крайне бедствовали, но не очень страдали от своей нищеты: "В России было еще хуже", - поясняет Ж.-П.Креспель в каталоге выставки Кремня (1993). В этом же каталоге приводятся воспо-

минания и самого художника об этом времени: "Все жили очень плохо, но делились друг с другом последним куском хлеба". А в интервью, данном Ж.-М.Дро, Кремень рассказывал:

> "Да, в ту пору в Ля Рюш было много русских художников, и между нами царило настоящее братство. В те времена мы много ходили пешком, и случалось, от Ля Рюш или от Порт де Версай шли до бульвара Сен-Мишель, чтобы разыскать там товарища и занять у него франк или пятьдесят сантимов... Когда нам перепадали какие-то деньжата, мы делились со всеми соседями. Питались мы маленькими белыми булочками, запивая их чаем, как это принято у русских. От полной нищеты нас часто спасал Модильяни. Он рисовал чей-нибудь портрет, продавал его и давал нам денег. На Монпарнасе у художников был еще один друг - Либион, бывший владелец Ротонды, славный и добрый человек. Когда мы очень бедствовали, он покупал у нас картины."

Модильяни первым открыл талант Сутина и познакомил его со своим торговцем картинами Л.Зборовским. Многострадальной душе итальянца были близки русские.

В 1911 году он переживает страстную любовь с Анной Ахматовой. В память об этой страсти остались хорошо известные портреты Ахматовой, выполненные Модильяни. Однако всего несколько лет назад мир узнал, что сохранилась еще целая серия более интимных рисунков, на которых художник изобразил свою возлюбленную: их нашли в Венеции, у потомков Поля Александра, торговца картинами, который когда-то первым начал покупать у Модильяни его работы.

И уже после романа с Ахматовой другая русская, скульптор Хана Орлова, познакомит Модильяни с его будущей женой Жанной Эбютерн.

Сама Хана родилась на Украине и вместе с родителями в шестнадцатилетнем возрасте уезжает в Палестину, а с 1910 года поселяется в Париже. Школа изящных искусств была в ту пору закрыта для женщин. И Хана записывается в Русскую академию, только что основанную Марией Васильевой в доме 54 по авеню дю Мэн. Програма этой академии, вспоминает автор книги о русском авангардизме Ж.-К.Маркаде, опиралась на русскую традицию, которая сложилась в России к 1860 году: обучение шло практически бесплатно, учащиеся были самых разных национальностей, и свою цель Мария Васильева видела в том, чтобы "помочь художникам организоваться в группу единомышленников и успешно решать задачу саморазвития, тем самым полностью видоизменяя привычный характер академии, которая в большинстве случаев убивает индивидуальность." И вот Хана Орлова учится в этой академии, где нет преподавателей, где учащиеся свободно работают и развивают свои творческие способности, не подавляемые учителями и не скованные строгими правилами. Именно в стенах этой академии Фернан Леже прочитает две свои знаменитые лекции "Происхождение живописи" (1913) и "Достижения современной живописи" (1914).

В годы своего парижского бытия Хана Орлова была знакома не только с Модильяни, но и с Пикассо, Кокто, Аполлинером. Она выставлялась самостоятельно и вместе с такими художниками, как Матисс, Руо, Ван Донген.

Забегая вперед, можно сказать, что в конце 20-х годов талант Орловой признают в США, а с 1930 года она будет заниматься монументальной скульптурой в Израиле. Во время оккупации Парижа нацисты разгромят мастерскую Орловой и уничтожат около ста ее работ. В послевоенные годы Ханна Орлова будет много и плодотворно работать и ее искусство получит международное признание.

Но вернемся к началу века, когда Европа находилась на пороге первой мировой войны.

Когда грянула война...

Многие "монпарно" (как называли обитателей Монпарнаса) разъезжаются кто куда. Париж покидают немецкие художники, завсегдатаи кафе "Дом", а их друг Жюль Паскин, который оттачивал свое перо в немецком сатирическом журнале "Симплициссимус", уезжает за океан. Артур Краван, племянник Оскара Уайльда, вместе с дезертирами и "нежелательными лицами", на утлом суденышке также отплывает в Америку. В США отбывает и завсегдатай кафе "Ротонда" Лев Троцкий, выдворенный из Франции. Часть русских эмигрантов возвращается в Россию.

Немало монпарнасцев вступают в армию, в их числе - Фернан Леже, который будет отравлен газами, и Брак, чьи полотна уже выставлялись в Дрездене и Берлине - он будет ранен и, как Аполлинер, перенесет трепанацию черепа...

Русские эмигранты, не успевшие вовремя уехать на родину - а их собралось 9 000 - приходят к Дворцу Инвалидов, чтобы записаться добровольцами (4 000 из них будут приняты). Среди них - поляк Кислинг и чех Купка, которых определяют в Чешский Легион, а Осип Цадкин и уроженец Швейцарии Блез Сандрар попадают в Иностранный легион, где их ждет сущий ад. Цадкин будет отравлен газами, а Сандрар потеряет правую руку. Сутин, вступивший в Армию трудящихся, в скором времени, как и Модильяни, будет демобилизован по состоянию здоровья. Мария Васильева уезжает на фронт, чтобы работать сестрой милосердия.

Художник Мане-Кац, этот легендарный персонаж

Монпарнаса, о полной неприспособленности которого к обыденной жизни ходило множество анекдотов, окажется одним из немногих русских, кто избежит участия в этой войне. Вот как он сам рассказывал о своих приключениях в интервью Ж.-М.Дро: "В 1914 году я шел записываться добровольцем в армию. Но по дороге встретил приятеля, который спросил меня: "Ты куда идешь? - Записываться добровольцем. - Тогда давай выпьем на дорожку по стаканчику". Он угостил меня стаканчиком перно, но я же совсем не умею пить (как и сегодня) и так опьянел, что заснул тут же, в кафе. На следующий день мне уже расхотелось записываться в армию и я уехал в Россию". Позже Мане-Кац снова вернется в Париж и начало второй мировой войны встретит в униформе французской армии - в качестве часового он будет охранять Министерство Обороны и, опершись на ружье.., заснет на боевом посту.

Этот художник, родом из Полтавской губернии, после многолетних скитаний, в послевоенные годы поселится в Израиле и всегда будет оставаться верен еврейскому фольклору и библейским сюжетам. Сегодня картины Мане-Каца, которого часто сравнивали с Шагалом или противопоставляли ему, украшают многие музеи мира.

Но вернемся на Монпарнас, где жизнь продолжается, несмотря на войну. С первых же дней войны французское правительство оказывает помощь всем иностранным художникам, независимо от их национальности. По-прежнему полная энергии Мария Васильева, возвратившись в Париж, в своей мастерской организует дешевую столовую. Среди ее завсегдатаев - Пикассо, Сутин, Модильяни, Сюрваж и Эренбург, который в своих мемуарах будет потом вспоминать: "Иногда в столовой собирались вечером, пили, декламировали стихи, пророчествовали и просто кричали". Итак, кафе закрываются в де-

вять вечера, как того требует комендантский час, но как только захлопываются двери "Ротонды", где проводит дни разноплеменная богема, эта шумная братия перекочевывает в столовую Васильевой.

В фильме "Горячие часы Монпарнаса" и одноименной книге Ж.-М.Дро некоторые художники вспоминают об этом времени как о счастливой поре своей жизни. Это Пьер-Альбер Биро, Чугохару Фужита или Хана Орлова, которая признается: "Во время войны... жизнь была чудесной. Стыдно об этом говорить, но это было так. Место, где я работала, чтобы прокормиться, закрылось. Я рисовала картинки для модных журналов, когда французское правительство начало помогать художникам: нам платили двадцать пять сантимов в день и кормили обедами в столовой. Это была идеальная жизнь. Я могла день и ночь заниматься скульптурой, не заботясь о том, чтобы хоть как-то заработать на хлеб".

"Предатели Франции"...

В 1915 году Максимилиан Волошин приезжает в Париж, где днем посещает занятия в академии Коларосси, а вечерами в маленьком кафе при вокзале Монпарнас встречается со своим другом Эренбургом, который, чтобы выжить, по ночам разгружает вагоны. Волошин, для которого Париж становится второй родиной, начиная с 1900 года сотрудничает с журналами, издаваемыми символистами, и своими статьями и отчетами о вернисажах старается поддерживать культурные узы, связующие Францию и Россию. Однако в 1918 году, после подписания Россией Брестского мира, положение русских эмигрантов в Париже ухудшается. В "Путеводителе по русскому Парижу" Р. де Понфили приводит рассказ художницы Маревны (псевдоним М.Б.Воробьевой-Стебель-

ской) о характерном для того времени случае, когда на улице Вавен ее публично оскорбила рыночная торговка:

> "- Еще одна из этих грязных русских, что едят хлеб наших детей!.. Знаем мы теперь этих русских! Отъявленные негодяи! Трусы! Предатели!..
>
> И она с ненавистью ударила меня по лицу.
>
> Дама, которая шла рядом со мной, пожалела меня:
>
> - Ах, эта война! Какими плохими и злыми становятся из-за нее люди! Русские, конечно, нас бросили, но вы здесь ни при чем..."

Во время войны Виктор Серж работает в типографии на бульваре Пор-Ройяль и вечером по дороге домой заходит в кафе на Монпарнасе, где его ждет Лев Седов, сын Троцкого. Парижские рабочие, радостно приветствовавшие революцию, теперь говорят ему: "Большевики - мерзавцы, продавшиеся Германии", и "Все русские - трусы!" В своих "Мемуарах одного революционера" Виктор Серж рассказывает: "Меня чуть не убили в бистро, когда я развернул русскую газету". Несколько месяцев спустя его отправят в концлагерь, в Пресинье (департамент Сарт), где он встретится с целой группой революционеров, русских и евреев.

Позже этот пламенный революционер вернется в советскую Россию - по Балтийскому морю, через Англию, как возвращалось тогда большинство эмигрантов. Там его ждет ссылка, а после освобождения из ссылки ему вместе с семьей чудом удастся вырваться из СССР и уже навсегда покинуть родину.

"Веселое безумие Монпарнаса"

Гийом Аполлинер писал в 1913 году: "Бьюсь об заклад, что скоро на Монпарнасе появятся свои ночныересто-

раны и шансонье, как сейчас у него есть свои художники и поэты". В конце войны предсказание поэта сбывается. Квартал входит в моду, открываются все новые кафе: по соседству с "Ротондой" быстро завоевывает популярность кафе "Парнас", где выставляют картины "местные" художники и, в частности, Кремень; кафе "Хамелеон" становится излюбленным местом для русских писателей и художников "младшего поколения", которые собираются здесь, чтобы поспорить и пошуметь.

Это годы упоения свободой и собственной дерзостью. На территории между "Ротондой" и кафе "Дом" - царят непрерывный праздник и балы, организуемые различными художественными академиями: в их числе "Негритянский бал", придуманный Робером Десносом, и действа дадаистов (в 1921 году на улице Деламбр поселяется вождь дадаистов Тристан Тцара). "Монпарнас был маленьким раем вседозволенности и безудержных страстей, это было какое-то веселое безумие, которое полностью соответствовало общему настроению той поры. Мы выиграли войну, мы были уверены, что это последняя война; впереди у нас еще была вся жизнь, и мы верили, что она будет прекрасной", - вспоминал Жозеф Кессель в интервью Ж.- М.Дро.

Монпарнас превращается в место развлечений, где властвует атмосфера радостной эйфории, в которую окунаются русские художники, друг за другом возвращающиеся в свои парижские пенаты, которые они покинули из-за войны. У некоторых сохранились даже их прежние мастерские. Скульптор Вера Попова вспоминает: "В конце 1922 года я, вместе со своей подругой Ниной Лазаревой (тоже скульптором), уехала из Москвы: я узнала, что моя парижская мастерская по-прежнему числится за мной. С 1914 года она так и простояла запертой, и теперь ее собирались продать с молотка за

многолетнюю неуплату! Год спустя мы нашли работу в мастерских, где делали костюмы и декорации для балета Дягилева. У нас появилось много друзей в труппе, и за кулисами мы часто встречали Ларионова, но никогда не встречали Гончарову".*

Это еще одно свидетельство того, как антреприза Дягилева, вплоть до смерти самого Дягилева в 1929 году, помогала обрести профессиональную жизнь русским художникам, которые приезжали из России. Дягилев давал работу не только танцовщикам, хореографам, музыкантам, но и декораторам, костюмерам, столярам, сапожникам, мастерам по изготовлению париков. Пусть им даже платят здесь не так уж много, но им все же легче живется, чем другим эмигрантам. У Дягилева они получают возможность работать по своей профессии. И главное - они среди русских и участвуют в создании престижных спектаклей, о которых все говорят.

О Дягилеве уже столько написано, что трудно добавить что-то новое. Но мне хочется привести слова Алексея Ремизова, который в своей неповторимой манере и со своим особенным юмором замечательно выразил, что означали Дягилевские спектакли и вечера для всех русских эмигрантов:

> "Дягилевские вечера - память-наседка.
>
> Ставили "Свадебку" Стравинского, я ее слушал в который раз и до сих пор не могу позабыть заключительный трензель - во сне снится.
>
> После Дягилевских вечеров громко хочу говорить по-русски.
>
> "Дягилев - Стравинский - Прокофьев - Лифарь".
>
> Все стены Парижа обклеены: русская весна! И когда такое

---

*Цитируется по книге: Т а т ь я н а Л о г и н а. Пятьдесят лет в Сен-Жермен-де-Пре.

видишь, а еще больше, если посчастливится попасть в театр, скажу так: мне, при всем сознании своей ненужности, мечтающему лишь бы как-нибудь пройти сторонкой и совсем незаметно, вдруг становится чего-то гордо, и я иду крепко, не хоронясь, и если в метро, не растерянно, а как полагается всякому, прежде чем углубляться, рассматриваю и замечаю направление, чтобы туда попасть, куда нужно, а не в другую сторону ехать, а по утру из булочной с "фиселью", такой длинный и узкий хлеб-палка, несу не горбясь, человеком по роду и кости - русский."

Нужно сказать, что судьбе русских эмигрантов, которые работали на Дягилева, могли позавидовать бывшие офицеры Белой армии, которые вынуждены были вербоваться чернорабочими на заводы в Крезо или Биянкуре, или молодые поэты и прозаики, которые только вечером могли взяться за перо - после тяжелого рабочего дня на заводском конвейере или в мастерской. Эти писатели по сей день не известны Франции.

Далеко не все они известны и России, где только с началом перестройки стали открывать таких писателей, как Владимир Набоков, Нина Берберова, Владислав Ходасевич и другие значительные фигуры Русского зарубежья. Но произведения стольких авторов, рассеянные по миру в виде рукописей или только частично опубликованные в русских довоенных журналах, еще ждут своего открытия!

Русские балы

"С Кавказских гор на Монпарнасский холм..."

В 1921 году в Париж из Грузии прибывает Илья Зданевич или Ильязд, возглавлявший в Тифлисе футуристиче-

скую группу и издательство под названием "41°". Он останавливается у своих друзей Натальи Гончаровой и Михаила Ларионова. Интеллектуальная жизнь Парижа разочаровывает этого молодого тифлисца: "Столь сильно притягивавшая меня художественная среда - немощна и бесцветна. Модернизм в искусстве, за который я сражался всю жизнь, переродился в новый академизм, в сухое искусство для себя. Здесь нет ни свежих людей, ни новых идей", - пишет он в те годы. Особенно разочаровывают его дадаисты, о которых Зданевич скажет, что они "разрушают, в то время, как "41°" созидает". Сам он опекает две группы молодых русских художников и поэтов Монпарнаса - Палату поэтов, возглавляемую Александром Гингером, и литературно-артистической кружок "Гатарапак". Обе эти группы собираются в кафе "Хамелеон", в доме 46, по бульвару Монпарнас, в этом "простом кабачке на углу Кампань Премьер, где за пиво брали всего несколько су и где можно было петь, танцевать, устраивать литературные вечера и чувствовать себя, как дома", - так описывает это кафе Андрей Седых в своих воспоминаниях "Далекие, близкие".

Став секретарем Союза русских художников, Зданевич, чтобы пополнить его финансы, вместе с Ларионовым и Гончаровой, организует незабываемые балы, которые навсегда войдут в историю. Череду этих балов откроет костюмированный "Большой травести-трансментальный бал художников", посвященный поэтической концепции Хлебникова и Крученых. В числе аттракционов, призванных поразить собравшихся - "человеческий эмбрион с четырьмя головами", "избрание королевы красоты среди бородатых женщин", "трансатлантическая компания карманников" Робера Делоне. Через год последует "Банальный бал", на котором гостям будут демонстрировать живую картину Ильязда "Триумф кубиз-

ма", а затем - "Олимпийский бал", во время которого Тристан Тцара представит "Спектакль на лестнице". Ну, а знаменитый "Бал Большой Медведицы", организованный в 1925 году в честь Международной выставки декоративных искусств, привлечет уже не только самый цвет русского, но и французского авангарда.

Параллельно с подобной деятельностью, в которой получает конкретное воплощение теория "синтеза искусств", столь дорогая авангарду, Зданевич создает группу "Через", призванную оживить контакты с советской Россией. Во время пребывания в Париже Маяковского группа "Через" устраивает в его честь банкет и в 1923-1924 гг. организует еще целую серию поэтических вечеров, которые проходят в "Кафе де Пор-Ройяль", на авеню де л'Обсерватуар. Особенно успешно прошел вечер, посвященный молодому поэту Борису Божневу: свое стихотворение прислал Элюар, а среди пожаловавших самолично французских поэтов были Реверди, Рибмон-Дессень, Супо, Тцара, Дерме. Сколько русских художников из тех, что скромно участвовали в этих вечерах, сами вскоре станут знаменитыми! Ланской, Пуни, Терешкович, Цадкин, Соня Делоне, Сюрваж, С.Фера (Сергей Ястребцов, кузен баронессы Эттинген, у которой был свой салон на бульваре Распай)...

Прибывший в 1924 году скульптор Наум Габо привнесет в парижскую среду теорию конструктивизма, к которому в то время склоняется и Зданевич - после провала организованного им "Вечера Бородатого сердца". Как известно, этот вечер сорвали сюрреалисты, и страсти так накалились, что Андре Бретон даже сломал своей тростью руку поэту Пьеру де Массо. Молодая танцовщица Лизика Кодреану должна была в танце воплощать заумную поэму Зданевича, которую он сам декламировал. Как вспоминают очевидцы, автор, стараясь подчеркнуть

некоторые гласные, сопровождал свое чтение мощными ударами трости по полу, а трость была огромная и очень походила на посох, с которым изображают Бальзака на карикатурах. Это выступление "поэта с Кавказских гор" вызовет бурное веселье в зале и закончится общей суто-локой и даже потасовкой.

Возвращение к порядку

Убитый провалом этого вечера, Ильязд пишет: "Наша память надолго сохранит воспоминание об этой поре самоутверждения, наивных надежд, безрассудства, молодости и борьбы, мы долго будем помнить эти празднества, эти всевозможные затеи, эту игру ума и напрасные начинания".

Эпоха завершается, дух дада умер. Отсутствие большого интереса к Международной выставке декоративных искусств подтверждает, что французская публика искусству авангарда предпочитает "русский фольклор", царящий на парижской сцене, в кино, картинных галереях и кабаре. Александра Родченко, создавшего свою работу под названием "Рабочий клуб" для выставки в Гран Пале, удручает общий уровень художественной продукции: "Я посетил также Салон независимых, - пишет он. - Как все незначительно и бездарно. Французы явно выдыхаются... После Пикассо, Брака и Леже - ничего, одна пустота..."

В самой России власть всерьез "берется" за абстракционизм, который "слишком далек от народа", и призывает конструктивистов служить практическим целям - в области дизайна, производстве тканей, рекламе.

Свободные от подобного диктата русские художники, живущие во Франции, также ищут новую стилистику и новые ориентиры. Трое друзей из Вильно выбира-

ют экспрессионизм: у Сутина он обретает более жесткие формы, чем у тяготеющих к лиричности Кремня и Кикоина. Пуни, который был ярым авангардистом в молодости, отвергает конструктивизм, Пикассо возвращается к фигуративному искусству. В исканиях современного искусства наступает передышка. Ильязд увлекается сочинением экспериментальных романов, книжной графикой и книгоиздательством. Возродив традицию оформления книги большими художниками, он будет издавать книги, иллюстрированные лучшими живописцами того времени: Пикассо, Шагалом, Браком, Миро, Матиссом, Леже, Сюрважем, и создаст подлинные шедевры полиграфического искусства. Французских художников он будет приглашать для иллюстрирования русских книг, а сам графически оформит ряд книг французских авторов, в частности "Поэму прозрения" Поля Элюара.

Тем временем, в 1927 году, конструктивизм вырывается на парижскую сцену. И происходит это благодаря антрепризе Дягилева, который продолжает удивлять парижан и приглашает братьев-скульпторов Натана Певзнера и Наума Габо (уже известного под этим псевдонимом) оформить балет "Кошка" на музыку Анри Соге (по мнению Сергея Лифаря - самого современного и самого "баланчинского" балета), а художнику Георгию Якулову поручает сценографию балета "Стальной скок", поставленного Леонидом Мясиным на музыку Прокофьева.

Несколько ранее, в 1924 году, критик В. Жорж в предисловии к каталогу выставки Певзнера и Габо, позволил себе противопоставить эмигрантской России "новую Россию - Россию, которую Франция игнорирует и которую предают эмигранты, потрафляя вкусам праздной публики, жадной до экзотики, местному колориту, народному стилю". Но подобные критики намеренно за-

крывают глаза или не подозревают, что защищаемая ими "новая Россия" гневно осуждает то самое искусство, которое с ней отождествляют.

Ноев ковчег русской культуры

На перекрестке Монпарнаса

Год 1924 - дата историческая. В этом году Франция признает СССР. И одновременно несколько приоткрываются границы - для новой волны эмигрантов, в том числе и первых "нэпманов", которые чаще всего пробираются в Париж через Берлин.

Иван Пуни и его жена Ксения Богуславская еще в 1919 году бежали из России через Финляндию. Два года спустя они перебрались в столицу Германии, где первые годы Пуни много работает и создает беспредметные полотна, а уже в 1923 году публикует книгу, где критикует беспредметное искусство. В том же, 1923 году, супруги переселяются в Париж.

В это время еще не все до конца определились, на чьей они стороне. Алексей Толстой в 1923 году возвращается в СССР. Позже вернутся художник Иван Билибин и композитор Сергей Прокофьев. А Федор Шаляпин, как известно, предпочтет жизнь в эмиграции. Маяковский в эти годы часто бывает в Париже, выступая в роли "посла страны Советов", и останавливается в отеле "Истрия", на улице Кампань-Премьер.

В 1924 году целая группа молодых художников после двух лет, проведенных в Берлине, где благодаря инфляции и заботам германских властей иностранным художникам жилось совсем неплохо, тоже перекочевывает на берега Сены. Среди них - Константин Терешкович, который спу-

стя несколько лет станет любимцем "всего Парижа", и его друг Борис Поплавский, будущий идеолог Монпарнаса, в чьих поэтических образах можно угадать его первоначальную увлеченность живописью.

Знаменитый художник и сценограф Александр Бенуа, которого музей Эрмитаж командирует в 1926 году в Париж, не вернется на родину и навсегда останется во Франции. Он оформит десятки спектаклей для французских театров и антрепризы Дягилева, но многим французам он в первую очередь запомнится как сценограф обошедшего многие сцены мира балета "Петрушка" на музыку Стравинского (хореография Михаила Фокина).

Начиная с этого времени пути и судьбы различных представителей русской культурной элиты - и ранее покинувших родину беженцев, и уже советских граждан - непременно пересекаются на Монпарнасе. Но жизнь на чужбине не сгладит существующие между ними разногласия, и некоторые писатели-эмигранты будут наотрез отказываться от общения с такими "бывшими", как Иван Бунин, "славой русской эмиграции", который в 1933 году первым из русских писателей станет нобелевским лауреатом.

В 1924 году Николай Бердяев, основатель Религиозно-философской академии, в числе других русских эмигрантов, покидает Берлин и переселяется в Париж. Два года спустя Русское Студенческое Христианское движение по его инициативе обретет пристанище в доме 10 по бульвару Монпарнас, который принадлежал издательству YMCA и граничил с другим миром - XV округом, уже колонизованном русскими. Здесь найдет приют Религиозно-философская академия, благодаря которой состоятся первые экуменические контакты и встречи между представителями русского православия и французскими католиками и протестантами. Собеседниками с фран-

цузской стороны выступают отец Жиле, отец Лабертоньер, Жак Маритен, чья жена Раиса была русской, а со стороны русских - Сергей Булгаков, философ Николай Лосский и, конечно, сам Николай Бердяев. В этом же здании с 1921 года располагается заочное отделение Русского высшего технического института, где смогут получить образование многие молодые эмигранты. Здесь находятся и различные культурные центры русской диаспоры.

Пламенный полемист, Бердяев шокирует консервативно-настроенную часть эмиграции, отстаивая прогрессивное христианство, противопоставляя его буржуазным материалистическим ценностям и коммунизму, который душит творческую мысль и индивидуальную свободу. Близкий к французским персоналистским кругам, Николай Бердяев - единственный из русских мыслителей, кому удается приобрести на Западе широкое признание, что подтверждает и успех его сочинений "Новое средневековье" и "Источники и смысл русского коммунизма". Этот философ окажет определенное влияние и на молодое поколение русских эмигрантов, задумывающихся об ответственности интеллигенции за ту трагедию, которой обернулась революция в России, и о собственной роли в Зарубежной России.

Два Монпарнаса

Каждую из сторон бульвара Монпарнас облюбовывают разные группы молодой русской богемы, вступающие в диалог друг с другом. Художники вместе с поэтами собираются в кафе "Ля Боле" (что означает "Чаша"), расположенном в пассаже с поэтическим названием Л'Ирондель ("Ласточка"), поблизости от площади Сен-Мишель. Это старое кафе, возникшее на месте таверны, в которой, по легенде, бывал Франсуа

Вийон, каждую субботу заполняют молодые русские поэты самых разных школ и направлений, объединившиеся вокруг Цеха поэтов. Они читают здесь по очереди свои стихи и выслушивают критические суждения собравшихся. Молодежь опьяняет царящая здесь анархия и возможность свободно самовыражаться. Иногда сюда заглядывают и "старшие писатели", чаще всего Георгий Адамович и Георгий Иванов, и принимают участие в этих поэтических собраниях, которые проходят здесь регулярно с 1920 по 1925 год. Созданный к этому времени Союз молодых поэтов и писателей начнет организовывать на улице Данфер-Рошро литературные и поэтические вечера, которые будут собирать широкую публику, и популярность кафе "Ля Боле" пойдет на спад, уступая место "Ротонде".

Писатель Андрей Седых будет позже вспоминать: "Мы бродили целыми днями по Парижу в поисках работы, а по вечерам собирались в "Ротонде", тогда еще грязном, полутемном и дешевом кафе. "Ротонда" была нашим убежищем, клубом и калейдоскопом. Весь мир проходил мимо, и мир этот можно было рассматривать, спокойно размешивая в стакане двадцатисентовое кофе с молоком.

Летом мы сидели под открытым небом, за мраморными столиками, расставленными прямо на тротуаре. Осенью и зимой холод загонял нас внутрь. Было тесно, накурено, но от громадной чугунной печки, стоявшей посреди зала, веяло жаром. Кто только не отогревал свои озябшие руки у этой печки!" Поздно ночью приходил больной Сутин, у которого в то время еще никто не хотел покупать картины. Приходили Билибин, Ларионов, Яковлев, Грановский, Мане-Кац... Каждую ночь захаживал сюда и Пикассо.

Большая часть недавно обосновавшихся в Париже русских эмигрантов ночует в нищенских отельных номе-

рах на Гобеленах, а питается в столовой для студентов на улице де Валанс. Все остальное время они проводят в Тургеневской библиотеке и в "Ротонде". "Я не участвую, не существую в мире,/Живу в кафе, как пьяницы живут", - пишет в ту пору Борис Поплавский.

Безнадежное отчаяние и нищета эмигрантов резко контрастируют с атмосферой непрерывного праздника, которая царит вокруг них: уже упоминавшееся кафе "Хамелеон", где на первых порах собиралась Палата поэтов, в 1923 году становится ночным рестораном, где посетителей очаровывает королева Монпарнаса Кики, любимейшая модель стольких художников и муза Ман Рэя.

А настроение нищей и никому не нужной эмиграции доносит до нас написанное в то время стихотворение крупнейшего русского поэта Владислава Ходасевича "Окна на двор":

Несчастный дурак в колодце двора
Причитает сегодня с утра,
И лишнего нет у меня башмака,
Чтобы бросить его в дурака.

Кастрюли, тарелки, пьянино гремят,
Баюкают няньки крикливых ребят.
С улыбкой сидит у окошка глухой,
Зачарован своей тишиной.

Курносый актер перед пыльным трюмо
Целует портреты и пишет письмо, -
И, честно гонясь за правдивой игрой,
В шестнадцатый раз умирает герой.

Небритый старик, отодвинув кровать,
Забивает старательно гвоздь,

Но сегодня успеет ему помешать
Идущий по улице гость.

Рабочий лежит на постели в цветах.
Очки на столе, медяки на глазах.
Подвязана челюсть, к ладони ладонь.
Сегодня в лед, а завтра в огонь.

Вода запищала в стене глубоко:
Должно быть, по трубам бежать нелегко,
Всегда в тесноте и всегда в темноте,
В такой темноте и в такой тесноте!

Нина Берберова, спутница жизни Ходасевича, в своих мемуарах пишет, что как раз в ту пору он подумывал о самоубийстве: "Ходасевич ...уже знал, что его имя было в числе других в списке высланных в 1922 году из России писателей и профессоров - нескольких сот человек.., и понимал, что не только возврата быть не может, но что скоро нельзя будет даже и печататься в русских изданиях... Первый сквозняк страха подул над нами и приучил очень скоро ниоткуда не ждать "сладкого кусочка".

Схожую драму одновременно с Ходасевичем переживают многие русские писатели. Чтобы выжить, им приходится соглашаться на любую работу. А те, кто находят в себе мужество заниматься творчеством, пишут лишь для узкого круга собратьев по перу и друзей. Особенно тяжело приходится молодым поэтам и прозаикам, и они первыми впадают в отчаяние. Трагическая судьба Ивана Болдырева поистине символична для этого поколения.

Иван Болдырев (настоящее имя Иван Андреевич Шкотт) был потомком хорошо известного в Москве "старого Джеймса Шкотта", который приехал когда-то из Англии, чтобы "распахать всю русскую землю усовершенство-

ванными орудиями и научить русских детей английскому языку". Его сын Александр женился на тетке Лескова, и род Шкоттов породнился с родом писателя Лескова. Вот какая славная родословная была у Ивана Болдырева!

Еще студентом, в 1923 году, он был арестован в Москве за "антибольшевистскую пропаганду" и сослан в Сибирь, в Нарымский край. Ему удается оттуда убежать, и, проблуждав несколько месяцев пешком, он пересекает границу и оказывается в Польше. Там его снова арестовывают. Выйдя на свободу, Болдырев пробирается в восточную часть Франции и устраивается там на работу простым рабочим. В 1930 году он переезжает в Париж, чтобы учиться в Русской технической школе на Монпарнасе. Постоянной работы он найти не может и по ночам работает сторожем, а днем дает уроки русского языка и математики, мастерит безделушки. Наконец, Болдырев нанимается на металлургический завод в Коломбеле, в Нормандии. Там его ждет каторжная жизнь: работа по восемь часов на сквозняке или под дождем, а после работы - комната-казарма на четырнадцать человек, где он урывками пишет свои книги. Но здоровье у него уже полностью подорвано, и ему угрожает глухота. Его мучает страх - превратиться в инвалида и оказаться в приюте для бездомных. Отчаяние толкает его на самоубийство. Иван Болдырев принимает веронал и после длительных мучений умирает. Ему исполнилось всего тридцать лет.

После него остались замечательные произведения, по большей части неопубликованные и по сей день.

Вот что писал после смерти Болдырева его друг Алексей Михайлович Ремизов:

> "Жизнь Шкотта за эти шесть лет с нашей встречи - круг напряженнейших дум, суровый литературный путь, тяжелая физическая работа и тяжкий недуг.

"А ведь и самому упорному надо какую-то передышку! ну, просто выспаться, переменить место, - тогда и в самом тягчайшем недуге освеженные силы дадут надежду!" Это я сам с собой - не могу примириться, чтобы взять так - и кончить бесповоротно.[...]

В памяти о человеке всегда остается, хотя бы и последняя мелочь, но что особенно тронет и станет незабвенным: это тогда, еще в первое знакомство на Пасху принес Шкотт маленькую ветку сирени, и веткой-то нельзя назвать, а так, лопасток какой-то от ветки с белыми звездочками-цветами, ветку, из которой - и я вспомнил, как однажды в Петербурге, тоже на Пасху прислали нам "добрые люди" корзину с ландышами - "прямо из Ниццы" - и стоила она шестьдесят рублей, как объяснил посланный, а потом, уже в Париже я не раз видел такие корзины - удивительно свежие ландыши! - но никогда я не видел и только однажды такую ветку, из которой - "глядела бедность", и перед ее болью в вихре моих мыслей и глуби моих чувств осветился стол, комната, villa Flore, avenue Mozart - весь Париж. [...]

В ваших странствиях, Иван Андреевич, дорога привела вас на villa Flore, в мой мир "по карнизам", мир "слова", вы ступили на трудный путь "слова". Но слово - "слово без денег, будь оно самым раскаленным, оно бескровно, ничего!" - и что я мог и что я могу сделать для устройства литературных дел? - ничего. А моя работа - впрочем, разве я могу удивить и самой беспощадной требовательностью - вы такого крепкого корня: вам напролом и упор - наследственная стихия.[...]

Умный, а это большая редкость, начитанный, и это не часто, не пустой человек и не легкий - ответственный, и без этой "шутливой беззаботности", хорошо читал и хорошо смеялся... и большой искусник - делал тонкие миньятюры на слоновой кости и решал головоломные задачи, он добился бы своего и стал бы в литературной работе мастер.[...]

С кладбища нас вез товарищ Шкотта дальними путями, но дорога не показалась утомительной: говорили о Шкотте и

его судьбе - невеселое решали - и какой это холод и черствость - круг человеческой доли - на глазах погиб человек! - и со словами руки у меня горели..."

Как выжить вдали от родины

Именно так стоит вопрос для литературной эмиграции. Да, как выжить писателям и как должна развиваться русская литература и поэзия парижской школы вдали от родины - об этом ведут спор поэты и литературные критики Георгий Адамович и Владислав Ходасевич. В то время как Ходасевич призывает писать стихи, соблюдая классическую метрику, Адамович больше ценит непосредственность интимной лирики и свободу от диктата формы. Вырабатывая в процессе этих споров свою позицию, новая русская литература усваивает также уроки Пруста, Джойса и сюрреализма, сохраняя при этом верность наследию Достоевского и Лермонтова - любимого поэта "парнасцев". В этом она отличается от остальной эмиграции, которая самозабвенно предается культивированию только одного национального поэта - Пушкина. Эта новая литература отвергает вымысел в пользу свидетельства о времени и о себе - литература должна стать документом, запечатлевающим историю души, а писательское перо - передавать внутренний монолог художника.

Такую манеру письма русская эмигрантка Натали Саррот наглядно демонстрирует в своей прозе той поры, рассказывая о своем герое - молодом и все потерявшем эмигранте, стараясь уловить и донести до читателя малейшие нюансы его переживаний. Борис Поплавский в романе "Домой с небес" так характеризует этого героя новой эмигрантской литературы: "Это голый человек, вырванный из земли, как мандрагора". Родина этого "лишнего человека" из новой русской литературы - не Москва и не

Санкт-Петербург, а бульвар Монпарнас, который служит местом действия и для романа Николая Оцупа "Беатриче в аду", и для романов Сергея Шаршуна, и прозы Бориса Поплавского.

Эхо петербургских Религиозно-философских собраний, которые в начале века устраивали Василий Розанов и Дмитрий Мережковский, докатилось и до Монпарнаса, где русские эмигранты продолжают увлекаться идеями философа-гностика Маркиона, "открытого" в России еще в начале века. По меткому определению Владимира Варшавского, на Монпарнасе "возрождение "средневекового миросозерцания" выразилось главным образом в склонности толковать христианство в духе восточного дуализма, отрицающего мир и историю" ("Незамеченное поколение"). Увлечение маркионизмом ощущается во многих стихотворениях книги стихов Бориса Поплавского "Снежный час" и его романе "Аполлон Безобразов", где в спорах между главным героем и его оппонентом, Васенькой, выражаются два противоречивых толкования христианской религии.

На Монпарнасе сталкиваются и вступают в диалог две противоположные тенденции: одну из них представляет журнал "Новый град" Георгия Федотова, а другую - молодые писатели, объединившиеся вокруг Д.Мережковского, З.Гиппиус, Г.Адамовича. Одни из них -последователи Владимира Соловьева, верящие в возможность установления Царства Божия на земле, а вторые крайне пессимистично относятся к жизни и мирозданию. Однако этот пессимизм не мешает "младшему поколению" пользоваться привилегиями, которые дает им положение эмигрантов, и в частности - личной свободой, невозможной при тоталитарном режиме. И в кафе Монпарнаса, где идут напряженные идейные споры, воедино смешиваются разнородные элементы русской культуры: сам

воздух Монпарнаса, как вспоминают свидетели того времени, был особенным - здесь царила животворная русско-еврейская атмосфера, воспетая поэтом и прозаиком Довидом Кнутом. И действительно многие "парнасцы", которые считали себя русскими, были евреями, или грузинами, как художник Давид Какабадзе, или армянами, как драматург Артюр Адамов, или украинцами, как скульптор Александр Архипенко. И подобных примеров можно привести еще множество. Принадлежность к единой культуре, одному языку и общие духовные ценности - неприятие национализма, культ демократии и индивидуальной свободы - способствовали рождению чувства братства и солидарности, невозможных в условиях царизма и остававшихся лишь пустыми лозунгами при коммунистах. И в необыкновенном горниле Монпарнаса воедино сплавлялись славянское и еврейское начала.

У Мережковских

По воскресеньям завсегдатаи Ротонды собираются в Пасси, на улице Колонель-Бонне, в квартире Мережковских, где царит атмосфера дореволюционных петербургских салонов. Из старшего поколения писателей здесь бывают Георгий Адамович и Владимир Вейдле, поэт Николай Оцуп, философы Лев Шестов и Георгий Федотов, Илья Фондаминский, а младшее поколение, среди других, представляют Довид Кнут, Антонин Ладинский, Юрий Мандельштам, Сергей Шаршун, Борис Поплавский.

Эта квартира, которую Мережковские, часто бывая в Париже, приобрели еще до войны, кажется роскошной на фоне бедного эмигрантского бытия. К радости Мережковских, после революции поселившихся в этой

квартире, их архивы и библиотека сохранились в нетронутом виде. Хозяин дома руководит здесь идейными спорами, а Зинаида Гиппиус окружает себя молодыми поэтами, на которых упражняется в своем безжалостно-едком остроумии. Эти воскресные собрания имеют такой успех, что Мережковский решает расширить их аудиторию и организует публичные конференции. Так рождаются вечера под названием "Зеленая лампа" (окрещенные таким образом в память полутайного общества, которое посещал Пушкин), первый из которых состоится 5 февраля 1927 года. Эти собрания станут регулярными и, как известно, будут играть важную роль в культурной жизни русской диаспоры.

В кафе Монпарнаса и салоне Мережковских созревает идея начать издавать журнал, где сможет самовыражаться молодое поколение литераторов. И такой журнал (или "сборник", как его называют издатели) под названием "Числа" начинает выходить в 1931 году. Его бессменным редактором становится Николай Оцуп. Этот журнал будет публиковать преимущественно молодых авторов и положит начало литературной школе, которую позже назовут "парижской". "Числа" издаются на качественной бумаге и публикуют цветные репродукции лучших для того времени русских и французских художников. Полностью отказавшись от политики, "Числа" посвящают свои страницы литературе, произведениям молодых поэтов и прозаиков, искусству и статьям духовного и метафизического направления (исследованиям Мережковского, Шестова), здесь печатаются также статьи о современной французской литературе, отчеты о выставках и балетных премьерах, хроника культурной жизни русской диаспоры не только Парижа, но и других городов. "Числа" организуют вечера-дискуссии, которые

вызывают широкие отклики. И за короткий срок (1931-1932) сотрудники журнала проводят восемь выставок, представляя парижанам русских живописцев так называемой парижской школы (Ланского, Пуни и других), а также русских и французских писателей-художников. На этой, шестой по счету, выставке выставлены живописные и графические работы пятидесяти писателей - от Гюго и Жуковского до Ремизова и Валери. На последней, восьмой выставке под названием "Лица" рядом с русскими художниками выставляются и их парижские друзья: Модильяни, Кристиан Берар, Жюль Паскин.

Монпарнас - русский городок

1933 год. Ивану Бунину присуждают Нобелевскую премию. Это событие празднует вся русская колония, так как видит в этом признание собственной значимости.

Монпарнас той порой становится одним из настоящих центров культурной и общественной жизни Парижа: в "Таверне Дюмениль" собирается литературно-критический кружок "Кочевье", на улице Кампань-Премьер открывается Русский интимный театр Д.Н.Кировой, а на улице Бреа, в ресторане "Доминик", полуночных гостей прямо у стойки угощают сытным борщом. Владелец этого ресторана искусствовед Лев Аронсон (он же - Доминик) учреждает премию лучшим молодым художникам и театральным режиссерам. Традицию русского трактира продолжают еще два ресторана: это "Палата" и "Золотая рыбка" - кабаре с цыганами, куда молодые русские писатели ходили из верности русской поэтической традиции, как вспоминает Нина Берберова.

В кафе "Куполь" проходят неформальные франко-

русские собрания, руководимые Ильей Эренбургом, у которого, по выражению Андре Тириона, была "львиная грива", а у его жены - "лошадиный профиль". Вот как определяет свое отношение к Эренбургу этот сюрреалист, который в ту пору был пламенным коммунистом: "Я не любил Эренбурга и презирал его литературные писания. Так как он не был членом Партии, а всего лишь попутчиком, то для меня он принадлежал к самой последней категории русских, не считая обломков Белой армии".Эта оценка очень характерна для "левой" парижской интеллигенции, которая крайне негативно и недоверчиво относилась к белым эмигрантам

Трудные 30-е годы: "Собакам, кошкам и русским вход воспрещен!"

Начиная с 1927 года русским, оказавшимся по разные стороны границы, становится все труднее общаться друг с другом, так как советское посольство запрещает своим соотечественникам встречаться с "перебежчиками".

В 1929 году умирает Дягилев. И целая группа работавших у него танцовщиков, декораторов, костюмеров остаются без работы.

Год спустя в Москве стреляется Маяковский.

СССР окончательно самоизолируется от всего остального мира.

В Париже разразившийся экономический кризис и безработица больно ударяют по эмигрантам. Многие из них просто бедствуют.

Вот как рассказывает о тяготах своей семьи знаменитая балерина Нина Тихонова, которая в те годы если и танцевала в спектаклях, то по большей части бесплатно и вынуждена была вязанием зарабатывать себе на хлеб:

"Наша семья оказалась тогда в катастрофическом положении. За квартиру платить нечем. Когда иссякал кредит в лавочке, мы питались кофе с хлебом. Таких, как мы, русских эмигрантов, в пятнадцатом округе Парижа было немало, и конца этому положению не предвиделось. На дверях в различные здания появились таблички: "Собакам, кошкам и русским вход воспрещен!" [...]

Той же осенью нас выселили из квартиры за неуплату. Больной брат находился в деревне, куда мы с большим трудом его все же отправили. Лечить его было не на что, да и лечения туберкулеза тогда фактически не существовало, кроме недоступных санаториев. Мы с бабушкой перебрались в мансарду для прислуги, одолженную мне приятелями. Мама служила продавщицей в русской лавке Федора Шайкевича. Ее вознаграждение заключалось главным образом в остатках из магазина, и мы питались черствыми пирожками и слегка прокисшим салатом оливье, каждый день мечтая о том, чтобы их оставалось побольше.

Между репетициями некому было помочь рассовывать по знакомым то, что оставалось в квартире, за исключением мебели, описанной за долги. Не могу вспомнить без содрогания, в частности, бесчисленные мешки с книгами. Из сохранившихся писем к брату видно, что я не теряла все же чувства юмора - он у нас был в большом обиходе, особенно в невеселых положениях".

Как видим, эмигрантов спасало не только мужество, но и чувство юмора.

"И все-таки нужно было как-то выживать во Франции в это десятилетие 1930-1940, - пишет Жан-Морис де Монреми, комментируя воспоминания об этой поре Элен Каррер д'Анкос. - Отец Элен, доктор философии князь Зурабишвили, не может найти работы. Ему придется осваивать несколько совсем непривычных для него профессий, в том числе побывать и в роли вошедшего в легенду

русского шофера такси, прежде чем он найдет, наконец, должность переводчика корреспонденции у торговца зерном. А знавшая иностранные языки мать Элен, чтобы свести концы с концами, подрабатывает секретарем."

В 1935 году Алексей Толстой, прибывший в Париж из СССР, где он превратился в "красного буржуа", прогуливается по Монпарнасу и записывает, что не встретил здесь ни одного живого существа и что радость жизни здесь угасла..

Однако в 1937 году русским художникам выпадет счастье еще раз поработать вместе: готовясь к предстоящей Всемирной выставки, премьер-министр Леон Блюм поручает супругам Делоне празднично оформить Дворец железных дорог и Дворец авиационной промышленности при условии, что они наймут пятьдесят безработных художников. И вот, в течение двух месяцев, в марте и апреле, художники (среди которых Сюрваж, Мария Васильева и другие) живут и работают в огромном гараже бездействующего из-за кризиса порта Шамперре, возрождая предвоенную атмосферу "Улья" с его маленькими мастерскими. Здесь они выполняют огромные полотна, которые должны восприниматься как радостный гимн современному человеку.

Закат русского Монпарнаса

Потом началась война. Об этой черной поре Нина Берберова пишет в своих мемуарах:

> "Парижу не идет "быть пусту". Париж должен пульсировать, мигать огнями, греметь, дышать. В Петербурге на Васильевском острове на Среднем проспекте в 1921 году паслась коза. Но здесь коз нет, а есть только широкие жилы улиц, одинокий полицейский на перекрестке, закрытые лав-

ки, молчание. Я проезжаю на велосипеде "мимо зданий, где мы когда-то танцевали, пили вино." И читали друг другу стихи, и говорили о стихах. Юрий Мандельштам арестован, Фельзен арестован, Раиса Блох и Михаил Горлин исчезли, погибли; Мочульский болен туберкулезом; Адамович, Софиев (потерявший жену) на фронте; Кнут и Оцуп ушли в Сопротивление; Ладинский, Раевский прячутся; Галя Кузнецова на юге, бедствует в "свободной зоне"; Божнев в больнице для нервнобольных; о Штейгере давно никто не слыхал; Присманова и Гингер живут и надеются на чудо.[...]

"По дорогим могилам". Ходила по монпарнасским кафе, где десять или пятнадцать лет тому назад (и пять лет) можно было видеть людей от Эренбурга и Савича до Бунина и Федотова. Теперь - ни одного знакомого лица, ни одной тени. Словно гуляю по Парижу в 2000 году".

За несколько лет до этого на рваных простынях умер нищий Ходасевич, у которого не было денег на лекарства и докторов.

Еще раньше в пригороде Парижа от эмболии умер красавец-поэт Владимир Диксон. Ему было всего двадцать девять лет. Еще одна уникальная личность и еще одна трагическая судьба. Он родился в России (мать его была русской, а отец - американцем), учился в США и получил в Гарварде степень магистра, но предпочел разделить судьбу потерявших родину русских изгнанников и в своих предсмертных стихах писал:

Что на дорогу могу сказать?
....
Прошу прощенья у оскорбленных
У всех обиженных, раненых мной
Прошу прощенья у далей зеленых
У далей снежных земли родной.

8 – 1500

Самоубийство Ивана Болдырева. Смерть при загадочных обстоятельствах "царевича Монпарнаса" Бориса Поплавского, который, как всем было ясно, сам искал гибели...

Движимые любовью к Франции и свободе, многие из бывших завсегдатаев "Ротонды" добровольцами вступают во французскую армию. Среди добровольцев - уже вышедший из призывного возраста декадентствующий эстет Георгий Адамович, которого определяют в Иностранный легион.

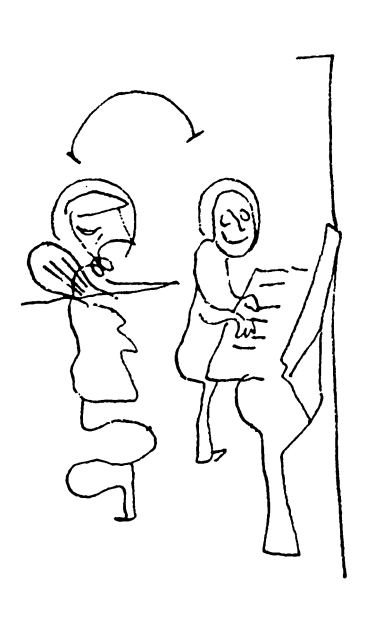
Сотрудники парижского Музея Человека Борис Вильде и Анатолий Левицкий, организовавшие одну из первых групп французского Сопротивления, расстреляны нацистами в 1942 году.

Владимир Набоков, которому удастся из Парижа уехать в США, скажет, что стало "на русском Парнасе темно".

Пигаль:
мода на русских

Пигаль, заброшенный уголок света, порт без причала для сбившихся с дороги и неприкаянных душ, неуютное убежище для страдальцев, несущее исцеление лишь тем, кого веселит алкоголь и возбуждает кокаин, мираж натужной радости, исчезающий с первыми лучами солнца.

Ж.Кессель "Княжеские ночи"

Цыганский табор посреди Парижа

Смех сквозь слезы

На Пигаль, в "священном треугольнике", расположенном между "Кавказским погребком", "Яром" и "Тройкой", день и ночь разыгрывается свой уличный спектакль: "На каждом шагу там можно было наткнуться на казаков, охранявших вход в кабаре; певцы или танцовщики, разодетые в шелка и бархат, во время антрактов выходили на улицу и заглядывали в соседние бары и кафе. Светлоглазые и бледнокожие женщины, наряженные в яркое тряпье, беспричинно плакали или хохотали. Князья пьянствовали в обнимку с конокрадами. И все это повторялось из ночи в ночь", - так описывает Жозеф Кессель этот прилепившийся к Монмартру мирок в книге "Княжеские ночи".

Вслед за Кесселем, который был русским и вывел себя в книге под именем Стефана, эту цыганскую стихию, ныне сохранившуюся лишь в воспоминаниях, по-

старается воскресить и болгарский певец варьете Константин Казанский. Не выдержав бюрократического диктата, которому он подвергался на родине, он в 1971 году покидает Болгарию и зарабатывает на жизнь тем, что поет в русских кабаре Парижа. Здесь еще поют последние настоящие цыгане. Благодаря этим старым цыганам Казанский открывает для себя совершенно неизвестный ему и к тому времени уже забытый стиль исполнения цыганских песен: "Я слушал пение этой женщины как завороженный. Она опрокидывала все привычные представления о том, как следует петь. Она жевала слова, проглатывала целые слоги, но ее хриплый голос доходил до самого сердца - нужно было только открыться ей навстречу. На лице ее при этом было написано нескрываемое презрение ко всем и вся. Но пела она великолепно. И описать это просто невозможно". С этого дня Казанский начинает увлеченно изучать историю цыган и напишет книгу "Русское кабаре", которая выйдет в Париже в 1978 году.

Первый ансамбль, образованный странствующими музыкантами из Молдавии, получил известность еще в XIX столетии. Он принадлежал графу Орлову. Вскоре уже ни одно праздничное застолье не будет обходиться без цыган. Цыганская музыка, цыганская песня замечательно передают безграничную тоску, удаль и смятение, свойственные "русской душе". В 1884 году французский журналист Виктор Тиссо совершает путешествие по России и по возвращении публикует книгу, в которой рассказывает о вечере, проведенном в цыганском трактире "Стрельна", который соперничал с "Яром": "Цыганки по очереди исполняли протяжные и меланхоличные русские песни, напоминавшие жалобы ветра в дремучих хвойных лесах, или цыганские песни, исполненные безумной удали и первобытной страсти. У этих песен, родившихся в табо-

рах, странные и причудливые мелодии. Они не подчиняются никаким музыкальным требованиям и законам. Но они обладают неистовой силой, способной пробудить русского от его оцепенения и развеселить ему душу, как водка, которая развязывает ему язык!" И в заключение Тиссо не может удержаться от привычных для иностранцев восклицаний: "Удивительная земля, страна реальности и грез, страна контрастов и загадок!"

После 1917 года большинство цыган останется в России. Впоследствии, при Сталине, их подвергнут притеснениям. Вместе с белыми Россию покинут главным образом представители знаменитых музыкальных династий: Соколовы, Поляковы, Панины, Массальские; и артисты, не пожелавшие разлучаться со своими покровителями: среди них протеже князя Юсупова Ница Кодолбан, который играл для императрицы в Царском Селе, Юрий Морфесси, услаждавший своим искусством Николая II на яхте "Полярная звезда". Как и для многих других беженцев, покидавших Россию после революции, путь их лежал через Одессу, Севастополь, Константинополь, Берлин и, наконец, Париж.

В январе 1921 года русская эмигрантская ежедневная газета П.Милюкова "Последние новости" приглашает своих читателей на концерт русской и цыганской музыки в отель "Мажестик" на авеню Клебер, где в последующие годы будут происходить значительные политические и культурные события русской диаспоры. Несколько месяцев спустя в этом же зале состоится первый концерт возрожденного цыганского хора. А 22 октября 1922 года в доме 4 по улице Пигаль откроется первое в Париже "русское кабаре". Этот квартал, где в доме Виардо провел последние годы жизни Тургенев, в начале века славился своей "биржей натурщиц", на которую непременно захаживали художники, бывая в соседних кабаре на бульваре Клиши и улице Пигаль. Кабаре "Мулен де ла Галетт", ко-

торое обессмертил Тулуз-Лотрек, кабаре "Табарен", открытое в 1904 году на улице Виктор-Массе, и "Мулен-Руж" на площади Бланш манили к себе публику, жадную до развлечений. И было немыслимой дерзостью вознамериться открыть "иностранное" заведение на территории, где царил френч-канкан.

Более русский, чем настоящий русский

Но невозможное свершилось - благодаря Варонису, владельцу "Кавказского дворца", который решил сыграть на новом увлечении парижан экзотикой и, воссоздав "классический русский трактир", завлекает посетителей еще и "типичным" для русского ресторана представлением. В его трехэтажном заведении выступают великая Настя Полякова вместе с цыганским хором и Ница Кодолбан с оркестром, а кавказские танцоры поражают воображение парижан, выплясывая перед ними никогда еще не виданную здесь лезгинку. На третьем этаже располагается бар, где по желанию клиентов перед ними за отдельную плату выступают полюбившиеся им артисты. Это - успех.

Как рассказывает Казанский в своей книге, "Кавказский дворец" в первую очередь посещали русские, без сожаления проматывавшие здесь остатки своих состояний. В этом кабаре можно было встретить двух нефтепромышленников Манташева и Чермоева, братьев Фельдманов, антиквара Бершадского. Остальной публике, французам и американцам, помимо всего прочего, чрезвычайно льстило, что их обслуживают "бывшие" русские аристократы: швейцар здесь мог оказаться русским адмиралом, а на скрипке играл великий князь. А работавшие здесь женщины с "русским акцентом", который заменял им паспорт и рабочее удостоверение, воплощали для посетителей "русскую красоту".

Успех этого кабаре обнадеживает других предпринимателей, и уже в следующем году по соседству с ним откроются сначала "Яр" (63, Пигаль), а немного позже "Тройка" (26, ул.Фонтен), образуя вместе с "Кавказским дворцом" настоящий "русский треугольник". Поблизости от "Кавказского дворца", на Сан-Суси, открывается кафе-мороженое, где любят встречаться русские артисты. Пигаль завоевана. И вокруг трех русских кабаре, как грибы, появляются все новые рестораны и бистро, как, например, круглосуточно работающее "Русское бистро" (5, ул. Фромантен), где за кассой стоит грузинский князь Александр Шервашидзе, бывший декоратор Мариинского театра (который позже станет декоратором Русского балета Дягилева). Сюда любят после работы заглянуть артисты кабаре, чтобы выпить стаканчик и попеть. Это племя, утратившее родину и оказавшееся в чужой стране "без кола и двора", образует на Пигаль своеобразное гетто со своими харчевнями, отельчиками и парикмахерами, старающимися вытянуть как можно больше денег из карманов соотечественников.

Пигаль - русская деревня?

Можно ли действительно говорить о том, что Пигаль - это "русский квартал"? Чтобы стать "русской деревней", как XV и XVII округа, Нейи, Аньер или Пасси, Пигаль не хватает православной церкви, русской школы, ассоциации бывших джигитов или бывших офицеров, то есть очевидных признаков сообщества, а у ночных артистов этого нет. Да и жителями этого квартала их нельзя назвать, у большинства из них нет даже вида на жительство, и они ютятся где придется: в дешевых отелях или меблированных комнатах. Пленники своего ремесла, они днем репетируют, а ночью

выступают, а потому даже не общаются со своими соотечественниками, которые совсем рядом от них, в доме 77, на улице Пигаль, собираются на торжественные вечера памяти Блока или Достоевского. Каждый четверг в этом зале собираются также члены Общества русских художников в Париже, а в Зале гражданских инженеров (9, ул. Бланш) встречаются такие политические деятели, как Милюков и Винавер или разыгрывают юмористические пьески Тэффи в постановке самого автора, которая черпает свои сюжеты из жизни эмигрантов.

В конце квартала, в театре Матюрен Жорж и Людмила Питоевы ставят пьесы Чехова, приобщая парижан к загадкам русской души. У этой супружеской пары, обвенчавшейся в 1915 году в православной церкви на улице Дарю, к этому времени уже растет семеро детей. Театральный успех не приносит Питоевым материального благополучия, и семья с трудом сводит концы с концами. После спектаклей Жорж пешком возвращается в парижский пригород Нейи, где живут Питоевы. А о Людмиле Жан Кокто скажет: "Она - чистая духовность. Дыхание, переодетое в женщину, блуждающий огонек". Жорж Питоев увлекается современной драматургией и ставит Пиранделло, а в 1928 году в честь 100-летия со дня рождения Льва Толстого он поставит "Живой труп", где, как и положено по пьесе, примет участие цыганский хор. Так что в своих постановках на парижской сцене Питоев открывает зрителям совершенно противоположные стороны русской души и одновременно - исключительное дарование артистов русского кабаре.

Русские рестораны и кабаре

К этому времени в Париже насчитывается уже сотня русских заведений. И знаменитый шансонье Фюрси, певший на Монмартре, говорит в ту пору: "Я чувствую

себя самым настоящим эмигрантом среди всех этих "Кавказских погребков", "Троек", "Яров" и бесконечных ресторанов под названием "Москва" или "Петербург". Словом, единственный француз на Монмартре - это я".

Большие рестораны дают возможность зарабатывать на жизнь множеству людей: целая армия поваров трудится на кухне, здесь держат целый штат платных партнерш и партнеров для танцев, не говоря о гардеробщиках, цветочницах и продавщицах, торгующих русскими сувенирами из дерева. Вокруг таких заведений кормятся ночные таксисты и всевозможные лавочки, в том числе и завлекающие прохожих русскими продуктами и напитками.

Вот как знаменитый американский джазмен Мецц Мецроу описывает в своей книге "Жажда жизни" атмосферу, которая царила тогда в этих кварталах:

> "Я дебютировал в "Большом Эрмитаже", 24, по улице Комартин, в кабаре, принадлежавшем русским белогвардейцам, которые выряжались перед гостями, как когда-то они одевались при царском дворе... Владелец ресторана по фамилии Рыжиков закатывал здесь потрясающие пиры: это были горы котлет по-киевски и блинов с пирожками, кисло-сладкий борщ, кавказский шашлык, гурьевская каша, и все эти яства подавались на позолоченных блюдах и орошались "Муммом" 1926 года и изысканным "Наполеоном" старой выдержки. Божественные на вкус копчености... Пряные соусы... Все здесь великолепного качества, даже обычное мыло... Лица у всех добродушные и счастливые, здесь вкушают радости жизни. К музыкантам здесь относятся, как к артистам, и обходятся с ними, как с князьями - для них в Эрмитаже держат специальное общежитие с мягкими диванами... Здесь все живут со вкусом: работают ровно столько, чтобы заработать на жизнь, если смеются, то от всей души, и любят побаловать себя нежными коньяками и вкусными кушаньями, излечивающими от любых печалей ..."

Но по соседству с этими кабаре, где собирается "весь Париж", полным полно маленьких ресторанчиков и кафе, где, чтобы выжить, приходится трудиться по-каторжному. Так что кабаре, рестораны и кафе здесь на любой вкус и на любой кошелек. Есть шикарные рестораны, где бутылка вина стоит шестьдесят франков, а кофе подает настоящий турок в экзотических шараварах, а рядом с ними соседствуют и дешевые забегаловки, где шофер такси всего за тридцать су может пообедать густым и наваристым борщом.

В ресторанном мире быстро происходит социальное расслоение, и непреодолимая пропасть отделяет "Кавказский погребок" от харчевни, где в трудные тридцатые годы Джордж Оруэлл по семнадцать часов в день работал мойщиком посуды, приходя в кафе в семь утра и покидая его после полуночи. В своей автобиографической книге "На мели в Париже и Лондоне" писатель рассказывает, в каких ужасных условиях приходилось ему, "рабу нового времени", работать тогда в этом русском ресторанчике: в крошечной кухоньке не было ни горячей воды, ни ледника, овощи держали в маленьком внутреннем дворике, где их поедали крысы. Этот ад, о существовании которого клиенты даже не подозревали, отнюдь не вредил репутации этого заведения.

Без свидетельств Жозефа Кесселя, Джорджа Оруэлла и некоторых писателей младшего поколения мы ничего не знали бы сегодня о закулисной и "кухонной" жизни русских ресторанов, так ослепляли всех современников их декоративное убранство и блестящая мишура.

А как протекала жизнь обычных русских эмигрантов, обитавших на задворках "священного треугольника" и в прилегавших к нему кварталах? Об этом рассказывают воспоминания моей матери, Дианы Пашутинской, хранящиеся в нашем семейном архиве:

"Мы уехали из пригорода Клиши и поселились на авеню Клиши. Оттуда можно было пешком дойти до плас Бланш или Пигаль и посидеть на террасах кафе. Там было несметное множество всяких кафе, это было очень живое место. А если хотелось тишины, то неподалеку, в пассаже Кардине была сортировочная железнодорожная станция и заброшенная железная дорога, что опоясывала весь Париж. Насыпь там заросла травой, деревья и птицы, как в деревне. На улице Брошан уже начинались жилые дома. Чуть дальше был маленький театр, где играли Питоевы, а справа - местный кинотеатр, очень приличный. От Ла Фурш начиналась авеню Сент-Уен, очень длинная и с множеством магазинов, а дальше шла улица Вовенарга, где я жила у Эсти, когда приехала в Париж, это был очень обжитой уголок.

На Ла Фурш был большой кинотеатр, большая пивная, где играл оркестр, а дальше, по правой стороне, настоящий танцзал, где танцевали под аккордеон. Это были самые настоящие танцы, а не просто танцульки, как на улице Лапп, что возле Бастилии, куда водили иностранцев посмотреть, как веселятся "низы". А у нас тут случались и драки, и поножовщина. Затем - площадь Клиши с кафе "Дюпон", которое было открыто всю ночь. Мы часто встречались на углу с другими русскими и вместе шли куда-нибудь. На противоположной стороне площади кафе "Веплер", где в то время бывал Генри Миллер. Мы договаривались там о встрече, чтобы выпить аперитив.

На улице Этекс, в XVIII округе, был маленький русский ресторанчик, открытый польскими евреями, очевидно уже получившими гражданство, потому что они смогли приобрести лицензию. Он работал на заводе "Ситроен", жена держала этот ресторан, а ее сестра училась в еврейской профессиональной школе. Хозяйка прониклась ко мне симпатией и предложила купить этот ресторан. К счастью, я отказалась, потому что мне наверняка пришлось бы простаивать целые дни у плиты, чтобы угощать бесплатно всех друзей, на которых я не заработала бы

ни копейки. Ресторан купила семья, которая сумела создать в этом ресторане очень хорошую атмосферу. Первое время сюда после работы заходили русские рабочие из соседнего гаража, чтобы выпить по кружке пива, потом стали заезжать водители такси, чтобы подкрепиться борщом, к тому же здесь звучали музыка и песни - в общем, все было по-русски. Такси той порой дожидалось у порога, а когда наступал вечер, приходилось платить за аренду и бензин... *

Русская мода

Экзотика - это выгодно!

Чем же все-таки объясняется успех русских на Пигаль? Этому успеху способствовали три фактора: послевоенный экономический подъем, охватившая всех жажда свободы и удовольствий и нашествие американцев, которые стремились приобщиться к тайнам ночного Парижа и, попадая на Пигаль, неожиданно открывали для себя цыганский праздник, а их доллары помогали кормиться работавшим там артистам. Никто не мог устоять перед магией Востока, тем более, что насладиться этой экзотикой можно было, не подвергая себя тяготам изнурительного путешествия и подстерегавшим на этом пути опасностям.

Первой волне поклонников русского балета очень полюбился гарем дягилевского балета "Шехеразада", но их пугали новые эстетические пути и дороги, которые прокладывали русские артисты балета при постановке

* Диана Пашутинская, мать автора книги, родилась в Киеве. Гражданскую войну пережила в Николаеве. В 1924 году она уезжает к матери в Пекин. Закончив американский колледж в Пекине, она в 1930 году отправляется в Париж, где встречается со своим будущим мужем, который тоже был родом из Киева.

"Голубого экспресса", "Парада", "Кошки", и пролетарского балета "Стальной скок". Это разочарование неудовлетворенных зрителей, которые жаждали восточной экзотики, успешно будут эксплуатировать дельцы, зарабатывавшие на "русской моде". Вчерашний банкир Трахтенберг откроет на авеню Клиши самое шикарное и снобистское кабаре в Париже под названием "Казбек", украсив его персидскими коврами и восточным серебром, которое его владелец сумел вывезти из России. В "Казбеке" выступают виолончелист Александр Скаржинский и знаменитый поэт, композитор и певец Александр Вертинский, чьи песни бесподобно передают атмосферу русской эмиграции.

Плененный балетом "Шехеразада", Алексей Нагорнов позаимствует его название для своего кабаре, которое он откроет на улице Льеж. Внутреннее убранство кабаре явно имитирует декорации Бакста, а румынский оркестр и певицы-цыганки - заменяют балет Фокина. Благодаря этому зритель, который во время балетного спектакля созерцал гарем из зала, теперь оказывается на сцене и (наконец-то!) сам попадает в восточный гарем. Все это обеспечило кабаре мгновенный успех. И этот прием будет срабатывать еще долгие годы. Эрих Мария Ремарк обессмертит парижское кабаре "Шехеразаду", упомянув его в своем романе "Триумфальная арка", и оно закроется лишь в 80-е годы.

Эксплуатация одного только названия "Шехеразады" заведомо обеспечивает успех любому предприятию. И режиссер Александр Волков на студии "Альбатрос" снимает фильм под названием "Шехеразада", а вслед за ним - "Тысячу и одну ночь". В 1926 году Волков снимает фильм "Казанова" с великим Мозжухиным в главной роли и декорациями Билинского. Стоило этому фильму выйти на экраны, как тут же торжественно открывается

кабаре "Казанова", оформленное в роскошном венецианском стиле. Это кабаре, с его карнавально разряженной обслугой, посещают международные звезды и даже коронованные особы. "Казанова" - кабаре для королей" - гласит реклама, заманивающая сюда богатых гостей.

"Эти неотразимые русские"

На 1927 год приходится настоящий апогей русской моды.

Как напоминает в своей книге К.Казанский, в мае 1927 года в Париже, с премьерой пьесы "Мечта любви" А.Косоротова в помещении Театра Альбера I рождается русский Драматический театр.

На Парижской гастрономической выставке все премии получают русские эмигрантские фирмы, а первую премию - фирма "Кавьяр рюсс", торгующая русской икрой. Премию за внеконкурсное участие присуждают фирме "Ага", а золотые медали достаются булочной "Москович-сын и К°", фирмам "Нева" и "Кузьмите". (Магазин под названием "Чай товарищества П.М.Кузьмичев с сыновьями" существует в Париже и по сей день).

Во Франции популярны сигареты под русскими названиями "Аннушка" и "Наташа", а у завзятых курильщиков особенно большим спросом пользуются знаменитые сигареты "Бояр".

В "Фоли-Бержер" выступают русские танцовщики. А в театре "Майоль" идет представление "Золотой петушок", в котором парижскую публику развлекают русские артисты. Галина Горленко на радио Эйфелевой башни ведет "русские вторники". В Русской опере в первоначальной редакции ставится опера Глинки "Руслан и Людмила" (костюмы и декорации Б.Билинского). В кино - тоже сплошные русские, играющие в фильмах, по-

ставленных русскими. Ксения Куприна играет главную роль в фильме "С дьяволом в сердце". Николай Колин снимается в главной роли в фильме "Крокет", А.Энгельман - в роли принца Димитрия в фильме "Воспитание принца". В это же время снимают фильм "Княжна Маша" и другие, ставшие классическими, фильмы с Мозжухиным в главных ролях.

Всевластие русской моды - что, казалось бы, может быть лучше для русских, живущих во Франции? Однако оно имеет не только положительные стороны: именно благодаря этой моде возникли клише: "нищие белогвардейцы" и "непредсказуемая" или "загадочная русская душа", которые пришлись всем по вкусу и прочно вжились в сознание французов, но реальная жизнь настоящих русских эмигрантов мало кого интересовала. Средоточие под крышей одного "русского кабаре" и кавказцев, и цыган, и русских порождает в ту пору обобщенный и довольно-таки расплывчатый образ выходца из бывшей Российской империи.

И этот неопределенный образ русского эмигранта, сложившийся во Франции, неизменно вредит русским в последующие кризисные периоды, когда будут сгущаться тучи над головами самих французов. Экономические трудности, страх перед военной угрозой, немецкая оккупация пробуждают недоверчивое отношение к русским как к чужестранцам и чужакам, в них начинают видеть "подозрительных личностей", которых интернируют в специальные лагеря.

А искусство, вынужденное подстраиваться под вкусы широкой публики, неизбежно скатывается к банальности и штампу, обыгрывая два-три полюбившихся этой публике мотива. При этом коммерческий успех ресторанных цыган лишь усугубляет трудности артистов, работающих в серьезных жанрах и видах искусства. Бале-

9 – 1500

рина Нина Тихонова в своих мемуарах рассказывает, что даже в те годы, когда искусство переживало неслыханный расцвет и все вокруг радовались жизни, для русских эмигрантов это были "темные годы - годы борьбы только за то, чтобы не погибнуть".

Дома моды или русские - мастера на все руки

Ориентализм и модернизм

Эта мода сохраняет свою жизнеспособность, потрафляя родившемуся в 1925 году вкусу к сочетанию геометризма и модернизма. Направление это возглавляет художник Эрте (Роман Тыртов), создающий костюмы и декорации для ночного кабаре "Табарен", где главным номером программы был френч-канкан. Он декорирует также различные парижские кабаре и сохранившийся по сей день в его оформлении шикарный ресторан "Распутин" (8, ул. Бассано), где по-прежнему звучат балалайки и цыганская музыка. Эрте оформляет и театральные спектакли. Но наибольшую славу ему приносят модели одежды, которые он рисует и разрабатывает для модных салонов и журналов мод. Рисунки Эрте-художника одежды, поражавшего современников чрезвычайно богатой фантазией, высоко ценятся и по сей день. Позже он с не меньшим успехом будет работать и для крупнейших театров мира.

В 1925 году для Международной выставки декоративных искусств Соня Делоне с помощью известного кутюрье Жака Эйма оформляет мост Александра III как "симультанную лавку", в которой демонстрирует свои до-

стижения в области контрастных цветовых сочетаний и новых форм. Еще в 1920 году Соня Делоне открыла в Париже модный салон, и ее ткани с геометрическими рисунками и разработанные ею модели пользуются огромным успехом. Стремясь вывести искусство на улицу, она демонстрирует в своем салоне модели производственной одежды, проекты оформления автомобилей и различных интерьеров. Как будет позже подчеркивать муж Сони, Робер Делоне, художнице удалось предопределить и сформировать силуэт и стиль современной женщины, ее вкусы и соответствующее им обрамление.

В 1919 году известный в те годы кутюрье и страстный коллекционер современного искусства Поль Пуаре "запускает" на орбиту моды еще одну русскую художницу - Марию Васильеву (о которой уже рассказывалось в предыдущих главах). Она с большим успехом занимается проектированием мебели и мастерит куклы, создавая шаржированные портреты своих друзей из мира живописи и театра. Сегодня ее куклы ценятся как антикварный раритет. На выставке 1925 года М.Васильева выставляет образцы экстравагантной мебели, выполненной из ценных пород дерева и шикарных обивочных материалов. Два года спустя она оформит кафе "Куполь".

Илья Зданевич, с успехом развивающий полиграфическое искусство, по рекомендации Дягилева, становится художником по тканям в Доме Коко Шанель. Художник Семен Лиссим, получивший известность как сценограф и оформивший декорации для многих спектаклей, в том числе для опер Римского-Корсакова и Бородина, с 1924 года начинает сотрудничать с фарфоровыми заводами Севра и Лиможа, а спустя год - с лионской фабрикой шелка. Александр Яковлев, возвратившийся из рекламной экспедиции по Африке, предпринятой Ситрое-

ном, привозит оттуда сотни картин с "поющими в солнечном свете красками" и начинает осваивать искусство фрески для оформления ресторанов. И в 1925 году он расписывает стены концертного зала на улице Перголез, воплощая в своих рисунках тему "Пушинские сказки и музыка". А стены Парижа в это время украшают афиши, выполненные Борисом Билинским и рекламирующие фильм "Монгольский лев"с Иваном Мозжухиным. Иван Билибин, этот феерический художник, славящийся своими знаменитыми "глубоким синим и обжигающим красным цветами", в эти годы оформляет оперы Мусоргского, Бородина и Римского-Корсакова для Русской оперы в Париже, балет Стравинского "Жар-птица" для гастролей в Аргентине. Одновременно он иллюстрирует книги для детей, которые по сей день считаются непревзойденными шедеврами в области графического искусства. А его жена расписывает в "русском стиле" севрский фарфор.

Русские декораторы и волшебники-ремесленники

Великий Константин Коровин, много работающий для театра, оформляет также ресторан "Боярд'с". К монументальной живописи обращается и Василий Шухаев, еще один замечательный художник, которого ждет сложная судьба. В 20-30-е годы он успешно занимается книжной графикой и сценографией, выставляется на международных выставках, но в 1935 году художник с женой возвращаются в СССР, и уже в 1937 году оба будут арестованы и проведут десять лет в заключении в Магадане. Но эти беды еще впереди, и Василий Шухаев живет пока в Париже, где по поручению князя Юсупова оформляет его первый "Русский Домик" в доме 36, по улице Мон-Табор (а затем и второй, отстроенный уже на

средства бывших офицеров и русского банкира). В маленьком зале "Русского Домика" собираются Пикассо, Шаляпин, Жюль Берри и другие знаменитости.

Заметьте, с каким с удовольствием описывает его атмосферу и роскошное убранство бывавший там Шарль Ледре:

> "Этот домик Шухаев в изобилии украсил арабесками и золотым шитьем. Повсюду огромные зеркала в массивных рамах, и чудится, что ты в старой Венеции. В центре - пианино... Потолок, украшенный гербами, отбрасывает зеленые и красные отблески. И они причудливым образом окрашивают ностальгическую тоску по прошлому, которое стараются воскресить в этом доме, имитирующем старину. Вчерашняя графиня поет. Ее красота и белокурые волосы удивительно гармонируют с романсом Чайковского, который она исполняет для нас с такой душевностью."

"Русский стиль" царит повсюду. Бесчисленные лавочки наперебой предлагают покупателям русские шали, столовые приборы, украшения, куклы в национальных костюмах, расписные броши и подносы, ну, и конечно, знаменитые шапки, которые так возлюбили парижанки, наглядевшись на кавказских танцоров в папахах. Графиня Чернышева-Безобразова в своей лавке на улице Мон-Табор торгует духами, антиквариатом и картинами. В двух шагах от "Русского домика" его завсегдательница госпожа Токарева держит магазин, обставленный, как салон светской дамы, в котором торгует кружевами и драгоценностями. На улице Берри князю Ивану Куракину принадлежат магазин антиквариата и чайный дом под названием "Боярский терем", в котором стены и потолок расписаны Иваном Билибиным. В оркестре здесь играют утратившие свои состояния дворяне, а в числе гостей бывает самая

высокая русская знать. Так что достаточно оплатить всего лишь чашку чая и вся русская аристократия перед вами!

Большую часть безделушек и сувениров, которыми торгуют в русских лавках, мастерят в семейных ателье и мастерских. В меблированных комнатах и даже в дешевых гостиничных номерах, где жили поначалу русские эмигранты, они вручную мастерят тряпичные куклы в крестьянских нарядах, куклы на чайник, матрешки, деревянные поделки, абажуры, вышитые салфетки и подушки, которые французы с удовольствием приобретают для убранства своих домов. Изделия русских кустарей-ремесленников приходятся по вкусу парижанам, о выставках и благотворительных распродажах "славянских сувениров" публикуются восторженные статьи в прессе.

Любопытную историю одного русского эмигранта, который из полковника превратился в мастера и художника по куклам, приводит в своей книге о русских эмигрантах Шарль Ледре. Каждая кукла полковника Зданевича была маленьким шедевром изобретательности, требовавшим невероятного терпения. Оказавшись в эмиграции без средств к существованию, этот офицер смастерил двух игрушечных казаков и понес их знаменитой танцовщице, которую он встречал в доме великого князя Кирилла Владимировича (пользовавшегося поддержкой правых и претендовавшего на престол). Куклы танцовщице понравились, и она купила их за сто франков.

"Это было не бог весть какое богатство, - рассказывает полковник в книге Ледре, - но эти деньги дали мне возможность свести концы с концами и взяться за новые куклы. Мало-помалу я стал получать заказы: русские куклы вошли в моду. Когда казаки-кавалеристы разбили бивак на Марсовом поле - вы видели, наверное, таких в цирке, - я торговал своими куклами прямо перед лагерем казаков, и их очень хорошо раскупали. Потом казаки от-

правились в Англию, и я сопровождал их до Шотландии и Ирландии. Путешествие мое оказалось успешным, и это позволило мне расширить дело. Теперь я держу у себя уже несколько работниц." И Ледре добавляет, что в мастерской полковника действительно работает семь швей, а русские инвалиды разносят по Парижу продукцию этой мастерской. Так что полковник зарабатывает не только себе на жизнь, но из солидарности дает зарабатывать и другим русским.

Шитье и высокая мода

После войны в Париже немало русских женщин зарабатывают на жизнь тем, что вручную разрисовывают ткани, украшают вышивкой белье, а самые неимущие подрубают платья, юбки и нижнее белье или с утра до вечера корпят, обметывая петлицы. Современники помнят мадам Антуанетт, которая в своей крошечной комнатке для прислуги держала швейное ателье и давала подзаработать русским эмигранткам, приобщая их к профессии швеи. Собственно, для многих из них это был самый простой способ пропитания, потому что какая же русская женщина не умела тогда держать в руках иглу? И у каждой были знакомые в швейном деле, а если даже и нет, то достаточно было почитать объявления, развешанные во дворе русской церкви на улице Дарю, и работу можно было найти без труда.

Эльза Триоле низала ожерелья для домов мод, Нина Берберова вышивала крестом в своем отельчике, а жена Романа Гуля вязала по заказу модельеров. Екатерина Гусева, автор книги "Русские эмигранты во Франции. (1900-1950)", рассказывает историю "киноактрисы, которая эмигрировала из Ялты вместе с группой Ермольева и снималась на знаменитой русской студии "Альба-

трос" в Монтрее, а позже была вынуждена заняться шитьем, так как из-за акцента не могла сниматься в звуковом кино. (Известно, сколько успешных карьер иностранных актеров оборвалось с пришествием звука в кино.) Супруга Марка Вишняка, знаменитого редактора "Современных записок", также зарабатывала на жизнь шитьем в те часы, когда ее муж занимался рукописями в редакции журнала.

А молодые и красивые женщины шли в манекенщицы, или в топ-модели, говоря нынешним языком. Манекенщицей была и племянница художника Яковлева - Татьяна Яковлева, последняя любовь Маяковского.

"Высокая парижская мода распахнула свои роскошные двери перед русскими бесприданницами, которые прибыли во Францию в траурных платьях... Некоторые дома моды и шляпные ателье возглавляют знатные русские дворянки, которые мужественно сражались за выживание, прежде чем стать хозяйками своей судьбы", - пишет Шарль Ледре, имея в виду свояченицу Врангеля, директрису всем известного ателье.

Постепенно в сфере производства дорогостоящей одежды возникает целая сеть русских кутюрье, тесно сотрудничавших с такими известными французскими кутюрье, как Лелонг и Шанель, которая была очень дружна с Сергеем Дягилевым и оказывала ему финансовую помощь. Шанель безвозмездно одела исполнителей балета "Голубой экспресс" и одарила балерину Лидию Соколову замшевым беретом и серьгами - двумя крупными жемчужинами, воплощавшими знаменитый классический стиль Шанель.

Костюмы для звезд театра и кино в эти годы разрабатывает также художник и сценограф Юрий Анненков. Одной из его последних работ в СССР была постановка и оформление театрализованного представления "Взя-

тие Зимнего дворца", но с 1924 года он выбирает судьбу эмигранта и поселяется во Франции, где оформит более 60 спектаклей и создаст декорации и костюмы более, чем для 50 фильмов.

В 1924 году князь Феликс Юсупов (этот легендарный персонаж русской истории и эмиграции, принимавший участие в убийстве Распутина), совместно с женой Ириной Александровной, внучкой Александра III, на улице Дюто открывают собственный Дом моды под названием "Ирфе", образованном из первых слогов их имен.. Они открывают также филиалы в Туке, Лондоне, Берлине. Юсуповым удается добиться невозможного: завоевать уважение, авторитет и клиентуру в стране, извечно слывущей законодательницей мод. Придирчивые французы высоко оценили изысканный вкус и новые линии моделей Дома "Ирфе". Пресса публикует хвалебные статьи о новых коллекциях Юсуповых, с мельчайшими подробностями и не жалея красок описывает особенности кроя, кружев и тканей, используемых в нарядах Дома "Ирфе". Юсуповы не довольствуются завоеванным успехом и в 1926 году отваживаются на еще большую дерзость - начинают выпускать собственные духи "Ирфе". Три вида этих духов имели разные ароматы и предназначались белокурым, темноволосым и рыжим женщинам. Персонал Дома моды "Ирфе" полностью состоит из русских эмигрантов. На Юсуповых работают и русские художники - в частности Маревна, чьи расписные русские шали и придуманные ею цветные тканые пояса-кушаки вызывают восторг у прессы и охотно раскупаются избалованными парижанами.

Однако успех моделей Дома "Ирфе" и высокие оценки самой требовательной парижской прессы (в том числе и журнала "Вог") не спасают Юсуповых от финансо-

вых трудностей, и в 1931 году они будут вынуждены прекратить свою деятельность. Тем не менее на какое-то время им удалось стать завсегдатаями моды в самом Париже. И скольких русских беженцев они спасли от безработицы и полной нищеты!

Благодаря Феликсу Юсупову и помощи Земгора в Париже была также открыта Школа прикладных искусств имени Строганова. Вот что пишет о ней Екатерина Гусева:

> "Эта школа, существовавшая под патронажем князя Юсупова, располагала немалыми средствами. Она занимала частный дом в XVI округе и несколько мастерских, в которых учащиеся осваивали ткацкое дело, искусство художников по тканям, искусство гравюры. Школа могла себе позволить принимать довольно много учащихся (например, в 1926 году в ней училось более 50 человек). Школа готовила своих учеников для работы на эмигрантских художественных предприятиях и для Дома моды Феликса Юсупова. Лучшие произведения учеников отбирались для продажи в лавке князя. Так, от хозяина к ученику, от поколения к поколению, русские эмигранты передавали свои традиции и профессиональные навыки."

Организация экономической жизни эмиграции позволит ей добиться успехов и в мире производства готового платья. И если театрально-художественная элита в эти годы громко заявляет о себе на театральной сцене, то этому в немалой степени способствует целая сеть мастерских, где работают русские умельцы, обшивающие и одевающие своих артистов.

У великой княгини Марии Павловны Романовой, хозяйки дома вышивки "Китмир", работает целая бригада русских мастериц, искусно владеющих секретами тонкого шитья. "Вышивка была в большой моде в двадцатые годы,

и ею любила украшать свои модели Шанель. Так что вышивка была для нас самым подходящим занятием во Франции, ведь каждая молодая женщина, получившая хорошее воспитание, только и умела, что вышивать, танцевать и говорить по-французски", - вспоминает в книге Е.Гусевой одна из эмигранток, вполне достоверно и не без иронии рассказывающая о процессе деклассирования оказавшихся в изгнании русских эмигранток, за которыми прочно утвердилась репутация швей. (Вспомните клише "русские князья-таксисты". Точно также русские княгини прослыли во Франции швеями.) И благодаря этим швеям, женам аристократов, а ныне нищих интеллектуалов, рабочих на заводе или шоферов такси, шитье в буквальном смысле служило той самой связующей нитью, которая объединяла самые разные слои русской эмиграции.

В 1926 году в Париже в производстве готового платья официально было занято 3 115 русских, но в действительности эта цифра была значительно выше. Многие русские эмигранты, которым отказывали в праве на работу, вынуждены были трудиться дома на посредников. С другой стороны, эта статистика включала евреев, которые в начале века, еще при царизме, из-за притеснений бежали из России во Францию и осели в основном в Париже, где открыли множество швейных ателье и всевозможных мастерских - эти эмигранты уже успели натурализоваться. В своих маленьких ателье в районе Маре (в IV округе, возле площади Вогезов), они занимались пошивом одежды и фуражек, здесь были трикотажные и меховые ателье, ну, и конечно, шляпные мастерские и магазины - ведь до войны ни одна приличная дама не могла себе позволить выйти из дома без шляпы. Новые переселенцы могли осваивать все эти ремесла благодаря ОРТ, то есть "Обществу по приобщению евреев к ремесленному и сельскохозяйственному труду",

созданному в России еще в 1880 году. (После 1945 года эта организация сольется с Рабочей школой, первой еврейской профессиональной школой, созданной в Париже в 1857 году, и разместится в IV округе, в доме 4, по улице Розье.)

Это Общество, возрожденное в 1921 году в Париже для финансирования профессиональных школ, организует балы, концерты, благотворительные базары, на которых соглашаются выступать лучшие артисты, евреи и русские. Известно, что на одном из таких вечеров в 1925 году пел Шаляпин. А ведущим на празднике, состоявшемся в 1934 году в замке Омбраж в Марли-ле-Руа, был писатель Жозеф Кессель. Эти празднества не обходятся, конечно, и без цыганской музыки. Общество занималось также большой информационной работой: ежегодно читались курсы лекций, на которых рассказывали о положении еврейских поселений в России и на Украине и о результатах деятельности ОРТ в Восточной Европе. Примерно к 1926 году в Обществе создается женская секция. Русская эмигрантская пресса публикует обширную информацию о деятельности ОРТ.

Курсы по профессиональной подготовке, которые изначала создавались для "еврейских сирот, жертв погромов в России и на Украине", на самом деле открыты не только для евреев. Любая женщина может получить здесь диплом модистки, портнихи, или корсетницы. Так что ОРТ - это своего рода мостик, связующий два совершенно разных мира эмигрантов, прибывших в разное время и обитающих на разных географических полюсах Парижа, но выживающих с помощью шитья.

Итак, "эти неотразимые русские", которые благодаря гениальному Дягилеву царят на лучших сценических площадках, два десятилетия не выходят из моды. Они задают тон во всем.

Вторая мировая война прервет эту эпоху "русской моды". Однако воздействие ее на французов окажется очень значительным. И хотя русским не удалось оставить заметных следов в архитектуре и городском пейзаже, они заметно повлияли на художественные вкусы, модные направления в одежде и даже на кулинарные пристрастия парижан.

Если же обратиться к представлениям, утвердившимся в народе, то для среднего француза "русский белый" по сей день неизменно ассоциируется с "цыганским праздником", хотя это упрощенное представление о жизни русских эмигрантов никогда не отражало их реального и повседневного существования на чужбине.

Любопытно, что именно это упрощенное представление о русских, сведенное к ограниченному набору клише, сегодня с успехом эксплуатируют "новые русские", которые после распада советской империи разъезжаются по свету в поисках заработка. Они снова, как когда-то первые русские эмигранты, открывают кафе и рестораны под названием "Тройка" или "Душка", выступают в цирках, колесят по Франции с теми же песнями и балалайками, а на Пигаль или в Фоли-Бержер в роли солиста опять блистает русский танцовщик, но уже из Театра имени Кирова (сейчас вновь переименованного в Мариинский).

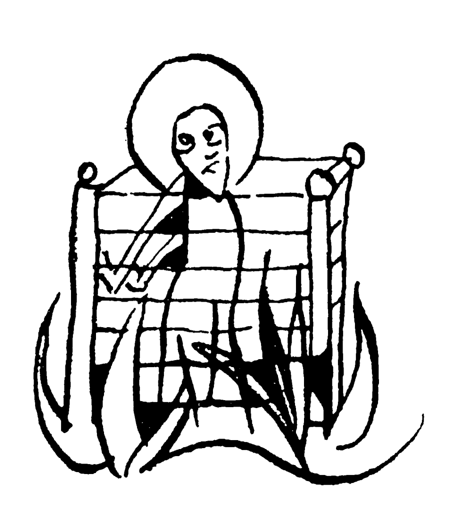
Но странное дело - почему-то никто из этих русских, покидающих взрастившую их "родину пролетариата", оказавшись во Франции, не спешит сегодня устраиваться чернорабочими на завод, как это делали их предшественники, эти "белые русские" или "белогвардейцы" дворянских кровей...

"Биянкурск"– франко-русский город

Гудит заводской гудок.
Двадцать пять тысяч рабочих текут через
широкие ворота на площадь.
Каждый четвертый - чин белой армии...

Нина Берберова

Конечная остановка

Русские странники у "дяди Рено"

Да, именно на заводы подавались многие русские эмигранты, изгнанные из России Октябрьской революцией. Прослышав о Биянкуре, где можно было устроиться работать на завод Рено, они устремлялись в этот парижский пригород, который из-за нашествия русских вскоре окрестят "Биянкурском".

Если хотите узнать, как выглядели лишенные родины русские изгнанники, которые в поисках крова и работы добирались до Биянкура, загляните в рассказ "Маленькая иностранка" Нины Берберовой, опубликованный в 20-е годы в газете лидера демократов Павла Милюкова "Последние новости". В нем она описывает толпы несчастных русских беженцев, сидящих на земле на центральной площади Биянкура и испуганно озирающихся вокруг: одетые в обноски и лохмотья мужчины и женщины, плачущие полуголые дети, жал-

10 – 1500

кий скарб, который они притащили сюда через всю Европу.

В предисловии к биянкуровскому циклу рассказов, частично опубликованных в 1989 году в журнале "Октябрь", Нина Берберова рассказывает, что приехав в Париж в 1925 году, она - в поисках темы и своих героев - только два года спустя заметила в Париже и в его пригороде "русские массы", по воскресеньям толпившиеся в церквах, которых было уже так много, что их - на московский манер - называли "сорок сороков". Это признание выдает разрыв, который существовал между литературной интеллигенцией, существовавшей в замкнутом мирке Монпарнаса, и "трудящимися классами", обитавшими на рабочих окраинах. Но отдадим должное Берберовой: открыв незнакомые для себя территории, которые писательница искала неосознанно и наугад, она делает своими героями скромных жителей пригорода Биянкура, расположенного на юго-западе Парижа, между Сеной и Булонским лесом, где огромные автомобильные и сталелитейные заводы требовали притока рабочих рук. Рассказы, написанные ею на основе писательских наблюдений и бесед с соотечественниками, нравятся самим эмигрантам, они узнают в них себя и благодарят писательницу за то, что она "не презирает их скромную жизнь". По примеру Зощенко, Берберова старается передать сочный язык своих героев, пересыпанный не только характерными русскими словечками, но и галлицизмами и русифицированными французскими выражениями. Спустя более полувека после написания биянкурских рассказов сама писательница, строго оценивая свое творчество, полагала, что их "историко-социологическое значение превосходит их художественную ценность". Но и оставленные ею свидетельства говорят нам о многом.

Ведь до недавнего времени и до написания социологической работы О.Ле Гийу "Русские рабочие-эмигранты на заводах Рено в Булони-Биянкуре в 1926 году" (1988) рассказы Нины Берберовой оставались единственным свидетельством, запечатлевшим жизнь этой колонии, не угасавшую вплоть до второй мировой войны. Как рассказывает Берберова, здесь были не только русские церкви, но и русские бакалейные лавки, детские сады и школы. Церковные праздники здесь отмечали по старому юлианскому календарю и создавали комитеты для помощи старикам и инвалидам первой мировой войны. И если представителям русской творческой и художественной интеллигенции удавалось привлечь к себе внимание и даже добиваться успеха, то об этом русском рабочем люде и "новом пролетариате" до Берберовой никто не удосужился написать ни строчки.

Как очутились эти "чужестранцы" так далеко от дома? И как складывается здесь их судьба? После четырех лет войны (1914-1918), унесшей много человеческих жизней, во Франции остро ощущается нехватка рабочей силы, и автомобильная промышленность, нуждающаяся в "молодых и здоровых людях", нанимает на работу "русских белогвардейцев". Завод Рено первым начинает вербовать на работу бывших офицеров, солдат и казаков Добровольческой армии, которые после разгрома белых армий на юге России рассредоточились по разным европейским странам и ожидают там решения своей судьбы. Вслед за Рено и другие заводчики вербуют русских беженцев. Из книги известных специалистов по рабочему движению во Франции Ж.-П.Депретто и С.Швейтцера "Коммунизм на заводе" можно понять, что даже французское правительство, озабоченное нехваткой рабочих рук во французской деревне, было заинтересовано в притоке иностранных рабочих. В этой

же книге приводятся такие данные: в 1926 году в металлургической промышленности под Парижем работает 3 607 русских, в декабре 1931 года на заводе Рено работает всего 3 806 иностранцев, что составляет 17,5% от общего числа рабочих. Многие русские лишь временно работали на заводе Рено, поэтому сейчас невозможно установить точное число беженцев из России, которые трудились на этом заводе. Несколько сотен этих рабочих перешли потом на завод Ситроен. Владелец этого завода, Андре Ситроен, был инициатором движения по оказанию помощи беженцам, поэтому некоторых рабочих переводили с завода на завод по мере освобождения новых мест.

Массовое участие в производстве автомобилей (в нем занято 34% от общего числа русских эмигрантов, зарегистрированных во Франции) и в перерабатывающей промышленности (здесь трудятся 59,2% русского активного населения) свидетельствует о том, что в 20-е годы во Франции стремились контролировать приток иммигрантов и занимались их трудоустройством. Верховный комиссариат по беженским делам и Международное Бюро труда выполняют роль посредников и связующих звеньев между предприятиями, нуждающимися в рабочей силе, и беженцами, ищущими работу. Судьбой беженцев занимаются и такие благотворительные русские организации, как Красный Крест и Земгор, возрожденный в 1920 году в Париже благодаря князю Львову. Именно представители Земгора ведут переговоры с Андре Ситроеном и Луи Рено о найме на работу своих соотечественников, застрявших в разных странах, куда им удалось бежать из России.

Приходилось трудоустраивать русских эмигрантов, которых объявили в Турции "нежелательными элементами" после прихода к власти Мустафы Кемаля (в 1923 го-

ду), и желающих перебраться во Францию участников армии Врангеля. 25 000 офицеров и солдат армии генерала Врангеля поначалу осели в Югославии, где они строили железные дороги или автомобильные трассы. Но жизнь здесь была очень тяжелая и не менее мучительным было ощущение своей полной изоляции, поэтому некоторые из них охотно согласились завербоваться к "дяде Луи", как называли Луи Рено, и уехать во Францию. Там, в Биянкуре, в ресторане "Славянский базар", как вспоминает один из бывших рабочих в книге Е.Гусевой о русских эмигрантах, "каждый полк занимал свои столы. Кавалеристы, пережившие разгром, эвакуацию и лагеря в Галлиполи, а затем и службу в конной гвардии в Югославии, все вместе дружно прибыли в Париж, так как слышали, что в Биянкуре русских охотно берут на работу." Здесь этим вчерашним военным очень пригодилась свойственная им крепкая солидарность, так как их новый хозяин требовал от них безоговорочного повиновения и воинской дисциплины в условиях гражданского труда.

Русские чернорабочие во французской провинции

Только незначительная часть русских эмигрантов в первой же стране после пересечения границы СССР получает возможность завербоваться на заводы Рено. Большинство же самостоятельно прибывает в Биянкур и оседает там на площади Насьональ (где селились в основном русские), уже после того как поработали на заводах в провинции или в парижских пригородах. Лотарингия, Кнютанж и Буланж в Мозеле, Коломбель и Мондевиль в Нормандии, Крезо, шахты и заводы Деказевиля - куда только не заносила судьба "новый русский пролетариат", появление которого Маркс никак не мог предуга-

дать. С русскими рабочими и чернорабочими обращаются точно так же, как и со всеми прочими иммигрантами: в расчет принимается только рабочая сила, и никому нет дела до их былой профессии или благородного происхождения. О том, в каких условиях жили и работали на французских хозяев русские эмигранты, бывший рабочий М.Т. рассказывает в книге О.Ле Гийу. Эмигрировав в Болгарию, он завербовался там на полгода к французскому инженеру в его рудники в Орне (до революции тому принадлежали угольные шахты и на Дону): "Условия были просто ужасные, - вспоминает этот рабочий. - Рудник был в лесу, электричества не было... В лесу стояли хибары для рабочих, без воды, без электричества, за водой нужно было ходить за двести метров. Спали мы на голых нарах, без матрасов и белья... Мы были обязаны сами покупать для дома лампу и керосин для нее и с этой же лампой мы спускались в забой".

По окончании контракта М.Т. вербуется на металлургический завод в Нормандии, под городом Каном, где работа будет полегче, а условия более сносными. Два года он проработает на этом сталелитейном заводе первым машинистом на заводской электростанции, одновременно выполняя обязанности переводчика для многочисленных русских эмигрантов, приезжавших маленькими группками из других районов Франции или из Болгарии. Позже друзья М.Т., уже работающие у Рено, переманивают его на этот завод. И в 1929 году он поступает туда намотчиком и вместе с братом и матерью, которым тоже удалось уехать из России, поселяется в Булони-Биянкуре. Два года спустя его брат также вынужден стать рабочим на заводе Рено, так как из-за экономического кризиса иностранцам трудно устроиться на другую работу.

После долгих мытарств многие казаки оказались

выброшенными на остров Лемнос, где на первых порах им помогало французское правительство. Вскоре, однако, Франция отказывается от своих обязательств и перестает выделять средства на содержание их армии, после чего им приходится искать новое пристанище и новую работу. Чтобы перебраться во Францию, казаки вербуются на пять лет в Иностранный легион, а уже оттуда попадают к Рено. Приток русских рабочих на завод Рено продолжается с 1922 по 1931 год, и пик его приходится на 1924 год, когда русских прибыло во Францию больше всего, а к 1930-31 гг. он уменьшается.

Между молотом и наковальней

Белая гвардия в синих комбинезонах

Кто же они, эти белогвардейцы или "врангелевцы", как их презрительно будет называть газета коммунистов "Юманите" в периоды социальных обострений? Сам термин "белый" в среде рабочих и левой интеллигенции до самого последнего времени употреблялся только в негативном смысле, как синоним антибольшевика, хотя и не обязательно реакционера. На самом же деле среди белогвардейцев были и умеренные монархисты, и республиканцы, и даже либералы.

И далеко не все из них были русскими в буквальном смысле этого слова, даже если в паспорте или заводском табеле они значились русскими. Довольно часто это были выходцы с Украины (40 процентов по данным О. Ле Гийу). Немало было также донских, кубанских и терских казаков. "Настоящие" русские в большинстве своем прибыли из двух столиц - Москвы и Санкт-Петербурга.

Однако проблему национальной принадлежности

анализировать очень сложно, так как у вчерашних обитателей крупных украинских городов, особенно Киева, не было тесного общения с украинскими крестьянами - это были люди, воспитанные на русской культуре и чувствовавшие себя русскими. Разрыв, существовавший при царском режиме между культурной элитой и народом, сохраняется и в эмиграции. И это побуждает крестьян объединяться в националистические украинские организации. Показательно, что первая пьеса, которую ставят эмигранты в Булонь-Биянкуре на украинском языке, являет собой злую сатиру на "москалей" и "москвичей". Русскоязычные же украинцы тяготеют к выходцам из северных районов России. И русскоязычные составляют явное большинство среди "украинцев". По мнению Нины Берберовой, которая проанализировала разговорную речь рабочих Биянкура, это был язык, характерный для среднего класса южных городов Российской империи. Этим объясняется замечание О.Ле Гийу, изучавшего национальный состав рабочих на заводе Рено, по поводу того, что украинцам "не хватало самобытности". Кроме того, он подмечает противоречия, которые бросаются в трудах различных историков. Некоторые из них утверждают, что большинство эмигрантов были украинцами и в основном крестьянами, а другие подчеркивают, что крестьяне составляли лишь меньшинство в русской эмиграции.

Что же до казаков, которые до революции жили в станицах в теплых и хлеборобных южных краях, близ Азовского и Черного морей, то они и в эмиграции стараются воссоздать свои станицы, и самую широкую известность приобрела созданная ими станица в Монтаржи. Храня верность родным краям, они в 1926 году создают в Биянкуре Кубанское объединение, а два года спустя открывают в Париже филиал Станицы терских

казаков. Казаки отличаются от прочих "русских" общинным укладом, свойственным этому военному сословию, и баснословной трудоспособностью, которую подогревает страстная мечта как можно скорее приобрести ферму или такси, чтобы зажить совершенно самостоятельно. Поэтому они гораздо охотнее, чем остальные русские, стараются попасть на завод Рено и задерживаются там дольше других. В Биянкуре казаки поначалу держатся особняком, у них есть свои общественные организации и даже собственные рестораны "Крым" и "Донская волна", где они не только трапезничают и веселятся, но и слушают доклады на самые серьезные темы. С годами эта тяга к обособленности ослабеет, и казаки будут охотно общаться со всей русской колонией.

И, наконец, есть еще третья группа эмигрантов, самая нестабильная и неоднородная, которую труднее всего четко охарактеризовать. Это русские, приехавшие из Москвы и Петербурга. Более культурные и профессионально подготовленные, они даже если и попадают на завод, то остаются там недолго, так как стараются найти работу получше. Рядом с этим мужским большинством женщины (составляющие всего 2,3%) самого разного, в том числе и дворянского происхождения, но не обладающие никакой квалификацией, за гроши гнут спину в ателье. Балерина Нина Тихонова в своих мемуарах рассказывает, что ее мать, которая была родом из культурной петербургской семьи, тоже была вынуждена работать на заводе и ходила туда пешком, в рваных туфлях.

На конвейере

Русские рабочие, которых вербует "Мсье Рено", в большинстве своем родились в 1892-1902 годы. Так что

старшие из них успели повоевать и в первой мировой войне, и в гражданской, а младшие - только в гражданской; и немалая часть этих странников преодолела очень длинный и сложный путь, прежде чем обрести приют во Франции: сначала лагеря для военнопленных в Германии, откуда их освободили силы Антанты, чтобы послать на северный фронт, затем поражение, эвакуацию в Норвегию, долгий, через всю Европу, путь в Югославию или Болгарию. Самые юные из них не успели получить образование и профессию. Война, лишения и страдания - это все, что они познали в своей взрослой жизни. А вот теперь судьба распорядилась так, что они в качестве рабочей силы участвуют в индустриализации Франции, вынужденные, особенно поначалу, соглашаться на самую тяжелую и грязную работу. Совершенно не подготовленные к такому труду и глубоко травмированные пережитыми испытаниями и разрывом с родиной, они более болезненно вживаются в эту жизнь, чем их французские товарищи по работе. Те, что помоложе, разлучены с близкими, и всех их мучает чувство вины перед ними и несбыточная мечта вернуться на родину. Нина Берберова в своих биянкурских рассказах убедительно описала это разрушительное самоистязание, которому подвергали себя русские эмигранты.

Несмотря на все различия, общая драматическая судьба заставляет русских, работающих на заводе, держаться вместе, то есть единой группой. В некоторых цехах работают только одни русские, едва умеющие объясниться по-французски. Такое единение помогает легче переносить тяготы жизни и труда, угрозу увольнения, неприязнь местного населения и одиночество.

Но почему же русские рабочие, несмотря на всю свою солидарность, не решаются поднимать голос против хо-

зяев, как это делают, например, китайцы (которых тоже немало работает в это время на заводе)? Ведь дирекция завода благоволит к русским именно за их послушание и дисциплинированность. Причина отсутствия бойцовского духа у русских беженцев очень проста: в 1924 году большевистское правительство лишило их национальности, и они превратились в людей без родины и без гражданства, полностью зависящих от доброго или недоброго расположения приютившей их страны и своих работодателей. Каждый из них в любой момент может быть объявлен "нежелательным элементом", и никакой паспорт Нансена его не спасет.

В начале тридцатых годов политика Франции в отношении иностранцев очень ужесточилась. Иммигрантов, не имевших постоянной работы или трудовой книжки, как это бывало со всеми уволенными, могли выслать из страны. Те немногие русские эмигранты, которые дожили до сегодняшнего дня, могут рассказать, какие беды подстерегали их соотечественников на каждом шагу: любого ничтожного повода было достаточно, чтобы подвергнуть их аресту и - прощай Франция! Стоило, например, русскому шоферу такси не заметить дорожный знак, как его тут же сажали в тюрьму, а затем передавали в распоряжение властей соседней страны, чаще всего это была Бельгия. Там "нежелательные элементы", не имевшие необходимых документов, снова попадали в тюрьму, и эта адская канитель длилась иногда годами. Роман Гуль в своих воспоминаниях рассказывает, что некоторые русские эмигранты пожили и во Франции, и в Бельгии, но ничего, кроме тюрем, там не видели...

У того же Рено в 1926 году во время забастовки, в которой приняли участие и русские, многие рабочие-иммигранты были уволены (причем министр труда требовал первыми увольнять именно иностранцев), и семеро

иностранных рабочих лишились работы всего лишь за участие в собрании забастовщиков. Среди них был и русский - бывший лейтенант армии Врангеля. Только правительство Леона Блюма положило конец подобной практике и иностранных рабочих уравняло в правах с французами: отныне русские рабочие могли даже вступать в специально созданную для них секцию Всеобщей конфедерации труда. Эмигрантская пресса пишет, что существовала даже русская ассоциация "Май 1936", поддерживавшая правительство Леона Блюма, а в 1938 году при ВКТ откроется рабочий университет для русских эмигрантов, где занятия будут проходить дважды в неделю, по понедельникам и пятницам.

Но в годы, предшествовавшие Народному фронту, как вспоминает бывший шофер такси из Биянкура в книге О.Ле Гийу, "русские совсем не умели бороться за свои права, они были самыми послушными из всех иностранцев... Ведь русские были совсем беззащитны и всех боялись. Когда, к примеру, на заводе Рено бывали забастовки, то они не хотели в них участвовать. Во-первых, они поначалу все были правыми, во-вторых, они боялись не угодить дирекции, а забастовщики угрожали "набить им за это морду", так что сами понимаете, они очень часто оказывались между молотом и наковальней".

В роли молота в данном случае выступают коммунисты, которых довольно много в этом бастионе рабочего класса, и они чаще всего не скрывают своего враждебного отношения к русским, которых обвиняют в угодничестве перед хозяевами. И у них есть для этого основания: в 1928-1930 годы заводской полицией руководит русский эмигрант и он служит мишенью для многочисленных нападок со стороны газеты "Юманите", которая этого "белогвардейца", "недобитого мерзавца-врангелевца" и

"бывшего социалиста из Медона", обвиняет в том, что он стал "циничным и бессовестным полицейским". В целом же русские слывут среди рабочих реакционерами и штрейкбрехерами.

Недоброжелательная атмосфера вокруг русского пролетариата сгущается еще больше после того, как некий русский по фамилии Горгулов, явно страдавший расстройством психики, убивает французского президента Поля Думера. Участник белого движения, Павел Горгулов получил медицинское образование в Чехословакии, но французские законы запрещали ему заниматься медицинской практикой во Франции. Совершая этот отчаянный шаг, он надеялся привлечь внимание властей к бесправному положению многих дипломированных русских специалистов, которые были обречены жить в нищете или заниматься медицинской практикой нелегально. "Юманите" вмешивается в это дело и обвиняет некоего Кружкова, который служит у Рено полицейским, в тесных контактах с убийцей, а попутно развязывает самую настоящую кампанию против "белогвардейских провокаторов" и "доносчиков", работающих на заводе.

Все это, конечно, не способствовало развитию пролетарского сознания у большинства русских, которых нужда вынудила пойти на завод, и они при первой же возможности стараются подыскать себе другую работу. В 1935 году на заводе Рено остается всего лишь триста русских рабочих. Как же сложилась судьба у тех, кому удалось вырваться отсюда? Некоторые прямо из цеха попадают на больничную койку: по свидетельству очевидцев, среди русских рабочих в то время свирепствовал туберкулез. Кому-то удается сменить работу в самом Биянкуре. Другие, и в первую очередь казаки, откликаются на призыв французского правительства "вернуться к земле" и едут на юго-восток Франции, где в районе Тулузы заводят фермерские хозяйства.

В отличие от творческой интеллигенции, новый русский пролетариат не оставил мемуаров и письменных документов о своей заводской жизни. Но русская эмигрантская пресса, этот незаменимый хранитель коллективной памяти, день за днем запечатлела жизнь русского сообщества в Биянкуре вплоть до июня 1939 года. И благодаря русской прессе можно получить представление о том, как русские эмигранты осваивали пространство и обустраивали свою жизнь в этом рабочем районе.

Освоение новой территории

Пригород Булонь-Биянкур возник в 1925 году от слияния двух предместий: одно из них граничило с Булонским лесом и шикарными кварталами, а второе было настоящим промышленным центром, где в 1929 году трудилось около 40 тысяч рабочих. Население этого пригорода непрерывно растет, и к 1931 году Булонь-Биянкур становится самым многонаселенным пригородом Парижа: здесь живет 86 тысяч человек, и 12% от общего числа составляют иностранцы. Вот как описывает этот район Шарль Ледре:

> "Нужно своими глазами увидеть Биянкур, этот франко-русский город, прибежище для тех, кто потерял родину.
>
> Площадь Жюль-Гед очень напоминает Вавилонскую башню, где уживается, не смешиваясь, столько языков. Здесь и китайцы, и славяне, и итальянцы, и чехи, и словаки. Но русских - больше всего."

Русские держатся группами не только на заводе, но и в повседневной жизни: в большинстве своем они селят-

ся поближе к заводу Рено (на улицах Траверсьер, Насьональ, Домье) или по соседству с площадью Насьональ (на улицах Сольферино, Сен-Клу, авеню Эдуар-Вайан), в дешевых отелях или меблированных комнатах и зачастую живут по несколько человек в одной комнате и даже спят посменно на одной койке - пока один работает, другой спит, и наоборот. В то время найти жилье в Париже или в пригороде было совсем непросто: квартир не хватало, и арендная плата была очень высокой.

Благодаря этой привычке держаться вместе XV квартал со временем становится все более "русским". Стоило поначалу обосноваться здесь целой группе русских, как постепенно к ним по соседству подселяются и другие; и даже те эмигранты, что работали у Рено, а жили далеко от завода, перебираются в Биянкур. И в 1926 году здесь уже насчитывается 2000 русских.

Вынужденные тесниться на этой рабочей окраине и гнуть спину на "мусью" Рено, русские не забывают ни человеческих законов, ни Бога, и в 1926 году по просьбе Русского рабочего союза, созданного во Франции, митрополит Евлогий поручает одному из священников по праздничным дням служить обедню в Биянкуре для русских рабочих. К этому времени уже два года в здании Франко-русского ресторана (7, плас д'Эглиз) работает филиал Русского народного университета.

Русские открывают в Биянкуре множество ресторанов и кафе. По воспоминаниям одного из современников, их было около сорока; по сегодняшним данным, их в любом случае было более десятка. И все эти русские рестораны и кафе играют очень важную роль в жизни русского сообщества: они предоставляют свои залы для собраний различных ассоциаций, для всевозможных спектаклей и даже для церковных служб. Митрополит

Евлогий в своих мемуарах рассказывает, как проходили обедни в зале, прилегавшем к ресторану: верующие молились под веселое хлопанье пробок, звон посуды, громкие разговоры и смех.

Однако уже к 1931 году ситуация несколько улучшается. И вот какую картину застает Шарль Ледре, приехавший в Биянкур для изучения жизни русских эмигрантов:

> "Православная церковь помещается в бараке на улице Насьональ. Но сейчас решается вопрос о перенесении ее в другое здание, потому что в ней стало слишком тесно: "У нас здесь тысяча прихожан, которые регулярно посещают все службы, - говорит батюшка. - Но каждую неделю я еще читаю здесь лекции на различные темы, и на них собирается много народу, потому что это настоящая отдушина для всех этих образованных интеллектуалов, которым приходится теперь работать руками." И он показывает нам свою церковь, увешанную традиционными русскими иконами, перед которыми горят красные лампады."

К этому времени русские уже вполне освоили жизненное пространство в Биянкуре, и Шарль Ледре свидетельствует:

> "На улицах Насьональ, Дамьен и Траверсьер от французского присутствия мало что осталось - выжили только жизненно необходимые заведения и службы. Посмотрите на вывески. Вы скажете мне, что это французская мясная лавка, а на соседней булочной красуется золотой герб Анри Беро. Кто же будет с этим спорить? Но оглянитесь вокруг и вы увидите рестораны, бакалейные лавки, отели, клинику, книжный магазин, кабинет дантиста, прачечную, которые принадлежат русским и обслуживают только русских."

Русское сообщество функционирует уже вполне самостоятельно и создает новые рабочие места и возможности для рабочих эмигрантов, стремящихся уйти с завода Рено: они могут перейти в различные мастерские, парикмахерские, магазины, торгующие мебелью. Жены эмигрантов, как и в самом Париже, работают на швейном производстве, а миловидные и молодые женщины могут устроиться официантками в рестораны, которые, как грибы, то появляются, то исчезают на каждом углу.

И в Биянкуре, на улице Траверсьер, есть свое русское кабаре, где танцуют кавказцы и поют цыганки. Среди них - былая московская знаменитость Прасковья Гавриловна, которая из-за пожилого возраста уже не котируется в модных парижских ресторанах и ублажает своим пением русских рабочих в этом захудалом окраинном заведении, описанном в рассказе Нины Берберовой "Цыганский романс" из биянкурского цикла.

В Биянкур перебираются и коммерсанты, которые не выдерживают конкуренции, царящей в Париже: здесь, в этом рабочем пригороде, клиентура отличается большим постоянством и при этом она поскромнее и не столь привередлива, как в Париже. В своих мемуарах Нина Берберова описывает одну такую бакалейную лавку, где рядом с банками с баклажанной икрой и фаршированным перцем можно было найти широкий выбор водки и ликеров, карамель под названием "Москва" и традиционные русские пирожки с начинкой, а в углу - непременные иконы и расписные деревянные ложки.

На улице Катр-Шмен, напротив дома, где жила Берберова в Биянкуре, по сей день существует магазин, унаследовавший всю меблировку булочной, которую в 1930 году открыли молодые новобрачные П. Эти супруги (он родился в 1897 году, а она в 1907) были эмигрантами уже во втором поколении, "евреями с Монмартра",

11 – 1500

как уточняет в беседе со мной их сын, доктор М.П., который проработал всю жизнь в Биянкуре, на улице Сольферино. Его бабушка и дедушка бежали от погромов из Кишинева и поначалу попали, естественно, в район Маре, а затем обосновались на Монмартре, которому история на сломе веков предопределила сыграть роль "нового Иерусалима".

"Мои родители не говорили по-русски и не чувствовали себя русскими, - вспоминает доктор М.П. - Но они приехали в Биянкур, потому что мой отец умел готовить пасху и печь куличи, русский хлеб, булочки с маком, и здесь была русская клиентура." Спустя три года глава семьи внезапно умирает, и его молодой вдове, чтобы прокормить двоих детей, приходится самой вести все дела. Она продолжает работать и во время второй мировой войны и продает хлеб евреям, за что ее по доносу отправляют в концлагерь в Германию. Возвратившись после войны в Биянкур, она снова открывает свою булочную. Ее старший сын станет врачом и будет лечить рабочих Рено, и на его глазах здесь будет становиться все меньше и меньше русских, которых он "так хорошо знал и любил".

До войны русские эмигранты не только работают на заводе, но и служат таперами в кинотеатрах, играя на пианино или скрипке во время сеансов, как это было принято в эпоху немого кино, или развлекают своими номерами публику во время антрактов. Самые невезучие становятся уличными музыкантами или подрабатывают статистами на местных киностудий.

В одной из биянкуровских студий фирма Пате снимает "Пате-дневник русской эмиграции". В съемках этого фильма участвуют живущие в Париже русские писатели и журналисты. Премьера фильма состоится 15 мая 1928 года в отеле "Лютеция", во время ежегодного благотворительного бала, организованного Союзом писателей и

журналистов. Студии Биянкура нанимают не только статистов, но и машинистов, осветителей, декораторов, маляров. Весь этот люд, нанятый по контракту на период съемок, с началом экономического кризиса остается без работы и пополняет армию безработных, которые с восхода до захода солнца, подложив газету под голову, вынуждены предаваться безделью и валяются на пляже.

Когда мировой экономический кризис добирается и до Биянкура, "новый русский пролетариат" подразделяется на тех, чьи дома худо-бедно отапливаются, и на тех, кто "со всеми удобствами спит на скамейках под открытым небом".

Эмигрантов, которые, устав бороться за свое существование, не выдерживают голода и холода, провожают в их последний приют на новое кладбище (старое биянкурское кладбище уже не вмещает умирающих от недоедания и болезней иностранных рабочих). Здесь их хоронят в пятом ряду, и под этими скромными холмиками они будут обретаться пять лет, после чего их прах выкопают и захоронят в общей могиле. В этой самой неуютной части кладбища в 1939 году будет похоронен еще один житель Биянкура - Владислав Ходасевич, которого Набоков ценил как самого большого русского поэта. Ходасевич, сломленный семнадцатью годами нищеты и страданий, угаснет накануне войны, а его новая подруга жизни (Берберова рассталась с ним еще в 1932 году) будет схвачена нацистами и отправлена в газовую камеру. Архив Ходасевича бесследно исчезнет.

Новая смена

Наибольший приток русских в Биянкур приходится на 1924 год. Получив работу, они начинают обустраиваться и, по возможности, стараются завести семью.

Русских женщин в это время в Биянкуре еще гораздо меньше, чем мужчин, но все же достаточно семейных пар, чтобы произвести потомство и обеспечить появление нового поколения. Любопытную деталь приводит в своих воспоминаниях Нина Берберова: рождению мальчиков в эмигрантских семьях радуются больше, чем девочкам, потому что мальчики - это будущие солдаты Франции, и благодаря сыновьям родители могут получить французское гражданство скорее, чем остальные эмигранты.

Детей, родившихся уже в изгнании, русское сообщество старается уберечь от лишений и дать им хорошее воспитание: для детей рабочих создают ясли и детский сад, опекаемые Русским Красным крестом и существующие на пожертвования , которые собирают во время Недели помощи русскому ребенку и на благотворительных вечерах; учрежден даже приют для детей-сирот, который просуществует до самой войны. Все учреждения для маленьких детей создаются при деятельном участии церковного прихода и под руководством местного священника, он же организует четверговую школу, подобную воскресной школе, открытой митрополитом Евлогием в 1923 году при православном храме на улице Дарю. В этой школе, занимающей часть здания Русского лицея на бульваре Отей и существующей на пожертвования, детям преподают русский язык, историю, географию и Закон Божий, чтобы воспитать у них национальное и религиозное чувство. Русское сообщество Биянкура не в состоянии обеспечить своим детям полный курс образования на русском языке, но они осваивают родной язык не только в четверговой школе, но и в церкви, в семье (хотя были случаи, когда родители, оскорбленные изгнавшей их родиной, старались забыть Россию и намеренно не говорили с детьми по-русски), а еще и в летнем лаге-

ре, открытом благодаря священнослужителям, где ежегодно проводят лето двести детей эмигрантов.

Известный историк и член Французской Академии бессмертных, Элен Каррер д'Анкос росла совсем в другом кругу эмигрантов, но и в ее жизни воскресная школа сыграла свою позитивную роль. Вот что рассказывала она в одном из интервью о том, как заботились эмигранты об образовании своих детей:

> "Ученье, представьте себе, давалось нам совсем не легко. Мы целые дни корпели над книгами. А мне доставалось больше других, потому что помимо коллежа я еще посещала школу при православном храме. В этой школе, помимо основ православия, нам преподавали также русский язык и Российскую историю. Мои родители были очень требовательны в этих вопросах и хотели дать мне самое лучшее образование: в их вере не было ничего слащаво-сентиментального. Ими руководила не только ностальгия по прошлому и утраченной родине, их православие имело гораздо более глубокие корни."

Для русских детей, родившихся на земле Франции, далекую родину воплощает уголок России, который их родители стараются воссоздать на берегах Сены. Вывески на улицах Биянкура - русские, а весной, как и на юге России, пахнет сиренью и прогретой солнцем пылью. Здесь из лавок доносятся близкие сердцу любого русского ароматы соленых огурцов, холодца и копченой рыбы. Здесь торгуют самым настоящим русским квасом. И временами здесь легко можно забыться и вообразить, что ты находишься не в чужой стране, а у себя дома, в каком-нибудь южном городке, дремлющем под полуденным солнцем, если бы не эти громадные заводские трубы, которые выплевывают в небо Биянкура фиолетовые клубы дыма, застилающие горизонт.

Но годы идут, и несмотря на все усилия русской диаспоры и летние лагеря, где каждое утро дети собираются вокруг трехцветного флага и хором поют молитвы, противостоять французскому влиянию становится все труднее. Учителя русских школ жалуются, что дети уже не понимают многие старые обороты русской речи, а в пьесе Грибоедова "Горе от ума" им уже нужно объяснять чуть ли не каждое слово.

Примерно в эти годы создается новая организация, которая призвана помочь семье и церкви в воспитании русской молодежи. Это движение под названием "Русский сокол" (или "Русская сокольская организация за границей") зарождается в 1921 году в Праге и вскоре получает распространение во всех странах, обживаемых русской эмиграцией. В первой французской организации "Соколов" насчитывается тысяча членов и несколько отделений, из которых самым активным становится отделение в Медоне. Руководители "Соколов" приобщают их к гимнастике и коллективному спорту, а также воспитывают у них чувство солидарности. В Булони-Биянкуре это движение впервые заявляет о себе в 1931 году, к этому времени его отделения созданы уже во многих районах. Наибольшую активность это движение развивает в 1936-37 гг., но и после этого его деятельность не угаснет. В 1938 году "Соколы" организуют два праздника с участием балета Нины Вырубовой, а спустя год, 21 мая, пошлют свою делегацию для участия в большом молодежном празднестве ("соколов", "витязей" и скаутов), которое состоится во Дворце спорта в день русской культуры.

Церковноприходская школа, как и "Соколы", размещается в здании Русской гимназии, на противоположном, от завода Рено, конце Биянкура, в жилом квартале, в доме 29, на бульваре Отей, недалеко от дома князя

Юсупова. 2 февраля 1920 года состоялось открытие гимназии. Она появляется благодаря усилиям Марии Маклаковой, сестры бывшего посла временного правительства во Франции, и пользуется финансовой поддержкой леди Детердинг (Донской), супруги нефтяного магната.. В первые годы существования гимназии число ее учащихся ежегодно растет. Так, в 1920 году его закончили 27 учеников, а в следующем году уже 51 выпускник. В гимназии учатся мальчики и девочки. Обучение платное, но благодаря стипендиям американского комитета Т.Уиттмора ее двери откроются и перед детьми неимущих родителей. Почему этот американский комитет оплачивает учебу бедных русских эмигрантов, живущих на рабочей окраине Парижа? У этого комитета - своя интересная история. В 1920 году Т.Уиттмор, специалист по византийскому искусству, занимаясь реставрацией фресок в Константинополе, встречает там русских беженцев, которых Октябрьская революция обрекла на скитания. Он проникается таким сочувствием к их судьбе, что берется помочь молодым русским эмигрантам получить образование за границей. Возвратившись в США, он начинает усердно собирать для этого средства и создает фонд, благодаря которому только в течение одного учебного года (1926-1927) его стипендии получат 350 учеников русской гимназии в Бийанкуре и другие русские студенты.

Бийанкуру помогает также и Булонь, продолжая традиции благотворительности, которая так расцвела после создания в России земств. И митрополит Евлогий неустанно навещает свою паству, живущую в соседних пригородах: сегодня он торжественно открывает ясли или новую церковь в Бийанкуре, а на следующий день освещает новое помещение Дома русских инвалидов в Булони или присутствует на новогодней елке в церковноприходской школе.

Завоевать души...

Глава русской экуменической Церкви не жалеет трудов и усилий ради важной и благой цели - превратить уцелевших участников побежденной Белой армии, годами лишенных нормальной жизни, в цивилизованное сообщество. Необходимо снова пробудить в них вкус к жизни и вернуть их в лоно церкви, от которой они оторвались за годы изгнанничества в чужих странах. Такие конкретные дела, как строительство и содержание церкви, организация приходской жизни, поднимают дух и спасают от безнадежного отчаяния. Участие в общем деле - на строительной площадке или в общественных комитетах - порождает человеческие связи и укрепляет чувство национальной общности. Очень скоро Церковь становится главным центром жизнедеятельности русского сообщества, а кому-то из эмигрантов помогает заново обрести религию своего детства.

Однако этому пока еще хрупкому единству, возникшему между Церковью и русской эмиграцией, большой ущерб наносит раскол, который в 1927-1931 годы происходит между старавшимися держаться в стороне от политики руководителями экуменической Церкви и митрополитом Евлогием и убежденными монархистами, которые лелеют надежду посадить на престол великого князя Кирилла Владимировича. Религиозные распри не могут обойти стороной и русскую колонию Биянкура. Чтобы сохранить этот приход, митрополит Евлогий вступает в войну с правыми и не только изгоняет "за нарушение субординации" своих оппонентов, но и освобождается от такого опасного лица, как Марков II, бывшего вдохновителя Союза русского народа и председателя Высшего монархического совета, коим он был выбран на съезде монархистов в 1921 году в Бад-Рейхенхалле.

Этот монархист, близкий к национал-социалистической партии Германии, старается завоевать расположение русских рабочих Биянкура, потенциальных воинов его будущей "Армии освобождения России". В 1926 году он приезжает в Биянкур, чтобы в "Славянском базаре" агитировать рабочих против "жидо-масонов", а в 1929 году председательствует на собрании русских монархистов в Булони. Как рассказывает в своих воспоминаниях митрополит Евлогий, после исключения Маркова II отец Алексий начал освобождать свой приход от сторонников подчинения Церкви политической идеологии ультраправых.

И нужно отдать должное русской Церкви, которая очень многое делает для укрепления единства среди верующих и улучшения их жизни. Священники заботятся не только о детских яслях и общежитиях, они всячески стремятся поднять духовный и культурный уровень эмигрантов. Для этого они организуют лекции преподавателей Богословского института Сергиева Подворья и светил религиозной мысли. В церкви Св. Николая Чудотворца (в доме 132-бис на улице Пуен-дю-жур, где она находится и сейчас) организуются курсы по религиозному воспитанию и церковному песнопению под руководством регента биянкурского хора Петра Васильевича Спасского, который после 1947 года и до кончины будет руководить хором кафедрального собора Св. Александра Невского и преподавать Закон Божий в русской гимназии и школе при соборе. К 1935 году в Биянкуре создается женская религиозная благотворительная организация.

Церковь делает все, чтобы объединить все ассоциации и организации русской коммуны в Биянкуре. В Биянкуре проводятся всевозможные балы, праздники и даже вечера с баром и выступлениями лучших русских артис-

тов, приезжающих из столицы. И эти праздники позволяют собрать средства для различных учреждений, патронируемых Церковью. Усилия Церкви, направленные на объединение русской колонии, увенчиваются успехом, и в Биянкуре создается Объединение русских Биянкура, которое тесно сотрудничает с приходом. История сохранила свидетельства о незабываемом новогоднем празднике, который 9 января 1938 года в Русской гимназии сообща устроили Приходской совет церкви Св. Николая Чудотворца, Объединение русских эмигрантов, Общеказацкая станица, Касса взаимопомощи казаков и Отдел русских скаутов.

"Борьба за души" эмигрантов дается русской Церкви нелегко. Помимо сепаратистских тенденций приходится противостоять и прочим искушениям и другим религиозным течениям, которые обещают немедленное утешение. Ревностные последователи теософии госпожи Блаватской, еще до революции модной в интеллектуальных кругах России, добираются и до Биянкура, чтобы установить прочные связи с молодыми эмигрантами. С другой стороны, за души этих утративших родину беженцев борются и евангелисты. Соревнуясь с этими ловцами душ, православная Церковь организует многочисленные лекции и конференции. Но если учение Блаватской с трудом приживается в среде рабочих, то евангелисты находят дорогу к их сердцам. И в 1931 году в Биянкуре торжественно откроется баптистская церковь (5, улица Жорж-Сореля). Эта единственная во Франции баптистская церковь сохранилась здесь и по сей день.

Общественная жизнь

Как и религиозная, общественная жизнь русской эмиграции переживает три стадии. Первоначальный пе-

риод привыкания, когда люди еще морально не готовы смириться с утратой родины и лелеют мечту о возвращении в Россию, сменяется взрывом общественной активности, которую прерывает экономический кризис, начавшийся к 1927-1931 годам, а во время десятилетия, предшествующего войне, в уже вполне упорядоченной социальной жизни русских эмигрантов происходит некоторое снижение общественного накала, хотя по-прежнему дружно и торжественно отмечаются такие события, как начало учебного года или конец занятий в Русской гимназии и церковноприходской школе, новогодние елки, Пасха и День русской культуры.

В первые годы жизни биянкуровской колонии важную просветительскую роль играет Русский народный университет, созданный Русской академической группой, которая объединяет сорок русских преподавателей Сорбонны. И такой выдающийся историк и правовед, как Павел Гронский, не считает для себя за унижение читать свои лекции для рабочих Биянкура в русском ресторане. В 1927 году в Биянкуре открывается Русский коммерческий институт. А Русский народный университет работает в тесном контакте с Русским национальным комитетом, созданным Владимиром Бурцевым. Для русских, живущих и работающих в Биянкуре, они организуют всевозможные лекции по проблемам культуры и обсуждения таких животрепещущих вопросов, как "Роль русской эмиграции", или извечного русского вопроса: "Что делать?", который вслед за Чернышевским подхватил Ленин.

Консервативно настроенные монархисты на этот сакраментальный вопрос отвечают однозначно и бескомпромиссно: единственный путь спасения они видят только в вооруженной борьбе против большевиков. И легко понять тот интерес, который сторонники Маркова II

проявляют к русским рабочим Биянкура: ведь они даже в рестораны ходят "строем" - вот она, новая армия добровольцев, готовая в нужный момент сменить синие комбинезоны на бережно хранимые в нафталине мундиры. Однако финансовая помощь, ожидаемая монархистами от западных держав, не приходит. К тому же ряды монархистов раздирают внутренние противоречия (крайнеправые выдвигают на престол великого князя Кирилла Владимировича, а сторонники конституционной монархии группируются вокруг великого князя Николая Николаевича). Единения не происходит и на Съезде Зарубежной России, который собрался в отеле "Мажестик", чтобы выработать стратегический план освобождения России. Провал этого Съезда в немалой степени объясняется закулисными и подрывными действиями Маркова II.

Русское население Биянкура живо интересует и младороссов. Эта молодежная лига с националистическим уклоном, возникшая в январе 1923 года в Мюнхене и руководимая А.Казем-Беком, мечтает возродить в России монархию Романовых в лице князя Кирилла Владимировича и рьяно изобличает "франко-масонство и международный капитал, по большей части сконцентрированный в руках евреев". По своей сути это движение, под крылом которого сбились молодые эмигранты, разъедаемые горьким чувством обиды на свою трудную жизнь в изгнании и разочаровавшиеся в Западе, имеет много общего с нацизмом и одновременно флиртует с большевиками: первый пункт их программы провозглашает "царя и свободные советы".

Пламенные призывы к революции, которыми эти организации пытаются зажечь русских рабочих, не находят в их среде широкого отклика: как они могут доверять тому же Маркову II, которого с таким позором изобличил

митрополит Евлогий? Поэтому в большинстве своем вместо политической борьбы эмигранты предпочитают участвовать в общественной жизни, и ту энергию, которая у них еще остается после рабочего дня на заводе, тратят на обустройство своей жизни. Всего за несколько лет здесь возникают Союз русских инвалидов войны, Касса взаимопомощи русских рабочих, Казацкий кружок взаимопомощи и самообразования, Станица терских казаков, Украинский клуб-библиотека, школа танцев, женское сообщество и другие организации. В короткий срок каждая национальная группа обзаводится своими общественными структурами, которые собираются в кафе и ресторанах с такими красноречивыми названиями, как "Донская волна" или "Крым", явно принадлежащие казакам, или "Славянский базар" (облюбованный монархистами), или "Маяк", "Харьков" и ресторан Волкова, который с удовольствием описал Шарль Ледре:

> "В конце узкой улочки находится ресторан "Волков", занимающий и соседнее здание. Это самый популярный здесь ресторан. Пока я усаживаюсь за маленький столик, сын хозяина сообщает мне, что в ресторане ежедневно бывает по пятьсот человек.
>
> - И чем же вы потчуете своих пансионеров? - спрашиваю я.
>
> - Да они не все у нас пансионеры. Многие приходят к нам дважды в день: в полдень и вечером. А другие предпочитают разнообразие: сегодня придут, а завтра - нет. Но я могу назвать вам почти всех, кто обедает у нас регулярно. Мы подаем им суп и мясо на пять франков. Они могут заказать и что-нибудь еще. В любом случае обед обходится не намного дороже пяти франков. От зарплаты, что они получают на заводе, у них остаются кое-какие карманные деньги."

Не удивительно, что в 1927-1930 гг. русским рабочим

не до политики - их гораздо больше тревожат экономический спад, угроза безработицы, все новые дискриминационные меры, направленные против иностранцев: Раймон Пуанкаре первым заявил о необходимости приостановить приток иностранных рабочих, потребность в которых уже отпала. Официальное признание Францией Советского Союза только ухудшило положение русских беженцев. 5 октября 1926 года французское правительство подписывает циркуляр, согласно которому оно "*гарантирует иностранцам свободу и безопасность во время их пребывания на французской территории, но требует воздерживаться от любой агитации, угрожающей общественному порядку и спокойствию. Кроме того, иностранцы обязаны неукоснительно соблюдать государственные законы Французского государства*". Так что русские эмигранты, если не хотят потерять работу и быть высланными из страны, должны вести себя "*тише воды, ниже травы*", тем более что они лишились последней надежды возвратиться на "родину-мать". Ведь вопреки оптимистическим пророчествам русских политиков-изгнанников, которые провозглашали скорое падение советского режима, этот строй лишь укрепляется, и отказ от НЭПа совпадает с самоизоляцией СССР от остального мира и прекращением контактов с эмиграцией - вот каким финалом завершаются для беженцев годы бесплодного ожидания.

И русским эмигрантам ничего не остается, как вживаться в приютившую их страну и обустраивать все стороны своего бытия. В эти годы двумя важными центрами, вокруг которых развивается общественная жизнь русской колонии, становятся православная Церковь в Биянкуре и Русская гимназия в Булони. Благодаря этой гимназии образование получают не только дети, но и взрослые рабочие-эмигранты : в ее новом здании в 1925

году открывается Русский Коммерческий институт, существующий на пожертвования различных ассоциаций и Земгора и предназначенный молодым людям, которые днем работают, а вечером изучают здесь коммерцию, политэкономию, географию, юридическое право, иностранные языки. Курс рассчитан на два года, по завершению которого учащиеся сдают экзамен. Во время учебного года учащиеся ежемесячно вносят небольшую плату, которая покрывает лишь малую часть затрат, необходимых для содержания института.

В десятилетие, предшествовавшее войне, в среде эмигрантов проявляется тенденция к самоопределению и объединению по национальному или территориальному признаку: 18 ноября 1933 года казаки созывают большое собрание, чтобы создать одну общую станицу для донских, терских и кубанских казаков, и выбирают атамана. Спустя два года в свидетельствах того времени уже упоминается общая для всех казаков касса взаимопомощи. Всевозможные группировки и ассоциации, возникшие у эмигрантского населения, в конце концов сливаются в Объединение русских эмигрантов Биянкура, которое развивает бурную активность. Оно информирует своих членов об их правах и обязанностях во всем, что касается военной службы, социального обеспечения, медицинского обслуживания и прочих сфер жизни. Эта ассоциация помогает своим соотечественникам ориентироваться в лабиринтах французского законодательства и обрести свое место в обществе. Но невозможно жить в чужой стране и при этом не общаться с "местным населением", сближение с которым началось благодаря первому и очень успешному "франко-русскому балу", состоявшемуся 15 января 1928 года в зале "Метрополь".

Культурная жизнь русских биянкурцев бьет ключом: из Парижа к ним приезжают лучшие русские артисты,

певец Александр Вертинский, солист цыганского кабаре Юрий Морфесси (они выступают в "Артистик Палас", 5, улица Сольферино). Перед ними читает стихи поэт-символист Константин Бальмонт. В 1929 году знаменитое кабаре Балиева "Летучая мышь" дает представление в ресторане "Медведь". И в том же году в Биянкуре рождается свой русский театр. Балы, спектакли, представления, балеты, всевозможные концерты, в том числе и казацкого хора - новый русский пролетариат, несмотря на все трудности и неуверенность в завтрашнем дне, не может жить без культуры. В 1931 году здесь начинается большой цикл постановок из русской классики, которые знакомят русских рабочих с их национальным театром.

На улице Насьональ эмигранты открывают и свой книжный магазин под названием "Офеня".

Бурная общественная и культурная жизнь русской эмиграции, дававшая возможности проявиться и расцвести многим талантам, совершенно не соответствует обедненному представлению об эмиграции как о сугубо замкнутом в себе мирке, которое навязывают нам отдельные мемуаристы.

Когда кризис добирается и до Биянкура, русские эмигранты, чтобы помочь безработным, организуют благотворительные вечера и спектакли, а общества взаимопомощи действуют заодно с профессиональными и кооперативными союзами.

В 1937 году, несмотря на все трудности, русское сообщество дружно, вдохновенно и очень достойно отмечает столетие со дня гибели Пушкина. Пушкинский юбилей служит русским изгнанникам замечательным поводом подчеркнуть свою культурную идентичность и верность одному из основополагающих мифов о национальном сознании Зарубежной России.

Близится вторая мировая война, и с ее началом

угаснет насыщенная культурными событиями общественная жизнь русской эмиграции. Разразившаяся война принесет каждому из эмигрантов свои испытания и злоключения. Некоторые представители парижской литературной и художнической элиты (у кого есть связи и средства), собирают чемоданы и пускаются через океан, в новые странствия. Русский безденежный пролетариат Биянкура остается на месте и вместе с французами переживает все тяготы и унижение оккупации, в том числе и затяжные бомбардировки (в марте 1942 и апреле и октябре 1943 гг.), которым подвергался этот пригород.

Сегодня в Биянкуре русских сменили жители Магриба, которых Рено в массовом порядке навербовал после войны. Как и в прежние времена, каждое воскресное утро, на площади Жюль-Гед неизменно собираются эмигранты (только мужчины), которые разбиваются на маленькие группки и о чем-то спорят перед участком земли, принадлежавшем в прошлом Волкову, но уже на другом языке.

Цеха пустуют, завод переехал во Флен. Вокруг площадки, где высились павильоны киностудии, сгоревшие два года назад, разросся кустарник. И только сохранившееся по сей день большое кафе "О Стюдьо" напоминает о былой кипучей жизни.

"Биянкур - мертвый город", - говорит мне встретившийся по дороге француз-пенсионер, который спешит на улицу Сольферино, где он каждый вечер встречается с такими же, как он, бывшими рабочими завода Рено, чтобы вспомнить доброе старое время, когда вечером после рабочего дня на улицы городка выплескивались 40 000 рабочих. "Вот это была жизнь, на каждом шагу - рестораны, кафе. А теперь - все закрыто!", - сетует старый рабочий. Этому свидетелю расцвета и упадка Биян-

12 – 1500

кура не довелось встречаться с русскими на заводе, но он знает, что на соседней улице есть "русская" церковь.

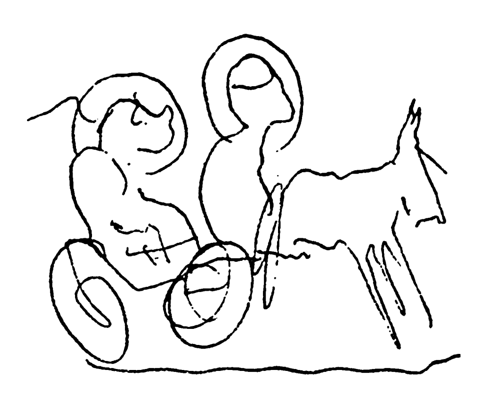
Заглянем же на соседнюю улицу и за дверью, открытой только по выходным дням, обнаружим коридор, ведущий во двор, который не видно с улицы. Здесь, зажатая со всех сторон новыми зданиями, стоит церковь Св. Николая Чудотворца, которая пострадала во время бомбардировок, но была восстановлена. Богослужения совершаются только вечером в субботу и по воскресным утрам. На них собирается дюжина верующих женщин, в основном приехавших сюда уже после войны. Хором руководит сын Петра Спасского, который был регентом хора в этой же церкви до 1947 года. После службы все собираются у кого-нибудь дома, чтобы вместе почаевничать и поговорить по-русски.

А совсем рядом, по соседству, покоится цвет русской эмиграции, создававшей русскую колонию в "Биянкурске": семья Волковых, русские генералы и казацкие атаманы. Целый лес православных крестов (от которых несколько отличаются могилы украинцев), занимает 5-й и 6-й ряды русского кладбища, расположившегося на берегу Сены. Среди тех, кто обрел здесь последний приют, почти нет представителей второго поколения: дети русских рабочих не хотели идти на завод - они старались вырваться из Биянкура и перебраться в Париж. Те, кому это удавалось, шли в таксисты - в довоенные годы это считалось большой удачей.

Такси: миф и реальность

Лети, кибитка удалая! Шофер поет на облучке, уж летней свежестью блистает пустой бульвар, сходя к реке.
Ах, лети, лети. шоферская конница, рано на рассвете, когда так ярки и чисты улицы, когда сердце так молодо и весело, хотя и на самой границе тоски и изнеможения.

Б.Поплавский

Жизнь на колесах.

Русские таксисты в мирные годы между двумя войнами становятся такими же парижскими "типами", как уличные художники, облюбовавшие Монмартр, и непременные консьержки, без которых немыслим Париж. С парижских улиц русские таксисты незамедлительно перекочевывают в вокзальные романы и в кино, представая там в обличии разоренных аристократов или великих князей, изгнанных из своих родовых имений революцией и бородатыми мужиками, которых они секли кнутом и заставляли гнуть на себя спину. Так на парижской мостовой родился еще один миф - о русских князьях-таксистах...

Приключения одного странника

Мой отец входил в число тех полутора тысячи русских таксистов, которые еще бороздили парижские улицы после второй мировой войны, и все мое раннее детство я

только и слышала, что рассказы о том, как таксисты "охотятся" за клиентами, как те стараются не давать чаевые или расплачиваются крупной купюрой, а это, как говорил отец, тоже чревато излишними хлопотами: "В начале дня, когда в кармане еще ни копейки, приходится обежать несколько лавок, пока, наконец, удастся разменять деньги, а недовольный клиент той порой прямо-таки выходит из себя..." Самое неприятное случалось, когда клиент забывал в машине свои вещи. В этом случае нужно было тащиться на улицу Морийон, чтобы сдать их в Бюро забытых вещей, терять драгоценное время после рабочего дня, заполнять кучу деклараций. Еще хорошо, если на забытом пакете значился адрес и водитель мог по пути доставить его прямо хозяину, но и тут не обходилось без неприятных сюрпризов: "Подумай только, я разыскал эту буржуазку и столько проехал, чтобы вручить ей ее пакет, а она выслала ко мне горничную и даже не отблагодарила меня..."

Жизненный путь моего отца очень типичен для большинства его собратьев по изгнанию. Он жил в Киеве и был еще школьником, когда в ноябре 1918 года записывается в "студенческую дружину" и спустя месяц защищает город от петлюровских банд. Петлюровцы арестовывают моего отца и вместе с товарищами по дружине запирают в Педагогическом музее. Всего туда посадили 2 000 с лишним юношей и подростков. Там арестованных начинают сортировать, заставляя выходить вперед генералов, офицеров, украинцев. Затем до оставшейся кучки арестованных долетает нелепый слух, что их будут вывозить в Германию. Зачем? Почему? Слух кажется таким невероятным, что ему никто не верит. Тем не менее их действительно погружают в вагоны и везут в Германию. Так они оказываются в лагере для военнопленных - оборванные, изголодавшиеся и оплакивающие родину,

которая вышвырнула их на чужбину. И только позже эти юноши поймут, что вывезшие их из Киева немецкие солдаты-оккупанты спасли их от массового уничтожения.

Эти драматические дни, когда юнкера, студенты и школьники, без всякой военной подготовки, преданные и брошенные на произвол судьбы всеми властями и военачальниками, погибали на подступах к Киеву, и послужили темой для знаменитого романа, а затем пьесы Михаила Булгакова "Белая гвардия".

Роман Гуль, который был молодым офицером и также находился среди защитников Киева, в своих воспоминаниях и в книге под названием "Киевская эпопея" (опубликованной И.Гессеном в "Архиве русской революции" в 1921 году) правдиво запечатлел ту чудовищную сумятицу и неразбериху, которая царила в рядах защитников Киева, когда не только рядовые солдаты и дружинники, но и полковники не знали, куда следует двигаться и где находится противник.

А что же было дальше с моим отцом? Когда он попал в Германию, в лагерь для военнопленных, ему было всего четырнадцать с половиной лет (чтобы записаться в "студенческую дружину", он прибавил себе три года). Из Германии его эвакуируют в Англию, где он проходит военную подготовку. Затем вместе с армией генерала Миллера он высаживается в Архангельске. После нескольких боев за проявленное мужество его награждают Георгиевским крестом и присваивают звание лейтенанта. Ну, а потом - отступление в Норвегию, нелегкий путь через всю Европу, чтобы обрести приют в нищей Югославии.

Здесь первое время он, вместе с тюремными заключенными, строит дороги и осваивает местный язык, а по вечерам ходит на курсы. Получив диплом, он устраивается на должность телеграфиста в Далмации, на побере-

жье Адриатического моря. Благодаря своим способностям к языкам он безболезненно адаптируется к жизни в приютившей его стране. Но это не помогает решить самую главную - финансовую - проблему: заплатив за комнату, на оставшиеся деньги он может купить себе только буханку хлеба и килограмм помидор. Для такого маленького служащего, как он, живущего без помощи родителей, даже новая пара ботинок вырастает в несбыточную мечту. По ночам ему снятся целые блюда пирожков и горы итальянских спагетти... И вот однажды мой отец покидает Югославию, где в Сараево у него остается старший брат, преподаватель латыни и греческого. Отец пешком, пережив множество приключений, добирается до Франции, но туда его соглашаются впустить только при условии, если он на два года завербуется на металлургические заводы в Нормандии - сначала в Серифонтене, а затем в Жизоре. И ему ничего не остается, как согласиться.

Условия жизни его ожидают просто каторжные. Рабочие, в основном поляки и русские (бывшие солдаты и офицеры белых армий), спят в голых деревянных бараках и получают нищенскую зарплату. Полька, нанявшаяся сюда поварихой, дважды в день подает им всегда одно и то же: тарелку бобов и кусок хлеба. По воскресеньям поляки напиваются спиртом, разбавленным водой, а затем дерутся, нередко пуская в ход ножи.

Работа на этих заводах изнурительная и опасная. Даже в лагере для военнопленных в Германии моему отцу жилось легче, чем здесь. Там русские были среди своих, русских, и немцы не заставляли работать. Как только заканчивается срок контракта, отец уезжает в Париж, где зарабатывает на жизнь тем, что разгружает вагоны на вокзале Сен-Лазар, а по вечерам учится на шофера такси. Он хорошо говорит по-французски, и ему не сложно

сдать экзамен на получение водительских прав. Но большой загадкой осталось, каким образом преодолели этот барьер его товарищи, которые, даже проведя сорок лет за баранкой, так и не научились изъясняться ни на каком другом языке, кроме родного. Ухитрился прожить без французского и мой крестный, М.М.Емельянов, который проработал водителем до самой смерти - даже будучи на пенсии, он уже в восьмидесятые годы, чтобы "не отвыкнуть от руля", с удовольствием возил художника Андрея Ланского.

Спасительная профессия

В довоенные годы выбиться в таксисты мечтали все русские эмигранты, которые работали в заводских цехах. Многим хотелось также вырваться из маленьких провинциальных городков в Париж, столицу русской диаспоры, где можно было встретить друзей и знакомых, где уже существовала хорошо отлаженная система взаимоподдержки. В русской колонии всячески помогали приобщиться к профессии таксиста: организовывали вечерние курсы для желающих получить права, издавали учебники на русском языке (как рассказывается в книге Е.Гусевой). Для многих молодых русских эмигрантов, которые, не успев получить образование и профессию, оказались сначала втянутыми в войну, а затем очутились в изгнании, профессия таксиста была единственной возможностью добиться хоть какого-то социального положения. Эта профессия позволяла также сохранять определенную независимость и даже свободу: хозяин над душой не стоит (хотя бы во время работы), рабочие часы можно выбирать по своему желанию, и весь Париж твой - осваивай и "колонизуй" его, как хочешь. К тому же профессия таксиста открывает неограниченные возмож-

ности для общения и знакомства с французами из самых разных слоев.

В большинстве своем ряды парижских таксистов пополняют молодые русские офицеры и солдаты, уроженцы южных районов России, разоренных гражданской войной. Некоторые из них надеются использовать эту профессию как ступень для получения другой профессии, и кому-то из этих молодых людей удастся получить образование и подыскать работу, более отвечающую их наклонностям.

Все это, по-видимому, объясняет довольно однородный состав русской таксистской братии: в основном это были люди примерно одного возраста, со средним или высшим образованием, многие в недавнем прошлом были офицерами Добровольческой армии. Встречаясь с оставшимися во Франции солдатами экспедиционного корпуса, они из солидарности приобщали их к уже освоенной ими профессии. Хотя и у молодых эмигрантов, по примеру "старших", существовал, конечно, беспроволочный телеграф и обмен полезной информацией. Мне в детстве довелось знать одного такого "старого" эмигранта, моряка, по имени Константин Устименко, который прибыл когда-то во Францию в составе Русского экспедиционного корпуса и находился на ее территории во время войны 1914-1918 гг. В Россию бывший моряк вернуться уже не мог. Оставшись в Париже, он начал работать таксистом на стареньком Рено Ж7. Компания уже существовала и ее гараж находился в Леваллуа-Пере.

В этих старых моделях Рено крыша защищала от дождя только пассажиров, но не водителя, и французская жена Константина Устименко (которая была моей крестной) ласково называла своего осевшего на парижской земле мужа-моряка: "мой кучер".

Чтобы получить доступ к мирной шоферской профес-

сии, русским офицерам необходимо было выиграть не одно "сражение": требовалось зарегистрироваться в префектуре и добиться вида на жительство и права на работу, сдать экзамены на водительские права и каждые два года обновлять эти права, что было невозможно без полного медицинского обследования. Даже если удавалось преодолеть все эти барьеры, самое трудное оставалось впереди: нужно было найти хозяина. Владельцы больших гаражей, заботившиеся о своей репутации и старавшиеся угодить клиентам, предъявляли очень высокие требования к водителям, которым сдавали в аренду автомобили. Вот тут-то и выручали русских эмигрантов их хорошие манеры и воспитание, которые очень импонировали французским хозяевам. Они знали, что на русских шоферов можно положиться.

Заполучив место, водитель брал в пользование машину, на которой он ездил посменно еще с двумя водителями. Смену можно было выбирать по своему вкусу. Если шофер предпочитал работать в дневные часы, он начинал рано утром и обязан был вернуться в гараж до восьми вечера (чтобы помыть, проверить машину и заправить ее горючим для сменщика). Если он предпочитал ненормированный рабочий день, у него был более свободный распорядок. Практиковалась еще и ночная смена, особенно в маленьких гаражах, где бывало всего по две-три машины и где царил закон джунглей.

Работая на Рено Ж7, шофер платил за аренду машины 60 франков в день (для сравнения: домработница, работавшая на своих хозяев от зари до зари, получала 300 франков в месяц). Шофер обязан был также сам оплачивать горючее, за свой счет страховать и чинить машину. Чтобы вернуть свои деньги, шоферу приходилось работать не менее двенадцати часов в день и при этом не простаивать зря и не ездить порожняком. Частые и короткие рейсы с чаевыми

были выгоднее длинных маршрутов. Чтобы зарабатывать приличные деньги, требовались крепкое здоровье, выносливость и умение работать локтями, которых часто не хватало "белым русским". Да и прожить легче было в одиночку, а не с семьей, полной ртов.

Моя мать по сей день не забыла эти годы и вот что она рассказывает:

> "В компании Ж7, да и в другой (где тоже были желтые машины), очень любили русских: они всегда доставляли забытые в машине вещи, и на них никто не жаловался. К тому же они умели писать, а далеко не все французы могли этим похвастаться в те времена. Да и клиенты предпочитали русских шоферов - учтивых и честных. А еще им нравилось, что русские не требовали чаевых. За рулем работали бывшие адвокаты, прокуроры, врачи. Наш друг Саша Градов, редкостной души человек, был бывшим военным атташе посольства России в Париже. Он был необыкновенно образованным человеком и говорил на пяти языках. Так вот ему тоже пришлось сесть за руль, как и другим. Только когда он умер, французское правительство вспомнило о нем и послало на его похороны своих министров. А когда он болел, то его жена избегала весь Париж, пока, наконец отыскала госпиталь, который согласился его принять. Но большинство таксистов были офицерами, и не все они были дворянами, как это принято считать. Много среди них попадалось и казаков, тоже вчерашних офицеров - ведь у них были свои воинские подразделения.
>
> Заработки таксистов зависели от многих внешних причин, такси было прямо-таки барометром политической и экономической жизни: если в Париже происходило какое-то политическое или культурное событие, например, международная выставка, то и заработки таксистов повышались. В то время еще ни у кого не было частных машин. Богатые женщины ездили на такси за покупками, люди много развлекались и выезжали в театры,

кино, рестораны и даже на аперитив приглашали друзей не домой, а в кафе на бульварах. Вечером после спектаклей и развлечений тоже возвращались на такси. Но как только жизнь становилась труднее, то и таксисты теряли заработки. А сколько было "зайцев", которые нанимали такси и объезжали на нем полгорода, а потом сбегали не заплатив! Так что шоферам нужно было вкалывать и вкалывать, чтобы оплатить аренду машины и свести концы с концами. Поэтому некоторые старались брать пассажиров где придется (а не только на стоянках), хотя это было запрещено. 1934-1936 годы были просто ужасными. В 1935 году шоферы даже устроили забастовку, чтобы добиться гарантированной минимальной зарплаты. С приходом Блюма цены снизились, это был рай - для тех, у кого была работа.

В 1938 году, после принятия социальных законов, владельцы гаражей Ж7 подписали определенные соглашения с водителями. Они обязывались уважать и соблюдать законы, а шоферы получали право на минимальный заработок и часть выручки. Но при условии выполнения определенной нормы. У русских таксистов то и дело возникали конфликты с французскими шоферами, которые до этого были извозчиками и разъезжали на фиакрах. Родом они чаще всего бывали из деревни и культурой не отличались. И если возникала какая-нибудь проблема, то они всегда выступали против русских таксистов. Например, однажды на машину твоего отца наехал автобус, и хотя невиновность твоего отца была совершенно очевидна, все шоферы-французы набросились на него с упреками и обвинениями. А когда он пытался возразить, то услышал: "Ты сам во всем виноват! Сидел бы в своей Москве, так ничего бы с тобой и не стряслось!"

Так что миф, возникший вокруг русских таксистов, которые все без исключения слыли разорившимися князьями, располагал к ним клиентов-буржуа, но в периоды социальных обострений оборачивался против русских.

Как уже говорилось, до 1938 года с водителями даже не заключали никаких контрактов. В 1931 году в Париже было 20 000 такси, а к 1936 году их было уже только 14 000. Но число русских таксистов при этом за десять лет (с 1926 по 1936 год) удвоилось, что и объясняет враждебное отношение к ним французских водителей.

Начиная с 1938 года профессия таксистов "нормализуется": фирмы обязаны заключать с ними договора, у шоферов появляются определенные права, но они уже не могут свободно распоряжаться своим рабочим днем, и пассажиров позволяется сажать только в пределах 50 метров от стоянки.

К повседневным трудностям добавляется страх потерять работу или попасть в аварию. Константин Устименко, о котором я рассказывала выше, работал по ночам. Однажды он заснул за рулем и врезался в освещенный дорожный знак. Его доставили в госпиталь Божон, где он и скончался после долгой и мучительной агонии.

Журналист Андрей Седых сохранил для потомков несколько историй русских горе-водителей, которые против собственной воли стали убийцами. Напомню одну такую историю из книги "Люди за бортом":

> "Купил Н. по случаю машину. Дешево заплатил, всего 4 000 франков. Ухлопал на покупку все свои сбережения, но горд был и счастлив бесконечно. Собственник. Сам себе хозяин. Хорошо!
>
> Отправился Н. к страховому агенту, выполнил все формальности, заплатил сполна, что следовало, и получил полис: "Эх, сегодня уж работать не буду! Съезжу лучше к приятелю, покажу ему мою тачанку и вспрыснем мы ее на радостях".
>
> Поехал к приятелю и по дороге размечтался... И, размечтавшись, на авеню дю Мен раздавил насмерть человека, отца пятерых детей...

Суд приговорил шофера к уплате семье покойного 120 000 франков. К счастью, "тачанка" была уже застрахована. А случись "аксидан" на час раньше - попал бы человек на всю жизнь в кабалу.

Разные бывают причины несчастных случаев. Иной раз пешеход заглядится по сторонам, а то шофер слишком гонит машину... "И какой же русский не любит быстрой езды?" - философски заключает эту историю Андрей Седых.

Чтобы преуспеть, работая таксистом, нужно уметь ловчить. Чаще всего это удается казакам, которые не предаются по любому поводу сантиментам, а твердо добиваются своей цели: жениться, приобрести собственную машину, или ресторан, или клочок земли под Парижем. Благодаря им и возникает "зеленый пояс" мелких фермерских хозяйств, которые снабжают парижские рестораны, магазины и русские дома-интернаты для престарелых овощами, птицей, маринованными огурцами и сметаной...

Если шофер хочет накопить деньжат, лучше работать по ночам: клиентов меньше, зато тариф двойной. К тому же можно договориться с ночными посыльными и портье ресторанов и отелей, которые платят шоферу процент за каждого доставленного им гостя. Главное - "охмурить" загулявшего иностранца, чтобы он доверился водителю, который отвезет его в хорошее место. И важно не упустить момента и оказаться под рукой, когда его подзовет ночной портье. Это был настоящий клан, в котором все роли уже давно распределены, у каждого - своя территория, и конкуренты со стороны не допускаются...

Шоферский фольклор

Какие только байки и анекдоты не рассказывали о русских таксистах в шоферских бистро XV квартала!

Поговаривали, что некоторые ночные таксисты со спокойной совестью очищали карманы своих пьяненьких пассажиров, а то и уезжали с их чемоданами, бросив их самих на тротуаре. Особенно прославился такого рода подвигами Вовка-казак, который сумел заработать столько денег, что даже вставил себе золотые зубы. И благодаря этому получил новое прозвище: Вовка-золотые зубы. Моему отцу довелось встречаться с этим легендарным персонажем, которого взрастила парижская мостовая.

Но несмотря на подобных "героев", русские таксисты славились своей безупречной честностью.

Что же до шоферских баек и анекдотов, то они циркулировали от одной стоянки к другой, обрастая при этом все новыми подробностями и обретая эпический размах. Так у русских таксистов возникла своя мифология, от которой сегодня мало что сохранилось. Хотя что-то еще могут рассказать последние живые представители этой профессии, а что-то успели запечатлеть в своих книгах писатели "младшего" поколения - хроникеры жизни русских изгнанников на чужбине.

Во всех этих шоферских историях неизменно обыгрываются три основные темы: неожиданная встреча, которая полностью меняет жизнь героя (например, клиент оказывается кузеном, который разбогател в Аргентине, или, напротив, попадается такой бедняк, который приносит таксисту сплошные неприятности); вечная погоня за счастьем (возвышенная мечта заполучить "идеальную невесту", или хотя бы новую машину или собственный клочок земли); и, наконец, сражения с властями (префектурой, полицией, хозяином гаража), из которых герой выходит, конечно, победителем, как Иванушка в русских народных сказках.

В романе Бориса Поплавского "Аполлон Безобразов"

таксист рассказывает, как целый час возил клиента, а когда потребовал оплаты, то тот "русским голосом отвечает: "Я, братишечка, вовсе застрелиться хочу, да все духу не хватает"... Плачет, и револьвер при нем. Ну, я, значит, револьвер арестовал, а его в бистро. Ну, значит, выпили, то-другое, о Бизерте поговорили. Он, оказывается, наш подводник с "Тюленя", то-другое. Опять за машину не заплатил".

А в ответ на эту историю собеседник таксиста рассказывает о друге-шофере, которого "бумаг лишили за то, что жулика одного пожалел. От полиции его повез, ну и въехал в ассенизацию.

- Жулика, конечно, каждому русскому жалко. Все мы жулики."

У Андрея Седых жизнь вынуждает юную героиню стать проституткой, но от падения ее спасает русский шофер. У него же клиент, которого несколько дней возил русский шофер, кончает жизнь самоубийством, не успев оплатить счет таксиста, но оставляет для него в отеле конверт с большой суммой денег (это был, конечно, богатый американец).

Это устное коллективное творчество помогает залечивать травмы, нанесенные гражданской войной и жизнью на чужбине, и одновременно скрашивает долгие часы, проводимые "в ожидании клиента", особенно в ночную пору, когда шофер остается один на один с собой в своем домике на колесах. Каждый будет по-своему мифологизировать собственное прошлое (счастливое детство, героическую эпопею гражданской войны), мучительное чувство вины (за поражение и вынужденное расставание с родиной) или гневное осуждение этого "гнилого Запада, где все не так, как у нас, и где нам пришлось стать пролетариями".

Кому только из русских изгнанников не довелось по-

13 – 1500

крутить баранку в роли парижского таксиста! Шофером работал фашиствующий глава партии младороссов А.Казем-бек. Не один год колесил по ночному Парижу писатель "младшего поколения" Гайто Газданов - который одним из первых русских художников слова начал писать не о прошлом, оставленном в покинутой России, а об окружавшей его живой французской реальности. Его роман "Ночные дороги" - это настоящая поэма о ночном Париже и бездонный кладезь всевозможных историй и неожиданных встреч, которые уготовила писателю его эмигрантская судьба и шоферская профессия. А сколько разочарований и неприятных уроков преподнесла ему эта работа ! Приведу хотя бы один эпизод из его "Ночных дорог":

> "Я помню, как в начале шоферской работы я остановился однажды у тротуара, привлеченный стонами довольно приличной дамы лет тридцати пяти с распухшим лицом, она стояла, прислонившись к тротуарной тумбе, стонала и делала мне знаки; когда я подъехал, она попросила меня прерывающимся голосом отвезти ее в госпиталь; у нее была сломана нога. Я поднял ее и уложил в автомобиль; но когда мы приехали, она отказалась мне платить и заявила вышедшему человеку в белом халате, что я своим автомобилем сбил ее и что, падая, она сломала ногу. И я не только не получил денег, но еще и рисковал быть обвиненным в том, что называется невольным убийством. К счастью, человек в белом халате отнесся к ее словам скептически, и я поспешил уехать".

Не все русские таксисты были писателями, но многие из них были талантливейшими рассказчиками, верными традиции устного рассказа или сказа, которая еще существовала в России, особенно в ее южных краях, откуда они в большинстве своем были родом. Свои шоферские истории и сюжеты им не нужно было придумывать, они

черпали их из своего богатейшего жизненного опыта.

Но дома, в кругу семьи, они говорили совсем о другом, и чаще всего - о гражданской войне, память о которой еще слишком мучила этих вчерашних солдат и офицеров. Эти домашние рассказы и воспоминания об участии в гражданской войне, о странствиях в поисках "второй родины" и о "ночных дорогах" никто не записывал, чтобы донести до нас этот пласт коллективной памяти, который сейчас уже невозможно восстановить.

Маргиналы

Как и в любой профессии, среди таксистов тоже есть свои маргиналы, свои неудачники. С годами вконец истаивает надежда выбиться наверх или вернуться в Россию, и кто-то полностью сдается беспросветной нужде, а кто-то заливает тоску водкой.

Подобное "дно" открывает Роман Гуль, когда в 1933 году ему удается спастись из нацистского лагеря в Германии и перебраться в незнакомый ему Париж. Здесь приют ему оказывает шофер такси, пригласивший Гуля разделить свою комнатушку в зловонном отельчике под названием "Ли д'Ор" ("Золотая лилия") на узкой и грязной улице "старого" Парижа, где жили арабы и русские эмигранты-шоферы. Вот как рассказывает об этом Роман Гуль в книге "Я унес Россию":

> "Я был благодарен Жоржу Леонтьеву не только "за приют", но и за то, что он открыл мне мир русского шоферского Парижа. Когда поздно вечером мы шли обедать, моим Вергилием был Жорж. Вокруг Ля Мотт-Пике в дешевых русских ресторанах и в грязноватых "бистро" сходилась русско-шоферская братия. Тут больше пили, чем ели. Пили много потому, что "замело тебя снегом, Россия..." И эту трагедию "заливали

пинаром". Конечно, не все русские шоферы пили вмертвую. Многие жили семейной жизнью. Многие выбились из шоферства, войдя во французскую жизнь, многие скопили деньги, купили свои машины. Из шоферов вышел талантливый писатель Георгий Газданов... и др. Многие, как следует, встали на ноги. Но Жорж-то показал мне тот русско-шоферский мир, который, пия, шел ко дну, не хотя никуда "выбиваться"...

Жорж был из хорошей, военной семьи. Отец - кадровый офицер, близкий родственник генерала Ставки Ю.Данилова. По молодости лет в гражданскую войну Жорж попал с гимназической скамьи - вольнопером. А в Париже перед собой ничего кроме шоферства не видел. Собутыльниками Жоржа были и кадровые офицеры, и военного времени, все, кто, потеряв родную почву, не могли и не хотели " в этой растреклятой Франции" куда-то "выбиваться". Вот и "пили"...

Позже кто-то из этих "потерянных детей" былой России, не расставшихся с мечтой о спасительном бегстве от беспросветной жизни, в погоне за новым призраком свободы отправится в Испанию, чтобы воевать на стороне франкистов. А кто-то закончит жизнь в богадельне или на больничной койке. Или - еще более трагично, как "заслуженный боевой кавалерист Бухарин из очень хорошей семьи", который, как рассказывает Роман Гуль, допился до того, что дошел уже до невменяемого состояния и в жалких ресторанчиках для шоферской бедноты мог произнести только одну-единственную фразу: "Господину офицеру стакан красного вина!" И умер этот заброшенный на чужбину "ротмистр Бухарин страшно".

Таксисты организуются

Отстаивать свои права в одиночку было, естественно, невозможно, и в 1926 году русские таксисты создают

Объединенный союз русских шоферов. Для руководства этим Союзом таксисты выбирают правление, в которое входят самые образованные и многоопытные люди: председатель - бывший прокурор, заместитель председателя - бывший адвокат, генеральный секретарь - бывший следователь, помощник генерального секретаря - бывший капитан Добровольческой армии, казначей - бывший нотариус и помощник казначея - бывший полковник. Новорожденный профсоюз проводит свои заседания на улице Фондари, в ресторане "Якорь" князя Репнина, который охотно открывает его залы для своих соотечественников.

Определенной части русских таксистов этот профсоюз представляется чересчур правым, и они группируются вокруг Союза шоферов и рабочих автозаводов. Подобное существование в одной профессиональной среде двух схожих по своим задачам организаций было очень типично для русской эмиграции, разделенной на правых и левых. В общей сложности в эти две профсоюзные организации вступают 3 156 русских шоферов такси (из них 1 481 работают в Париже, а остальные - в пригородах). Таким образом, создается русская профессиональная корпорация. "Наш союз - это профсоюз, который мы создали, потому что не хотим вступать в коммунистические организации или прочие организации, призывающие к классовой войне. Объединенный союз - это профессиональная организация... со своим юристом, комиссией по спорным вопросам, адвокатом и врачом. Союз открыл курсы усовершенствования по теории и практике автомобильного дела для водителей", старается приобщать к шоферской профессии новых людей и помогает им приобрести собственную машину.

Вторая шоферская ассоциация также заботится о сво-

их членах и ежегодно в мае проводит День русского шофера, чтобы собрать средства для различных социальных нужд. Члены Союза и их дети вместе собираются вокруг новогодней елки, а для взрослых устраивается еще и новогодний бал. Очевидцы вспоминают, что в 1932 году на традиционном шоферском балу пели Вертинский, Плевицкая (которая позже будет осуждена за то, что вместе со своим мужем генералом Скоблиным участвовала в похищении генерала Миллера) и бас русской оперы... В 30-е годы в XV квартале появится и Общество взаимопомощи русских шоферов.

Именно здесь, в XV квартале, по соседству с гаражами и автозаводами, в дешевых отелях и меблированных комнатах живет в основном "новый русский пролетариат", составляющий 10% местного населения. Но русские освоили и другие районы: XVII квартал, Клиши... В каждом квартале жизнь приобретает все более организованные формы. В 1933 году в Клиши русские прихожане совместными усилиями превращают в церковь часть помещения протестантской школы. И уже в самом скором времени отремонтированная и украшенная иконами православная церковь открывает двери перед верующими, а православный приход организует трех-четырехдневные конференции, на которые собирается до сотни прихожан, чтобы принять участие в обсуждении таких проблем, как "значение молитвы" или "религиозная жизнь русской эмиграции".

Настоящей достопримечательностью была здесь и бакалейная лавка Артема (Артура) Казака, где торговали всеми лучшими русскими товарами. В задней части лавки было кафе и там обедали казаки-шоферы.

Здесь, в Клиши, есть и своя русская школа, и концертный зал, где помимо спектаклей и концертов проводятся собрания. В этом зале читает свои лекции по фи-

лософии и мой дядя - Петр Самарский, принявший этот псевдоним во время своей подпольной революционной деятельности. Затем этот бывший народник и большевик перейдет в оппозицию к ленинскому режиму и в конце концов окажется в эмиграции.

В более поздние годы на этой же сцене будут танцевать и играть в спектаклях юные сестры Поляковы: будущие актрисы Марина Влади, Одиль Версуа, Элен Валье и танцовщица Ольга Байдарова-Полякова.

В книге воспоминаний о своей семье, которую много лет спустя написали четыре сестры Поляковы и назвали ее тепло и по-домашнему "Бабушка", есть даже отдельная глава, озаглавленная "Утра в Клиши". В ней рассказывается, как здесь , в этом пригороде, в небольшой тесной квартире ютилась многодетная семья Поляковых, к которым из советской России приезжает бабушка-дворянка, чтобы разделить со своим сыном, невесткой и тогда еще совсем маленькими внучками жизнь в изгнании.

И эта многодетная семья, несмотря на все тяготы и нужду, ухитряется быть счастливой. После того, как супругов-артистов с крошечными дочками не раз выгоняли из отелей за неуплату, маленькая, но отдельная квартирка представляется им настоящим раем. Глава семьи, Владимир Поляков, недавняя звезда русской оперы, исполнявший партию Бориса Годунова во многих столицах мира, поет теперь в хоре местной русской церкви и на добровольных началах ставит на сцене приходского концертного зала замечательные спектакли, в которых участвуют все его обожаемые дочки и их мама, также еще недавно танцевавшая на лучших сценах мира.

Как пишут сестры, природа одарила их отца редкостным даром чувствовать себя счастливым, несмотря на все потери и нужду: годами этот артист, родившийся в

богатой дворянской семье, носил один и тот же потертый костюм, но никогда не жаловался и не унывал, и его дочери навсегда запомнят его юмор, веселые шутки и бесконечную отцовскую нежность.

Самой младшей из сестер, Марине, не пришлось выбирать профессию актрисы: с двух лет она уже выступала на сцене в Клиши, участвуя в спектаклях своего отца. Вот как рассказывают сестры об этих спектаклях:

> "За два месяца до назначенного дня напряжение нарастало: папа заставлял нас много репетировать, сердился, если что-то не получалось, и стекла нашей квартиры на улице д'Альзас дрожали от его мощного голоса. Он был одновременно режиссером, сценографом и звездой. Мама откладывала в сторону соломенные шляпы, которые мастерила, что подзаработать денег, и шила нам костюмы, и ей помогала бабушка, которой наша деятельность казалась аморальной, хотя и довольно интересной. Мы же сцену воспринимали как естественное продолжение нашей домашней обстановки и с нетерпением ждали своего выхода на сцену: мы умели и танцевать, и петь, и декламировать стихи, и уже превосходно чувствовали публику, и даже двухлетняя Элен не выносила, чтобы ей суфлировали".

Своими воспоминаниями об этих спектаклях не менее красочно и эмоционально делится в этой же книге и сама Марина Влади:

> "Я столько раз слышала, как Ольга репетировала при мне свою песню, что в конце концов выучила ее наизусть и стала исполнять ее вместо Ольги. Затем я стала имитировать ее танцевальные номера. Но ей было двенадцать лет, а мне два года! Что мне еще особенно запомнилось от наших выступлений, так это грим моих родителей, наши костюмы, которые масте-

рила сама мама, и приготовленные ею угощения, ожидавшие нас после спектаклей. Я набрасывалась на пирожки, а папа пил водку, ну, конечно, больше, чем надо! Когда я вспоминаю эти спектакли, то вспоминается ощущение праздника, и самое удивительное - как на глазах расцветала мама. Эта мать большого семейства, вечно занятая каторжной работой, с руками, то выпачканными мукой, то набухшими от стирки целых тюков белья и его глажки, вдруг полностью преображалась. Больше всего на свете она любила учить нас танцевать и готовить к спектаклям - она отдавалась этому с полным самозабвением, и мы чувствовали, что она радуется вместе с нами. Наконец, приходил день спектакля, когда она тоже гримировалась и выходила на сцену, чтобы танцевать перед собравшейся публикой. Это был небольшой зал при нашем приходе, где все было сколочено наспех, но талант нашей мамы был все равно очевиден. В эти минуты ее было не узнать: она становилась юной и безмятежной красавицей. А мы завороженно смотрели на преобразившуюся маму. И сейчас, спустя годы, у меня сжимает горло, когда я думаю о том, как пропадал понапрасну ее дар, и о том, что в конце концов весь свой талант, и свою энергию и жизненную силу она вложила в нас, своих дочерей, чтобы вдохнуть в нас жизнь и дать нам воспитание. И она пожертвовала всем ради этого".

Как раз в эти же годы в Клиши жил и Генри Миллер, снимавший комнату на авеню Анатоль-Франса. Чтобы окунуться в атмосферу квартала и реалии того времени, читатель может заглянуть в его повесть "Тихие дни в Клиши".

Оставшись без гроша, писатель всегда умудрялся перехватить деньжат у трех русских друзей - моего отца и его братьев.

Позже, в книге "Биг-Сур и апельсины Иеронима Босха", Генри Миллер расскажет, как уже в послевоенные

годы разыскивал моего отца и дядюшек. Однажды у писателя в гостях был корреспондент известной парижской газеты, которого Миллер знал, когда тот был еще ребенком. Прощаясь перед уходом, этот журналист сказал, что на днях отправляется самолетом во Францию, и поинтересовался, не может ли он чем-нибудь помочь писателю в Париже. И Генри Миллер рассказывает:

> "Ни секуды не колеблясь, я ответил: "Да!" Ведь я ничего не знал о братьях Пашутинских: Евгении, Анатолии и Леонтии - что с ними? Остались ли в живых после войны? Не нуждаются ли они? Эти вопросы мучили меня. И как логическое следствие, возникла мысль - почему бы не разыскать их и не помочь им?
>
> -Послушайте, - сказал я журналисту, - вы можете оказать мне небольшую услугу. Поместите в нескольких парижских газетах объявление о том, что Генри Миллер, автор романа "Тропик Рака", желал бы получить любые сведения о своих друзьях - братьях Пашутинских. И пусть это объявление печатают до тех пор, пока кто-нибудь не откликнется.
>
> И я объяснил ему, как много значили для меня эти три брата и как они помогли мне, когда я попал в переплет и мне было плохо.
>
> Меньше чем через месяц я получил письмо от Евгения, с которым был особенно близок. Он писал, что все трое живы, чувствуют себя прекрасно и ни в чем не нуждаются. Сам же он (Евгений) никак не мог добиться от правительства - опять это проклятое правительство! - назначения пенсии, которая полагалась ему за службу во время войны. Еще он писал, что у него обнаружился туберкулез в начальной стадии, но он надеется, что год-другой в санатории восстановят его здоровье.
>
> Не буду описывать историю с его пенсией, которую он в конце концов получил - история эта совершенно фантастическая, но эпилог достоин рассказа.
>
> В Версале Евгений познакомился с каким-то стариком, кото-

рый хотел продать свой дом в столице, чтобы переехать в провинцию. И если Евгений сумеет найти ему покупателя на версальский дом, старик пообещал отблагодарить его и дать деньги на покупку домика в деревне. А у Евгения была мечта - поселиться в маленькой деревушке на юге Франции под названием Роккор. Евгений понятия не имел, как торгуют недвижимостью, но ему, вероятно, повезло: он сумел откопать покупателя на дом в Версале. Как все дальше развивалось, я не знаю, но в результате он приобрел в деревне Роккор здание заброшенной школы. Это был домина из тринадцати комнат, похожий на старую крепость... Он прислал мне фотографию этой школы, горделиво торчавшей на вершине невысокого холма. Стрелками на фото Евгений обозначил две комнаты, оборудованные для моей жены и меня, и приписал, что эти аппартаменты предназначены только для нас.

Так он дал нам понять, что мы всегда можем рассчитывать на жилье в нашей дорогой и любимой Франции."

Миллер познакомился с нашей семьей, когда мой дядя Евгений работал в кинозале, где играл на пианино (кино было еще немое), а жена его была билетершей и продавала конфеты во время перерывов, когда рвалась пленка или меняли части фильма. Зарплаты у них были ничтожные, питались они очень скромно и варили только борщ на целую неделю, но охотно угощали им всех друзей и знакомых. В этих семейных трапезах не раз участвовал и Генри Миллер. Сохранилась фотография Миллера перед этим кинотеатром, который ныне уже не существует.

А в 1972 году французская пресса опубликует фотоснимок, запечатлевший встречу писателя с братом моего отца, Евгением, с которым, как признает сам писатель, он был наиболее близок, так как в молодости мой дядюшка вел такую же богемную жизнь, что и Миллер.

Но вернемся к житью-бытью русских таксистов в Клиши, где они стараются максимально его организо-

вать. Созданное в 1933 году Объединение русских в Клиши устраивает различные вечера в пользу безработных и всевозможные культурные акции для таксистов, которые вовсе не замыкаются в четырех стенах. Даже не будучи интеллектуалом, русский таксист, как правило, образован и следит за политической жизнью, входит в одну из многочисленных (с годами число их будет убывать) организаций и непременно участвует в культурных событиях, которые помогают эмиграции самоутверждаться в своей национальной принадлежности к великой русской культуре. Такими событиями становятся для таксистов театральные спектакли, поэтические вечера и, конечно, ежегодное празднование дня Пушкина.

Русские писатели-эмигранты доносят до нас множество забавных эпизодов, свидетельствующих о большой начитанности русских таксистов. Зинаида Шаховская в книге "Отражения" вспоминает, как однажды поздно вечером хотела отправить домой на такси подвыпившего Довида Кнута. Подъехавший таксист оказался русским, который тут же узнал Кнута и заверил Шаховскую: "Ну как же, как же, я его слышал на вечерах, хороший поэт! Не беспокойтесь, доставлю, если надо, то и до квартиры доведу". Этот случай писательница припомнит Кнуту, когда тот посетует, что революция 1917 года лишила его всероссийской славы: "Право, Довид, кому-кому, а вам жаловаться не приходится. Сидели бы в своем Кишиневе и торговали бы мамалыгой, а очутились в Париже, мировом городе, где слава ваша достигла и до парижских шоферов."

Шаховская вспоминает и похожий случай с Буниным, когда тот встретил ее на вокзале и вез в отель на такси: "...Иван Алексеевич, с обычной своей остротой, принялся рассказывать все, что произошло в русском

литературном Париже, выражаясь крепко и по-русски, о своих и моих собратьях... А когда мы выходили из такси, то, обернувшись к нам с веселым лицом, шофер сказал: "Приятно было покатать гордость нашей эмиграции. Я прямо заслушался - ох, и хорошо же вы знаете русский язык!" и отказался взять на чай."

Среди русских таксистов было множество совершенно необыкновенных типов. В своих воспоминаниях Гессен рассказывает о встрече с одним из корреспондентов газеты "Руль": этот шофер такси снимал небольшую меблированную комнату и все заработанные деньги тратил на приобретение редких русских книг, чтобы "сберечь их для России". Таким образом он собрал библиотеку, насчитывавшую полторы тысячи ценных изданий. Чудак? Может быть, и так. Но этот пролетарий главную радость жизни видел в духовных радостях, которые он мог разделить со своими соотечественниками и товарищами по труду.

Русский таксист, этот новый странник земли русской и городской непоседа, играет более, чем важную роль в жизни сообщества изгнанников: развозя клиентов, он заодно переносит и новости, услышанные от них, он связывает между собой различные "русские деревни" - Аньер с Булонью, Клиши с Медоном, он завоевывает этот город и колонизует пограничные территории, окраины и пригороды, где эмигрант, посадив под окном березку и сирень, пытается воспроизвести кусочек родной земли.

Кто же еще, как не таксист выручит, когда веселой компанией собираются на веселый праздник? И кто, кроме таксиста, отвезет батюшку в сирый дом или в больницу, где чья-то скорбная душа нуждается в его помощи и благословении, или на кладбище Тье, где хоронили самых бедных? А кто же еще, как не таксист, этот

рыцарь свободы, поможет вырваться за пределы города задыхающимся в нем бывшим кавалеристам, привыкшим к безграничным русским просторам?

Да, такси для русских эмигрантов было не просто профессией, одним из способов зарабатывания на жизнь или средством передвижения, такси воплощало в себе их мечту о независимости, символизировало само движение, русскую лихость и свободу, бессмертную птицу тройку, и Борис Поплавский поэтически воспел русское такси в романе "Аполлон Безобразов":

> "Эх, лети, железный горбунок, воистину дым из ноздрей на резиновых подковках, напившись бензину, маслом подмазанный, ветром подбитый, солнцем палимый:
>
> Эх, яблочко, куда катишься,
> В sens unique* попадешь,
> Не воротишься, -
>
> Быстро, как пьяное счастье по пустыне жизни, по утренним улицам, быстро, как песня цыганская, как пуля английская, как доля пропащая.
>
> И вот уже набережные миновали, вырвались на бульвары, мгновенным зигзагом миновали грузовик с морковью, пронеслись колесом по тротуару мимо растерявшегося велосипедиста и под адский свист, не останавливаясь, а заставив их в ужасе шарахнуться прочь, и пусть не гонятся на своих велосипедах, все равно на такой скорости не различить номера, да и что номер лихачу-пропойце, пропади совсем номера. А вот и Елисейские Поля, где, освещенные косым утренним солнцем, верхние этажи домов кажутся сделанными из драгоценных розовых раковин и где и сам Бог велит гвоздить акселератор по самую крышечку. У Триумфальной арки опять канарейка-свисток, да где там, кишка тонка, братишка...

---

* Одностороннее движение (в данном контексте: тупи*к, фр.)*

Вот промелькнул белый заборчик стадиона Расинг-клуба, вот еще свисток, а здесь гони, железная тройка, догоняй утренний ветер, прошедший вечер, а вы, пьяные, кричите, и шуми, ветер в ушах, трепли волосы, пока еще остались, ведь уже клонит ко сну, и горечь похмелья черным дымом встает в прекрасном розовом небе. И ты, танцор судьбы, не смотри ни на себя в узкое автомобильное зеркало, ни брату своему в грязное заросшее лицо. Ибо мы сами знаем, как черны мы, как низки и слабы, мы в нищем хмелю, но мы все та же Россия, Россия-дева, Россия-яблочко, Россия-молодость, Россия-весна. Это мы останемся, это мы вернемся, мы - нищие, молодые, добродушные, беззлобные братья собак и машин, друзья книг и бульварных деревьев и алых городских рассветов, только одним бездомным и ведомых."

Нужно ли напоминать о параллели с извечной гоголевской птицей тройкой и вопросом, который звучит в его "Мертвых душах": "Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа."

И разве не встают перед глазами русские удалые богатыри, которые бесстрашно воевали на поле битвы, готовые сложить голову за родную землю, как рискуют головой, мчась по Парижу в своей безумной гонке, нынешние бесшабашные таксисты?

Время сжимается, а пространство расширяется, и Россия остается не где-то там, за бесконечно далекими горами и долами, она - здесь, на этой земле, куда забросило ее сыновей. Такси марки Ситроен - это и есть сегодня русская птица тройка, сюда примчалась она с русских равнин и здесь, в Париже, продолжает свой нескончаемый бег.

Исторический реванш?

До падения коммунизма советским туристам, приезжавшим в Париж, вменялось в обязанность посещение квартиры Ленина на улице Мари-Роз, где жил когда-то основатель советского государства.

Сегодня русские туристы посещают совсем другие "святые места". Это места, связанные с русской эмиграцией, еще не так давно проклинаемой и запрещаемой в СССР. В место самого настоящего паломничества превратилось ныне и кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, где покоятся вчерашние враги СССР и где рядом с русскими рабочими, таксистами и нищими, просившими милостыню на папертях православных церквей, нашли свой последний приют и советские диссиденты, пытавшиеся в одиночку бороться с режимом. Прогуливаясь среди их могил и читая надписи на надгробных памятниках, познаешь историю русской эмиграции.

А сколько памятных мест в самой столице! Они обозначены на уличных табличках и подробно описаны в путеводителях по русскому Парижу. Экскурсоводы услужливо предлагают тематические экскурсии типа: "Париж Бунина", или "Русская богема в Париже", или "Русские церкви в Париже"... И новые паломники устремляются на поиски ныне затонувшей Атлантиды, каковой был русский Париж между двумя войнами, они жаждут посетить эти памятные места, чтобы прикоснуться к своим корням, напиться из этого источника и открыть для себя тот самый "русский дух", который на протяжении семидесяти лет усердно истребляли в России.

Это духовное устремление с успехом эксплуатируют и коммерсанты, извлекая выгоду из освоения русскими новых пространств и всячески способствуя возрожде-

нию русского мифа. И вчерашние советские граждане, выбравшие сегодня Париж своим местом жительства, снова, как когда-то их соотечественники, изгнанные из России, создают сеть кабаре и ресторанов под русскими названиями, где вновь пышным цветом расцветает "развесистая клюква": подделки под фольклор по-прежнему находят спрос у клиентов.

Эти русские, вновь замелькавшие на парижском горизонте, косвенным образом пробуждают интерес "местного населения" и к старой русской эмиграции, волны которой за последнее столетие не раз докатывались до берегов Сены. И одновременно - пробуждается интерес к литературе и искусству русской эмиграции, творившей во Франции.

В самой же России пора увлеченного и радостного первооткрывательства, который позволил издать большую часть писателей-эмигрантов "от Алданова до Зайцева" и запрещенных прежде мыслителей, как Бердяев и Мережковский, сменился экономической ситуацией, при которой золотая жила эмигрантской литературы перестала быть рентабельной. Даже самые превосходные издательства берутся за нее чаще всего из бескорыстной любви к этой литературе и вынуждены выпускать книги русских эмигрантов очень небольшими тиражами.

Зато для историков и литературоведов старой коммунистической формации, еще недавно полностью игнорировавших или сурово осуждавших русских писателей-эмигрантов, эмиграция и эмигрантская литература вдруг стали самой модной и любимой темой. Но углубляясь в творческое наследие русской диаспоры, они не задаются вопросом: какой ценой оплачивал СССР свои достижения? И они всячески избегают проблемы ответственности за жертвы, принесенные на алтарь победы социализма в отдельно взятой стране.

14 – 1500

В мгновение ока вчерашние бескомпромиссные защитники социалистической системы оказались в первых рядах хранителей "всего русского" и первыми борцами против большевизма.

Примечательна программа по изучению Зарубежной России и ее роли в возрождении духовных и культурных ценностей, разработанная Российской Академией наук еще при М.С.Горбачеве, в которой признается историческое значение диаспоры и выражается надежда на то, что глубокое изучение ее наследия будет способствовать возрождению страны и заполнит духовный вакуум, который образовался после крушения ленинизма.

Что ж, опыт культурного выживания первой русской эмиграции действительно может оказаться бесценным для тех двадцати пяти миллионов русских, которые после развала советской империи оказались за пределами своей исторической родины и всем им угрожает утрата культурной идентичности.

Исторический реванш?

Так или иначе, но именно в историческом опыте и культурном наследии русских эмигрантов пытаются сегодня в России отыскать решение проблем, которые возникли после крушения режима, изгнавшего их с родной земли.

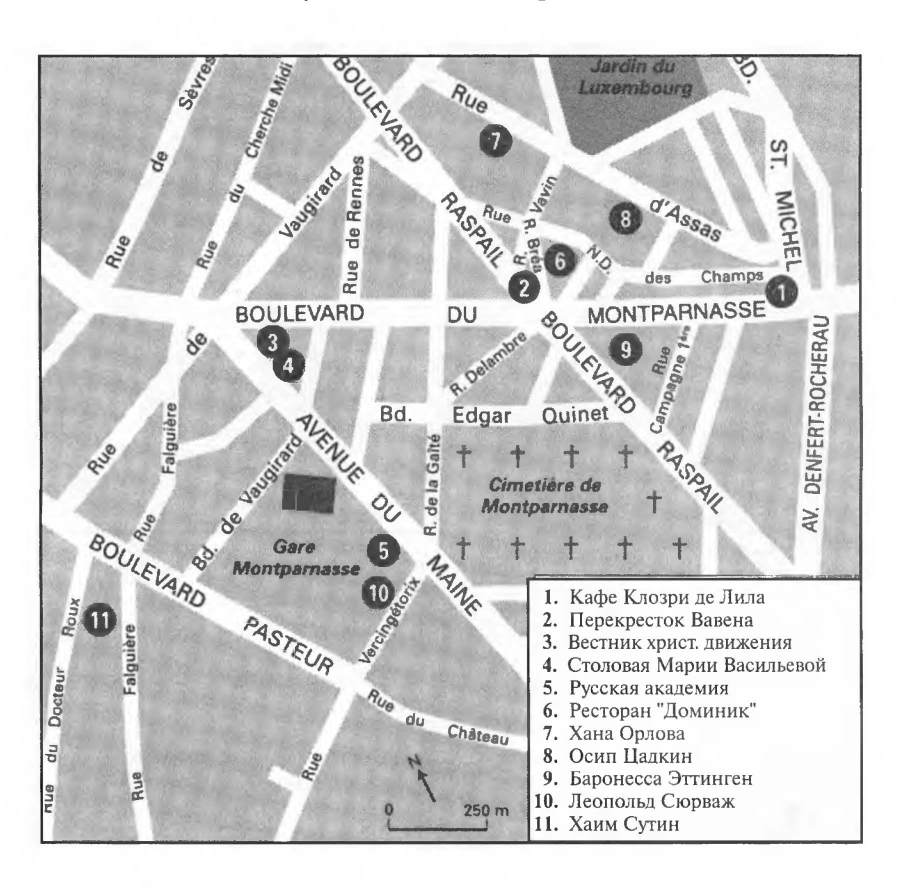
Столовая Марии Васильевой для художников.
Среди присутствующих: Цадкин, Маревна, Модильяни.
Автор рисунка Фугстедт.

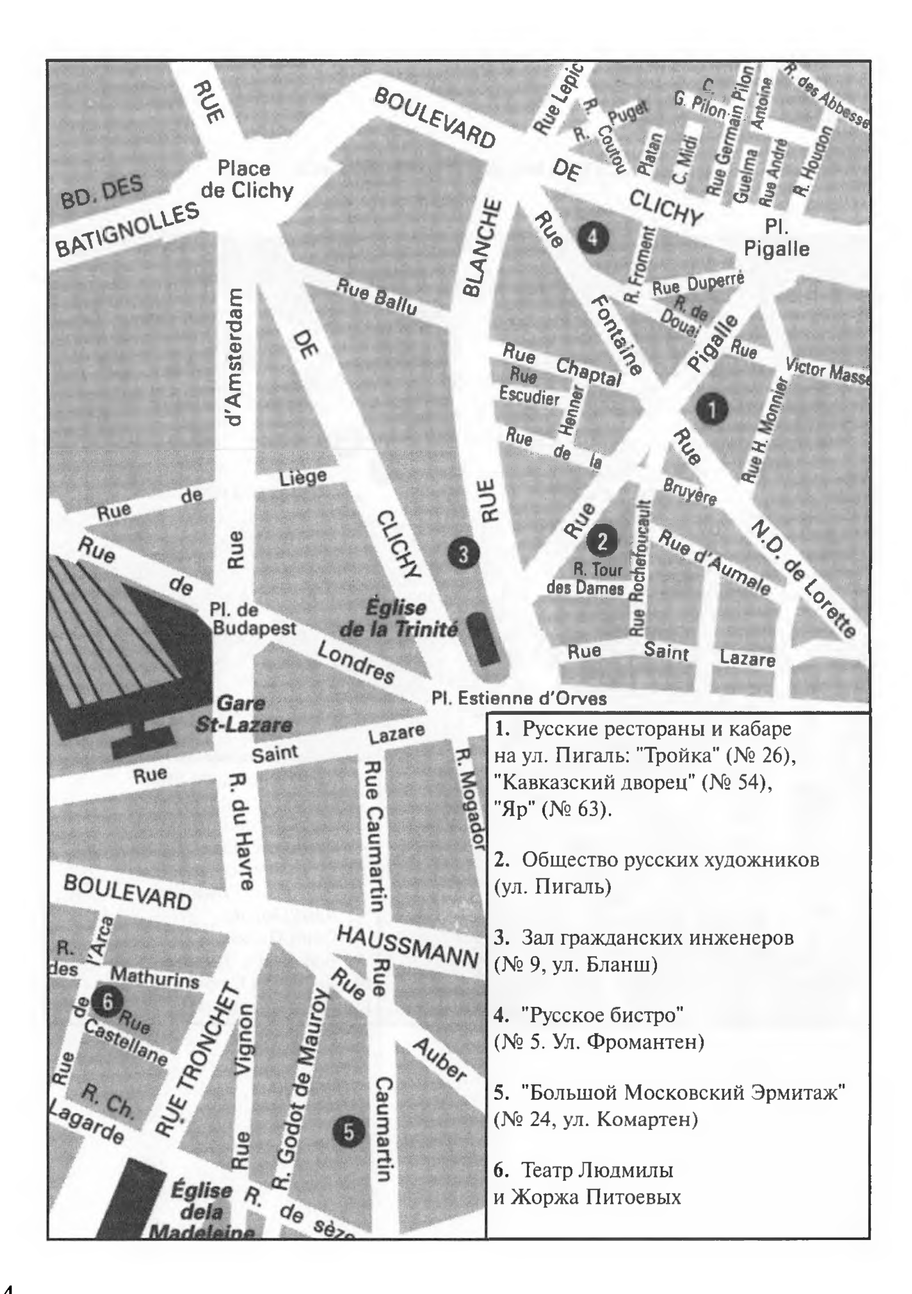
Диана Пашутинская,
мать автора книги,
Елены Менегальдо.
1 мая 1931 г.

Встреча старых друзей.
Евгений Пашутинский,
дядя Е. Менегальдо,
и Генри Миллер.

Русские на Монпарнасе

Русские на Пигаль

1. Русские рестораны и кабаре на ул. Пигаль: "Тройка" (№ 26), "Кавказский дворец" (№ 54), "Яр" (№ 63).

2. Общество русских художников (ул. Пигаль)

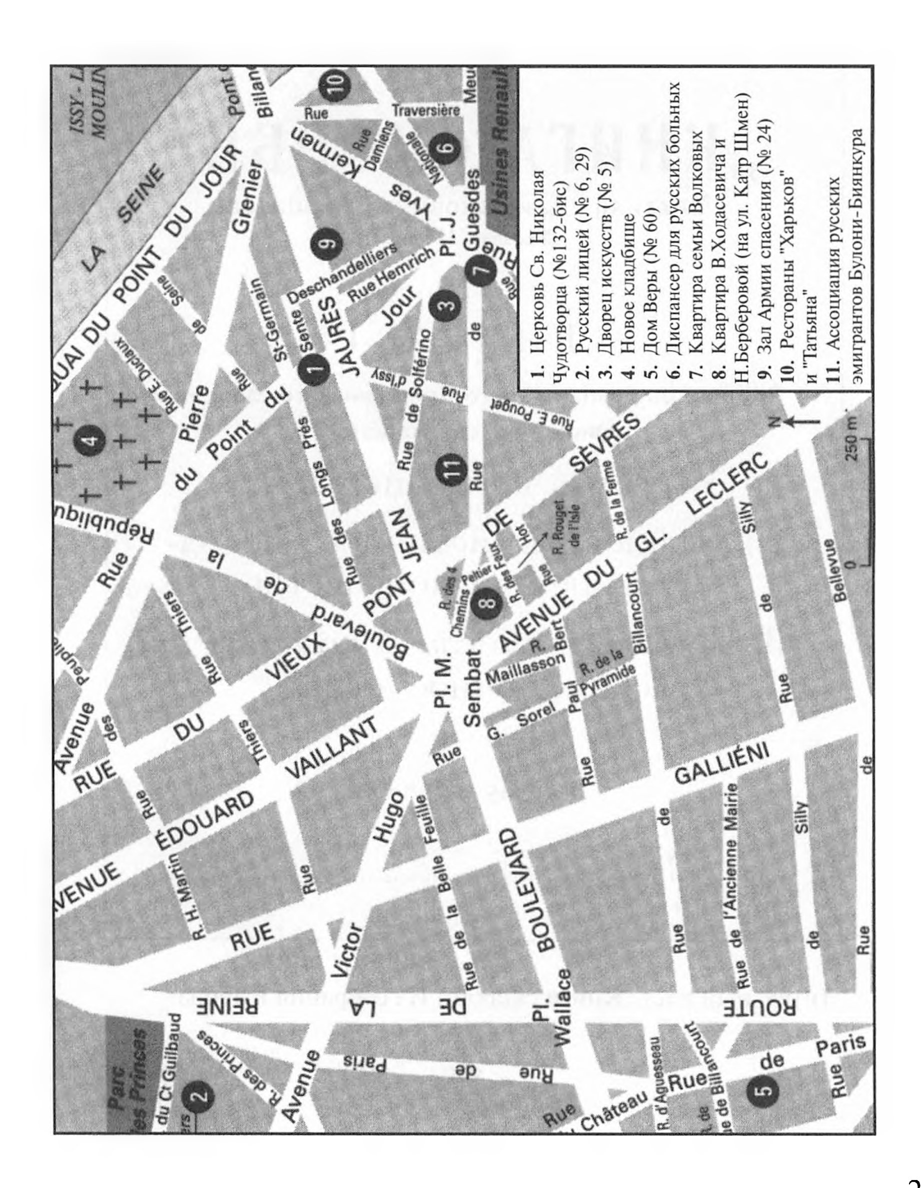
3. Зал гражданских инженеров (№ 9, ул. Бланш)

4. "Русское бистро" (№ 5. Ул. Фромантен)

5. "Большой Московский Эрмитаж" (№ 24, ул. Комартен)

6. Театр Людмилы и Жоржа Питоевых

Русские в Булони-Биянкуре

„КНИГА СКОРБИ"

Михаила Епифановича Акацатова

(Михаила Антонова)

КНИГА I

Проповѣдь безпартійнаго Крестьянскаго „Зеленаго" движенія, стремящагося :

1) Свергнуть коммунизмъ;

2) Установить истинное, неподдѣльное народоправство;

3) Поставить во главѣ Государства высшее, точное знаніе.

Цѣна 15 франковъ.

Выписывать можно изъ Редакціи Вѣстника Всероссійск. Крестьянск. Союза.

Титульный лист "Книги скорби". Из собрания Р. Герра.

РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ

ВЪ ВЫСШЕЙ ШКОЛѢ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА

ПО ОБЕЗПЕЧЕНІЮ ВЫСШАГО ОБРАЗОВАНІЯ РУССКОМУ ЮНОШЕСТВУ ЗА ГРАНИЦЕЙ

1922-23–1931-32 учебные годы

ПАРИЖЪ

—

1933

Обложки книг
из собрания Р.Герра.

Дешевая Библіотека
„РОДИНА И РОДНАЯ РѢЧЬ"

А. Елчаниновъ, Г. Л. Лозинскій и К. В. Мочульскій

ПРОГРАММА

ПО

РУССКОМУ ЯЗЫКУ

(для внѣшкольнаго обученія)

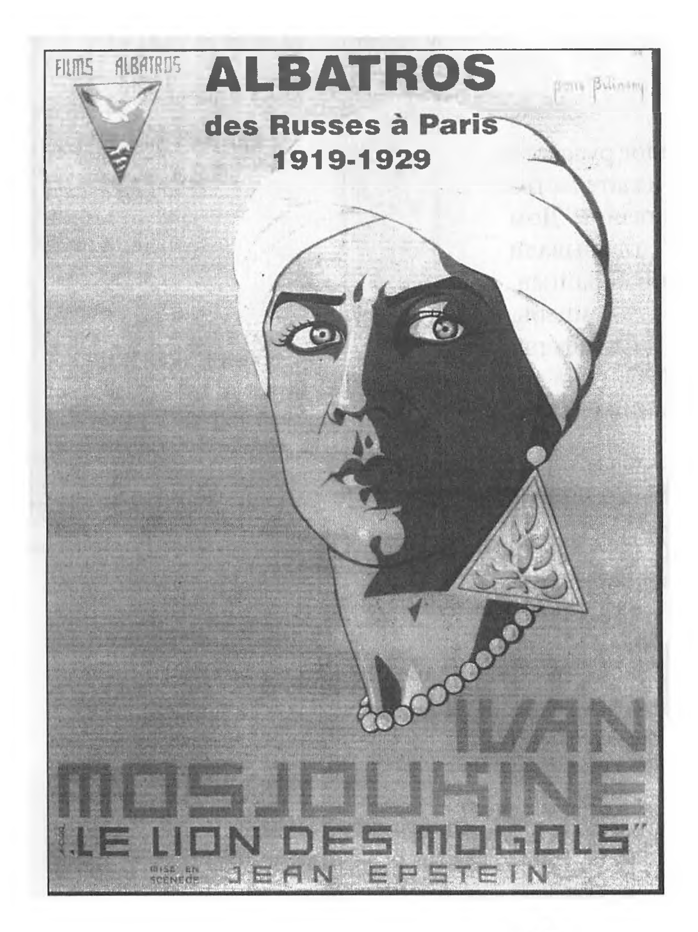
СКЛАДЪ YMCA-PRESS

ПАРИЖЪ

1 9 3 3

Афиша ночного праздника на Монпарнасе работы И.Зданевича и А.Лота.

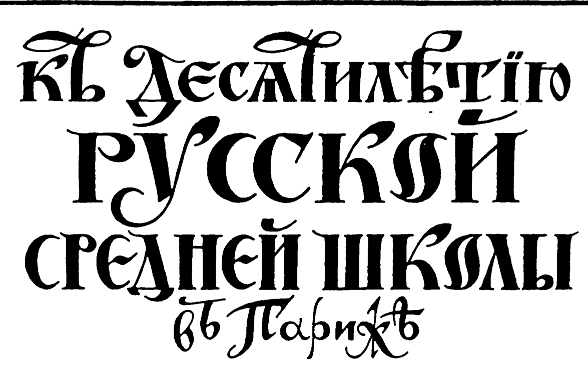
Афиша киностудии "Альбатрос"
работы Б.Билинского.

Каталог русского издательства и магазина "Дом Книги", где бывали И.Бунин, Б.Зайцев, А.Ремизов, С.Лифарь, А.Бенуа и др. Из собрания Р.Герра.

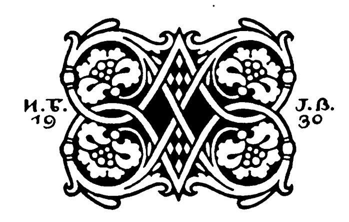

Обложка Устава парижского общества "Икона" работы И.Билибина. Из собрания Р.Герра.

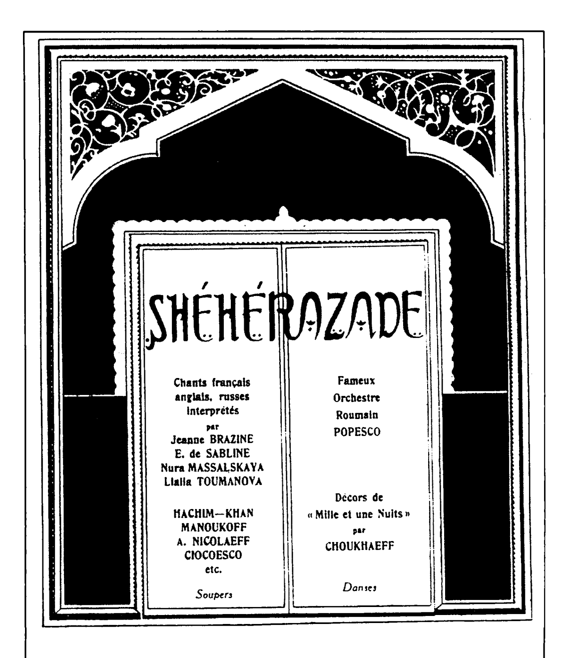

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

4/II 1920—4/II 1930

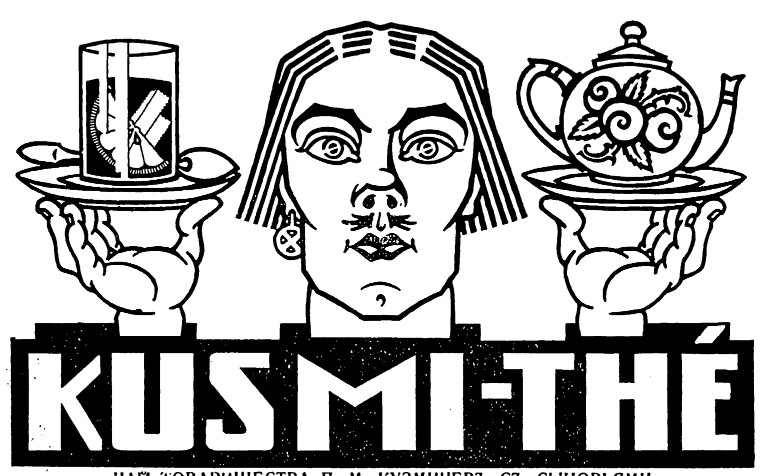
Книга, выпущенная к десятилетию
Русской средней школы в Париже
Из собрания Р.Герра.

Рекламная афиша русского кабаре "Шехеразада", оформленного В.Шухаевым. Из собрания Р. Герра.

Афиша ресторана "Русский Эрмитаж" - с русской кухней, со "знаменитым русско-цыганским оркестром", русскими, цыганскими и кавказскими песнями и танцами. Из собрания Р. Герра.

Реклама русской фирмы, торговавшей чаем.

Реклама русской фирмы, торговавшей "каспийской икрой" оптом и в розницу.

Par leur angulosité les lignes trahissent une approche du cubisme que n'ont pas su percevoir toujours les critiques des *années folles*, mais que nous pouvons mieux reconnaître avec un recul d'un demi-siècle.

Je dispose de peu d'éléments, du moins en langue française pour faire revivre l'homme qui a le plus influencé Jean Lébédeff, si peu influençable pourtant, le grand frère, Nicolas. Je conserve sa correspondance, ainsi que la liste des ouvrages qu'il a écrits et publiés. De plus quelques-uns de ses livres qu'il a fait éditer en langue russe.

Si je n'ai jamais rencontré Nicolas, il m'était pourtant devenu familier. Jean me parlait si souvent de son frère que sa réalité faisait partie de notre vie quotidienne.

Страница из романа Клода Ане "Ариана. Русская девушка" , написанного после путешествия автора по России в начале века. Гравюры Ивана Лебедева. Из собрания Р. Герра.

М.Ларионов "Цирк Дягилева", 1924 г.

" GRAND ERMITAGE MOSCOVITE "

Tél. Central 52-42 — 24, rue Caumartin (Opéra) — Tél. Central 52-42

Directeur : A. RIGIKOFF

Le Célèbre Chanteur

Alexandre Vertinsky

Le fameux Cymbaliste

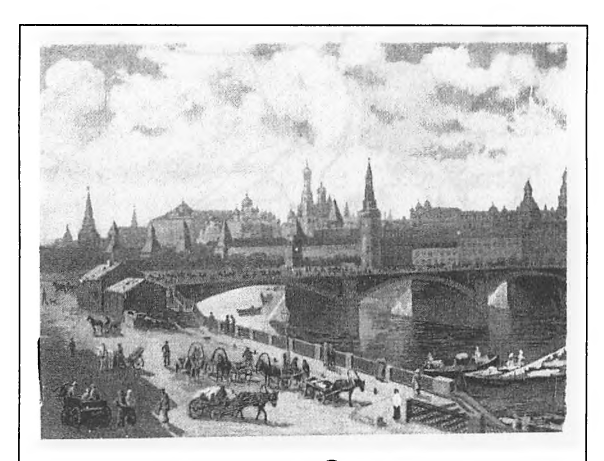
Nitza Codolban

THES - DINERS - SOUPERS DANSANTS

Marie Ditrix - Orchestre Volodarsky - Jazz et Tango

APRÈS LES SPECTACLES SOUPER A 35 fr.

Афиша "Большого Московского Эрмитажа",в котором выступают Александр Вертинский и цимбалист Ница Кодолбан. Из собрания Р.Герра.

Московское Землячество

Amicale des Emigrés de Moscou

1922 1934 гг.

ОБЩЕЕ ГОДИЧНОЕ СОБРАНИЕ 29 АПРЕЛЯ 1934 ГОДА

395, rue de Vaugirard Paris (15)

Téléphone: Vaugirard 35-19

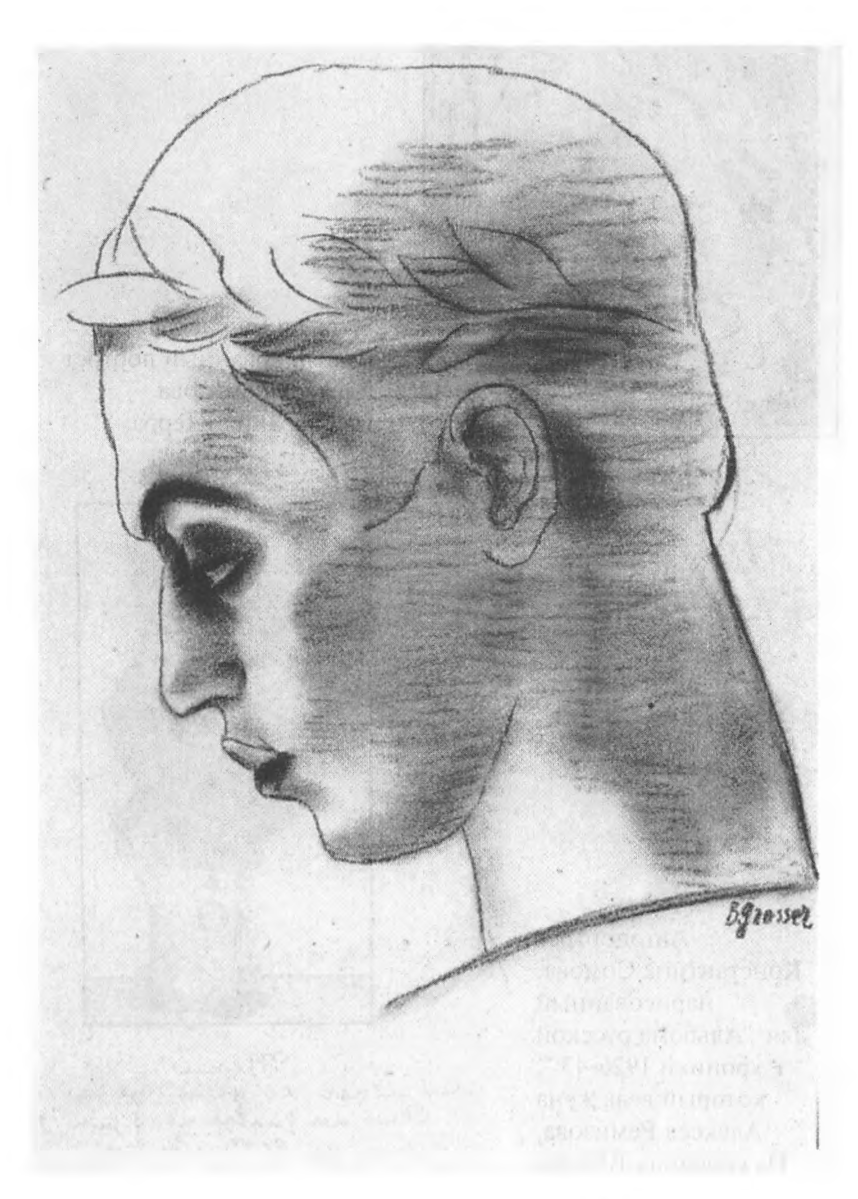
Программа собрания Московского Землячества. 1934 г.

Марк Шагал "Над городом"

Сергей Чехонин.
Портрет танцовщицы Веры Немчиновой.
Из собрания Р.Герра.

Борис Гроссер. Портрет Сергея Лифаря.
Из собрания Р.Герра.

Наталья Гончарова.
Шаржированный портрет
Алексея Ремизова.
Из собрания Р.Герра.

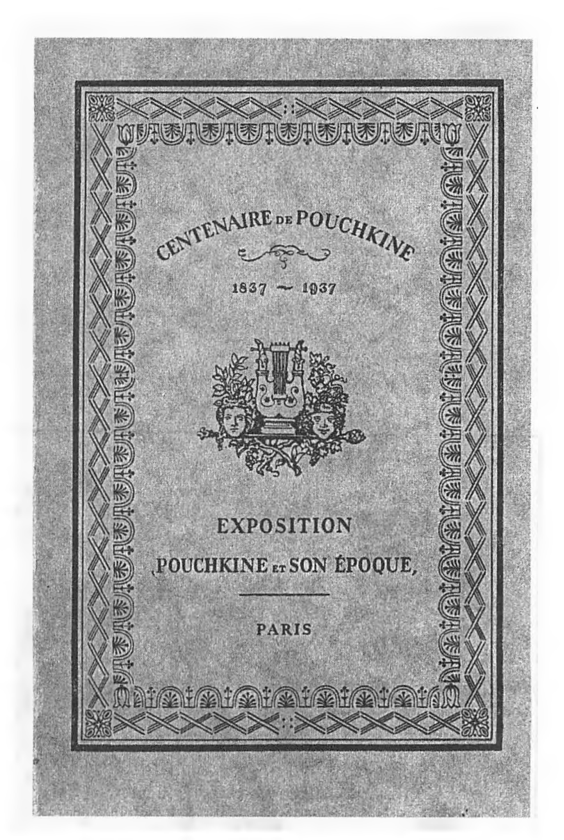

Автопортрет
Константина Сомова,
нарисованный
для "Альбома русской
хроники 1926-43 ",
который вела жена
Алексея Ремизова.
Из собрания Р.Герра.

Menu
Au dîner de grand gala du
Club des quatre le 3 juin 1937,
jour de St Constantin.

Bouillon.
Gâteau de viande au riz et aux
champignons.
Haricots verts.

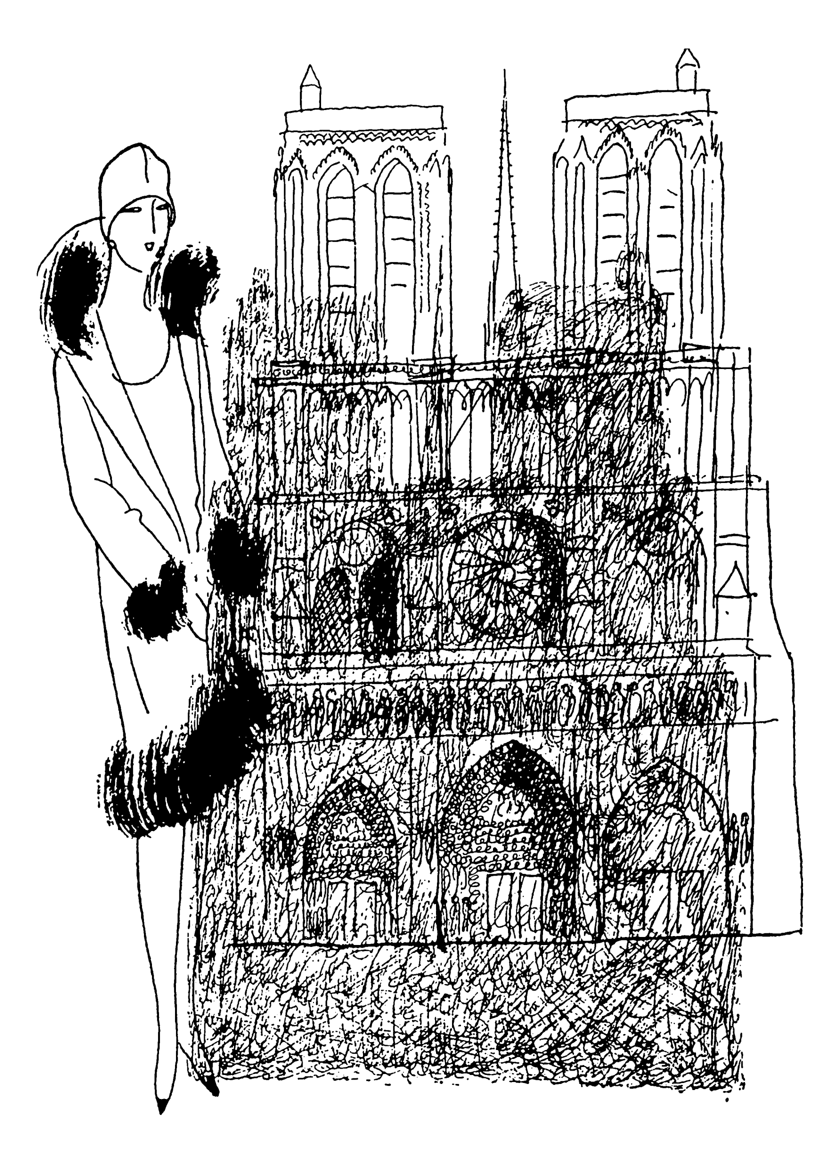
Обложка программы юбилейной выставки "Пушкин и его эпоха" работы А.Бенуа. На форзаце - рисунок Ж.Кокто с посвящением С.Лифарю. 1937 г. Из собрания Р.Герра.

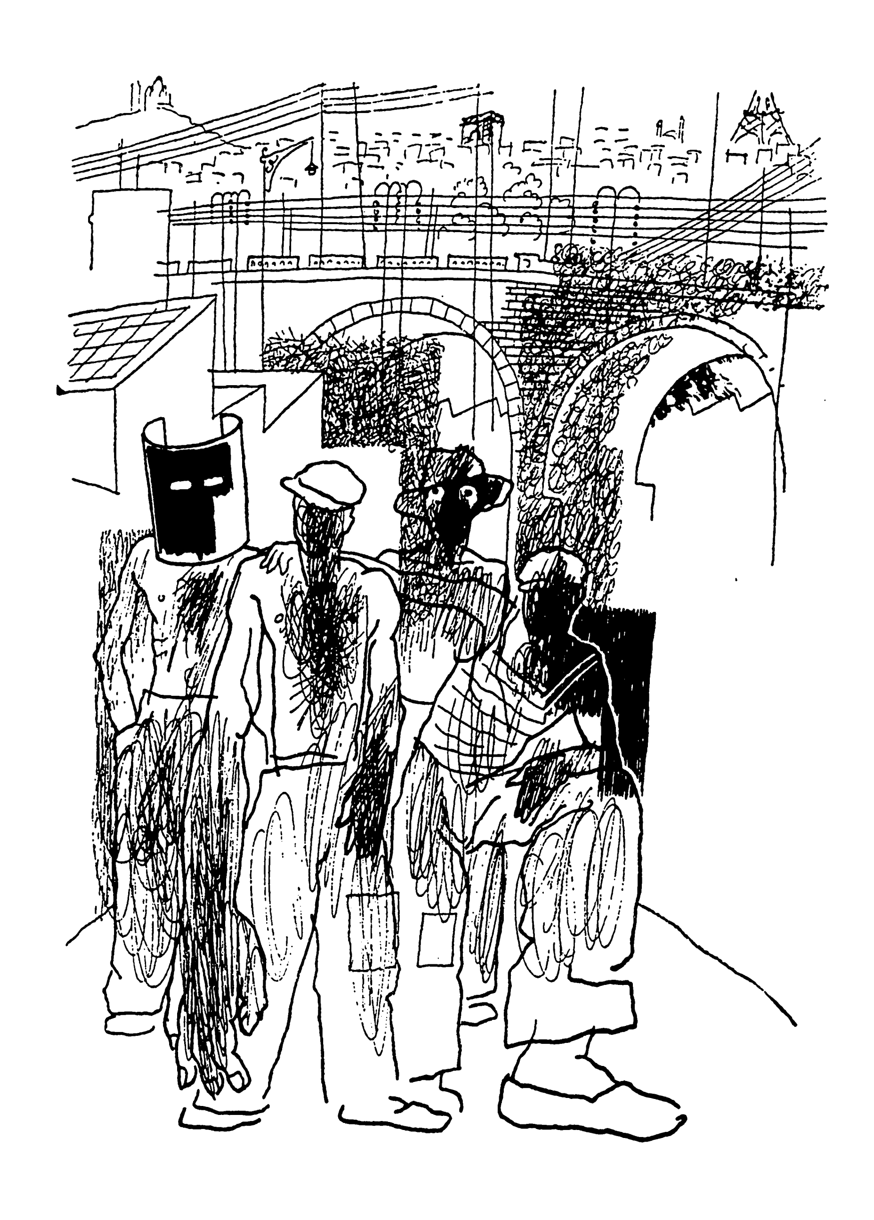

Сергей Поляков (Серж) " Париж "

Ю. Анненков. "Собор Парижской Богоматери".
Здесь и далее публикуются рисунки
Юрия Анненкова, послужившие иллюстрациями
для романа Ивана Голя "Ди Рококо" (стр. 233-239).
Из собрания Р. Герра.

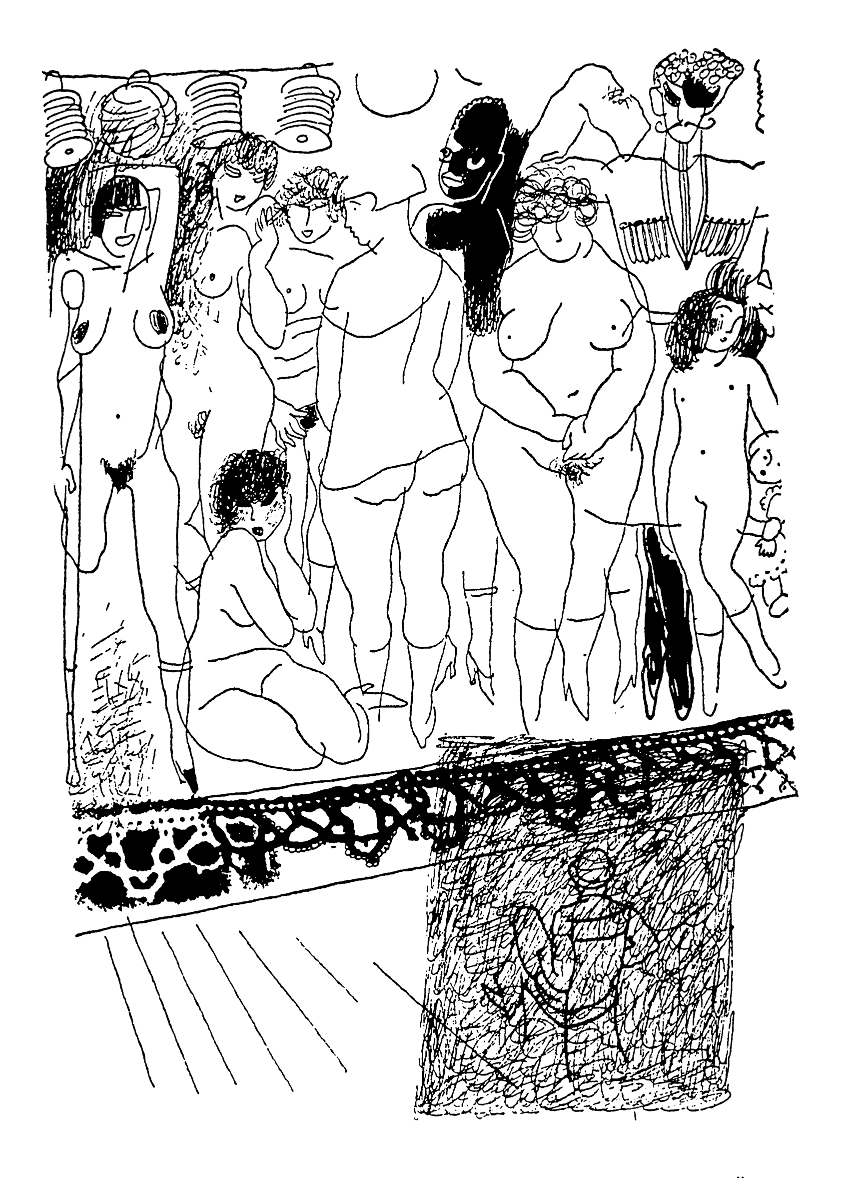
16 – 1500

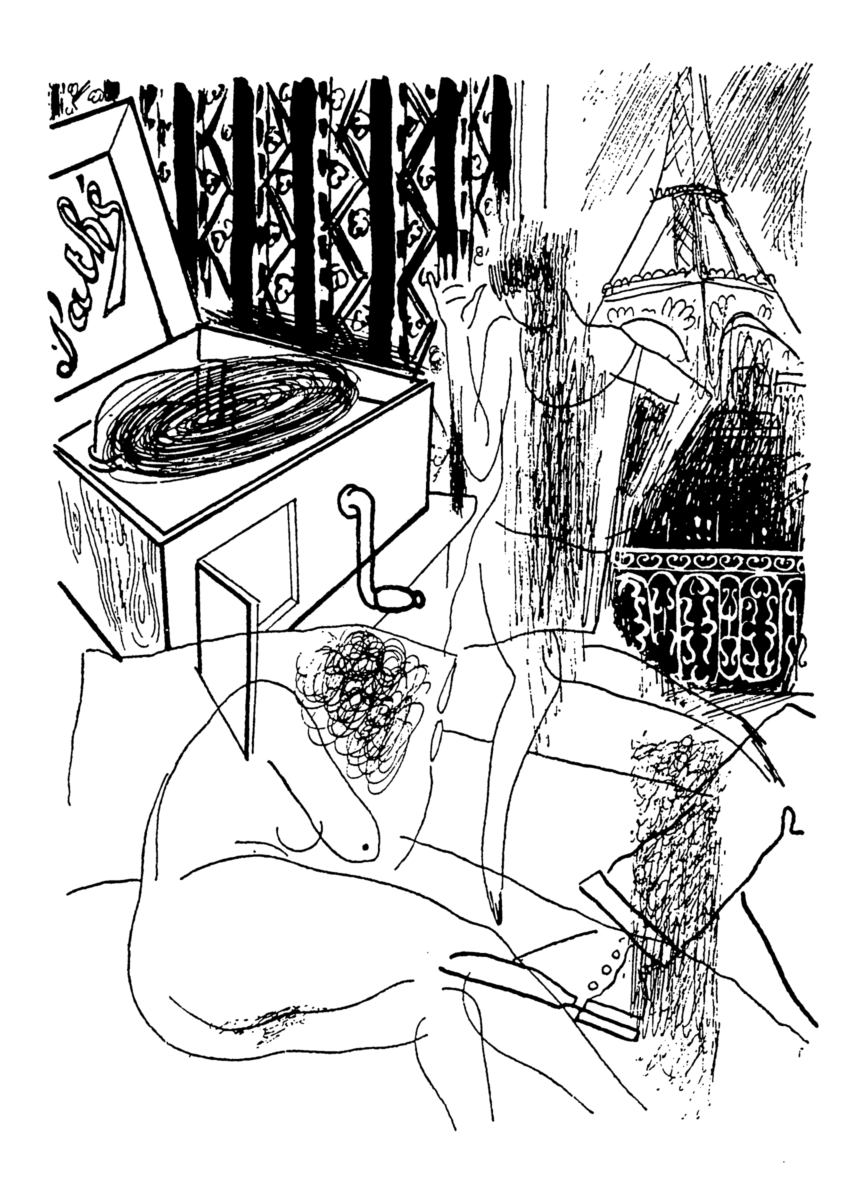
Ю. Анненков. "Рабочие с парижской рабочей окраины".

Ю. Анненков. Парижский мюзикхолл.

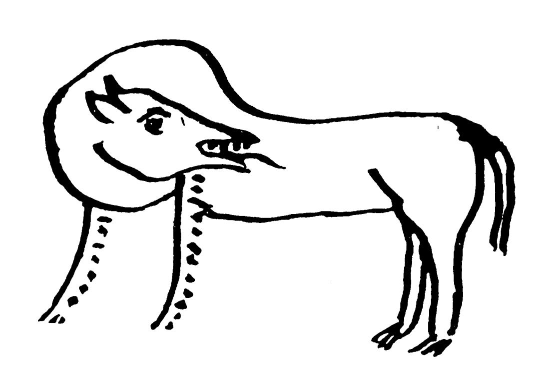
Ю. Анненков. "Кавказский погребок" на Монмартре".

Ю. Анненков. "Увеселительный дом в Париже".

Ю. Анненков "Большие бельвары"

Рисунки Алексея Ремизова (стр. 239-240)

Указатель имен

Содержание

Елена Менегальдо

Русские в Париже. 1919-1939.

Литературно-художественное издание

Елена Менегальдо, доктор наук
и профессор Университета г. Пуатье,
родилась во Франции, в семье русских эмигрантов
первой волны. Ее работы публиковались
в парижских изданиях "Словарь перестройки" (1989)
и "Русский вопрос" (1992).
Она сотрудничает также с московскими
издательствами - при ее участии вышли сборник
Б.Поплавского "Неизданное" (1996) и Собрание
сочинений Б.Поплавского в 3-х томах (1999).
Книга Е.Менегальдо "Русские в Париже. 1919-1929.",
пользующаяся во Франции большим успехом,
рисует широкую панораму парижского бытия
самых разных кругов Зарубежной России
между двумя войнами.
Эта книга будет интересна и специалистам
по Русскому Зарубежью, и самому широкому читателю.

Издатели
Наталья Попова
"Кстати"

Дизайн, пре-пресс **Е. Будрина, А Клищенко.**

Факс издательства: (095) 382 35 29
ЛР № 066501 от 13 апреля 1999 г.

Тираж 2 000 экз. Зак. 1500
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО "Можайский полиграфический комбинат".
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Елена Менегальдо
Русские в Париже. 1919 - 1939.

В этой книге оживает Русский Париж –
уникальное, фантастическое "государство",
возникшее в XX-м столетии
в несравненной европейской столице.
Это "государство" создало свои общественные
институты, образовательную систему,
учреждения культуры и печать.
Оно сделало все, чтобы сохранить родной язык.
Это они, русские изгнанники, живя в чужой стране,
создавали лучшие театральные спектакли того времени,
прокладывали новые пути в музыкальном, балетном,
драматическом и изобразительном искусстве.
Это они создали непревзойденные литературные
шедевры, которые обогатили мировую литературу.
Это они строили на французской земле
православные храмы
и творили высокую парижскую моду,
работали чернорабочими на французских
заводах и крутили баранку парижского такси.
Тысячи удивительных судеб и тысячи личных
трагедий сплетались в Историю Русского Зарубежья.
И это они, русские беженцы,
изгнанные с родной земли,
оставили нам неисчерпаемое духовное наследие,
к которому мы припадаем сегодня,
как к животворному источнику.

ISBN 5-88113-009-X
9 785881 130091 >